

Виктор Верстаков

**А что нам терять,
кроме чести**

**Лауреаты Губернаторской литературной премии
имени Роберта Рождественского**

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу
Алтайская краевая универсальная научная библиотека
им. В. Я. Шишкова

Виктор Верстаков

А что нам терять, кроме чести

Стихи

Барнаул
2015

12+

ББК 84 (2Рос – Рус) 6-5

В 357

Издание подготовлено по заказу и при финансовой поддержке
Администрации Алтайского края в рамках
Губернаторского издательского проекта.

Верстаков В. Г.

В 357 А что нам терять, кроме чести : стихи / В. Г. Верстаков ; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. – Воронеж : ООО «Новый взгляд», 2015. – 332 с. – (Лауреаты Губернаторской литературной премии имени Роберта Рождественского)

ISBN 978-5-93737-118-8

В поэтическую книгу В. Г. Верстакова «А что нам терять, кроме чести» вошли стихи, написанные в различные периоды жизни. Немаловажное место занимают стихотворения, где автор размышляет о России, о воинской чести и доблести, о любви и долге.

ББК 84 (2Рос – Рус) 6-5

ISBN 978-5-93737-118-8

© В. Г. Верстаков, 2015
© Т. Н. Кузнецова, редаKTура, 2015
© КГБУ «Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2015

Литературная премия имени Роберта Рождественского учреждена в 2012 году Губернатором Алтайского края А. Б. Карлиным.

Премия посвящена памяти родившегося в Алтайском крае талантливого русского поэта, внесшего большой вклад в отечественную и мировую культуру.

Роберт Рождественский – один из самых известных поэтов Советского Союза. Вместе со своими талантливыми сверстниками Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадулиной Роберт Рождественский стал кумиром эпохи – поэтические встречи «шестидесятников» собирали огромные стадионы. Поэзия Роберта Рождественского пронизана особой искренностью и свежестью, всегдашней актуальностью и современностью.

Своими стихами Рождественский рассказал о великой стране, в которой жил, о ее героических и самых обычных людях, о грандиозных и малых делах советской истории. Из-под его «пера» все выходило удивительно искренне и талантливо. Он говорил о великом – но очень просто и понятно. В его стихах можно услышать и о любви, и о стране, и о простом человеке. Со временем Рождественский создал много текстов популярных песен, которые до сих пор считаются богатством музыкального наследия эпохи. Многие полюбили Роберта Рождественского за его любовную лирику, которая занимает очень большое место в его творчестве. Его стихи о любви наполнены не только проявлениями цельности героя, но и драматическими противоречиями, сердечными тревогами, поисками смысла жизни и неповторимого счастья.

Одним из значимых культурных центров Косихинского района является Косихинская модельная мемориаль-

ная районная библиотека. С 2007 года она носит имя Роберта Рождественского. Регулярно работники библиотеки совместно с другими учреждениями культуры готовят новые интересные программы, посвященные творческому наследию Роберта Ивановича. Начиная с мемориальной доски перед входом в библиотеку до книжных экспозиций и выставок – все здесь говорит о причастности к жизни и творчеству поэта.

В Косихе открыт Центр патриотического воспитания сельской молодежи имени Роберта Рождественского, в котором расположен музей поэта. В Центре проходят литературные праздники, встречи с деятелями культуры и искусства Алтая, музыкально-литературные вечера.

Премия имени Р. И. Рождественского присуждается один раз в два года за поэтические произведения. Ее вручает Губернатор Алтайского края Александр Карлин во время Рождественских чтений, которые проходят в два этапа – в Барнауле, в музее истории литературы, искусства и культуры Алтайского края и в селе Косиха, где родился поэт.

Первым лауреатом премии имени Роберта Рождественского в 2012 году стал поэт, боевой офицер, полковник в отставке Виктор Верстаков из Москвы. Вторым – наш земляк, проживающий сейчас в Ленинградской области, Виктор Брюховецкий.

В 2014 году Губернатором Алтайского края принято решение об издании на Алтае серии книг лауреатов премии имени Роберта Рождественского.

В этой книге представлены стихи первого лауреата премии Виктора Верстакова.

Верстаков Виктор Глебович [20.12.1951, пос. Ветрино Витебской обл., БССР] — поэт, прозаик. Родился в семье офицера-танкиста, участника Великой Отечественной войны, мать - из крестьян, служащая железнодорожных войск. Детство прошло в военных гарнизонах Белоруссии, Украины, Германии, России.

Своей «малой Родиной» Верстаков считает город Шуя Ивановской области, где в 1968 г. окончил среднюю школу. Учился в Московском авиационном институте, затем — в Военно-инженерной академии им. Ф. Э. Дзержинского в г. Москве, которую окончил в 1975 г. Более 10 лет служил специальным военным корреспондентом газеты «Правда» (и др. изд.), побывал во многих горячих точках. В 1980-89 гг. неоднократно в качестве военного корреспондента выезжал в Афганистан. Полковник запаса, награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом Почета.

Дебютировал как поэт в 1970 г. в газетах «Знамя коммунизма» (г. Шуя) и «Красный воин». Первая книга - «Традиция» - вышла в 1975 г. («Современник»). Второй сборник стихов Верстакова - «Сердца и звезды» (Воениздат, 1978 г.) удостоился теплого отзыва Константина Симонова. Затем на протяжении четверти века вышло около полутора десятков поэтических сборников Верстакова, получивших высокие оценки в критике.

Стихи и публицистика В. Г. Верстакова переводились на немецкий, болгарский, польский языки. Многие из стихов Виктора Верстакова стали песнями, музыку к которым пишет сам автор и исполняет их под гитару.

Песни в авторском исполнении записаны на нескольких грампластинках, а также легли в основу музыкального фильма «Офицерский романс» (ЦТ, 1991 г.). В последние годы руководил Военно-художественной студией писателей при Министерстве обороны. Лауреат нескольких литературных премий. Живет в г. Москве и тверской деревне Бирюльки.

МНОГО НАС У РОССИИ. РОССИЯ У НАС ОДНА.

Снова и снова, в который раз, перечитываю стихи Виктора Глебовича Верстакова -поэта, который не понаслышке знает, что такое война; поэта, прошедшего с боями Афганистан; поэта, который честно служит России словом и делом; поэта, умеющего по-настоящему любить.

Его стихи согревают душу. Его стихи заставляют плакать. Не верите? А вы прочтите «Нюрку» или «Медсестру переднего края».

Поэт искренне делится с нами тем, что наболело:

...Бога о чем попрошу
я из остывшей избы?
- Дай, ещё миг подышу
воздухом русской судьбы...

...Греховодную судьбу доживаю,
скорой смерти по-своему рад.
Про войну и любовь забываю -
отставной овдовевший солдат...

Любовь к Отчизне и русской природе, любовь к женщине и к друзьям - всё это нашло отражение в поэзии В. Верстакова. Я не буду вдаваться в подробности, как он использует в своих стихах образы, метафоры, сравнения... Это ему просто дано свыше.

Немногие, по-настоящему большие поэты, были провидцами и пророками. Стихи Виктора Верстакова о Севастополе, написанные в 90-х годах являются провидческими:

...Еще инкерманские тропы
полюнью не все заросли.
Ещё ты стоишь, Севастополь,
на краешке русской земли...

ЗаклЮчить своё небольшое вступление к сборнику стихов Виктора Верстакова хочется такими строчками:

...Как впереди красивы
Русские времена.
Много нас у России.
Россия у нас одна.

*Татьяна Кузнецова, поэт,
член Союза писателей России*

Из новых стихов

* * *

События и лица – они придут потом.
История творится за письменным столом.

Сначала было Слово, его сказал Господь.
Духовные основы преобразили плоть.

Восстания, невзгоды, смирение, война –
последствия и восходы духовного зерна.

Не трогайте поэта, покуда он творит.
Быть может, он за это вас не приговорит.

Но мне опять не спится, в сомнениях дрожу:
История творилась, а что я ей скажу?

7 марта 2014 г.

САЛТЫКОВКА

Деревянный домик в Подмосковье,
ветхая ограда, скудный сад.
Вот где повстречался я с любовью
сорок с лишним лет тому назад.

Девочка, студенточка, тихоня.
Старенький разложенный диван.
И прощала даже баба Тоня –
здешняя хозяйка – наш роман.

Вдалеке гудели электрички,
песенки играл магнитофон,
я курил, бросая на пол спички, –
я неосторожно был влюблен.

Первая жестокая свобода,
над желанным телом злая власть.
Видно, повелела нам природа
во грехе прекраснейшем пропасть.

И пропали – поженились вскоре,
получили комнату в Москве.
...Банки там сушились на заборе.
Яблоки лежали на траве.

11 марта 2014 г.

ПЕРЕФОРМИРОВКА

Возле города Орла
полк в боях сгорел дотла.
Командир убит, а танки –
их печальные останки –
головешками в золе
раскидало по земле.

Из людей – десятка два
выжили едва-едва,
повезло им, что успели
выскочить, пока горели
бензобаки и движки
и снарядные лотки.

А когда огонь остыл,
выживших послали в тыл,
чтоб на сборном пункте в Туле
подлечились, отдохнули
и вернулись бы опять
в новых танках воевать.

Переформировка. Так
называли этот шаг
с фронта в тыл, затем обратно.
Мой отец неоднократно

совершал его, когда
брал на танках города.

Ну а в Туле есть вокзал,
сохранился даже зал,
где отец мой не однажды
заливал тоску и жажду
самогоном и вином
в ресторанчике хмельном.

Я недавно там сидел,
в те же окна я глядел,
и бежал мороз по коже:
все знакомо, все похоже,
словно тыловым винцом
отпивался здесь с отцом.

А потом чеченский фронт;
черт бы с ним, да вдруг ремонт
учинили на вокзале
с перепланировкой в зале...
Ничего не узнаю.
Без отца впервые пью.

18 февраля 2014 г.

* * *

Давай посидим на диванчике,
ведь скоро последний звонок.
Мы все в этой жизни обманщики,
ничем я тебе не помог.

Собравшись в дорогу небесную,
такой излучаешь ты свет,
что женщиною неизвестною
мне стала на тысячу лет.

Хотя почему же на тысячу?
Я в рай на свиданье зайду
и, может, прощение вымучу...
Дают ли прощенье в аду?

12 февраля 2014 г.

О ГОЛУБЫХ

– Ты это брось – сказал я купоросу.
А купорос – он, братцы, голубой.
– Я гомосексуальные вопросы
не собираюсь обсуждать с тобой.

Обиделся и оскорбился медный
со школьных лет знакомый купорос:
мол, он не голубой, он сине-бледный,
а женщины какие? вот вопрос.

Да, женщины, конечно, не подарок,
особенно из нынешних времен,
цвет их раскраски нестерпимо ярок,
хотя и тоже неопределен.

– Так почему не обсудить вопросы? –
обрадовался сине-голубой.
– Ты химикат, – сказал я купоросу, –
а женщина останется судьбой.

31 января 2014 г.

* * *

Два боя – переформировка,
одно сражение – нет полка.
И повторять уже неловко,
как гибли русские войска

на той войне неповторимой,
Великой, страшной, мировой,
когда из пламени и дыма
немногие пришли домой.

Отец вернулся, пусть изранен,
контужен, в танке обожжен...
Тому, что я бывал в Афгане,
не придавал значенья он.

А мне хотелось поделиться
и оправдаться, почему
мне тоже по ночам не спится,
как после той войны ему.

Он морщился и уклонялся
от разговоров о войне.
Конечно, с ним я не равнялся,
но было чуть обидно мне.

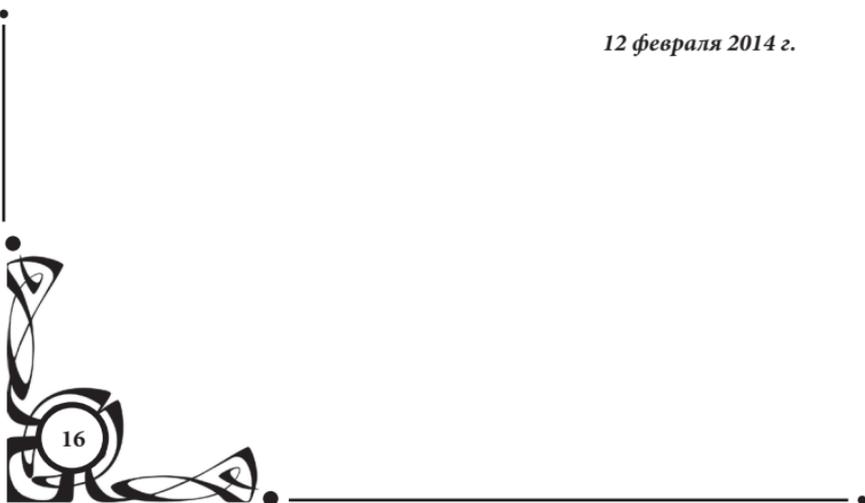
- Ведь я не сравниваю, батя.
- Вот и не нужно говорить
о том, что не поймешь. ... А кстати:
ты многовато стал курить.

12 января 2014 г.

* * *

Пройти дорогу до конца,
ни разу не предав отца,
особенно в конце пути,
когда уже устал идти,
и мир вокруг тебя безумен,
непредсказуем, странен, шумен,
с американским вытием
и приклатненным бытием,-
где радуются подлецы
и плачут в небе их отцы.

12 февраля 2014 г.

* * *

Мы любим поющих с надрывом,
идущих в потемках судьбы,
которым все видится лживым,
мерещатся всюду гробы.

Чем горестней песня поэта
и чем громогласней она,
тем искренней кажется спета
и даже глухому слышна.

С пристрастием этим не спорю,
перечить толпе не берусь,
хотя есть негромкое горе
и вовсе безмолвная грусть.

А если расширить пространство
и к вечности в душу залезть, –
там царствует моцартианство
и Пушкина светлая весть.

31 января 2014 г.

УСТЬИНСКИЙ МОСТ

В шинелях, пригнанных по росту,
в мир излучая красоту,
идем по Устьинскому мосту
(а может быть, и по мосту).

Мы распоясались немного,
поскольку не должны войска
держат, как говорится, ногу,
с мостов не спустятся пока.

Ведь по закону резонанса,
который выявлен давно,
теоретически есть шансы,
обрушив мост, пойти на дно.

Зачем нам дно? Мы на подъеме
судьбы военной и людской,
у нас подруги в каждом доме,
нам Кремль сияет за рекой.

Какие на погонах канты
и пушки, Господи прости!
Любимцы времени, курсанты,
уже ракетчики почти.

Мы на мосту, назад ни шагу.
Но всё получится не так:
никто не выполнит присягу,
не защитит отцовский флаг.

29 января 2014 г.

* * *

О деревьях, о цветах, о птицах,
о дожде, о снеге, о луне,
о невозвратимых женских лицах,
о реке, журчащей в тишине, –
я не знаю, по какой причине
и какому правилу подстать,
мне читать не хочется отныне
и вдвойне не хочется писать.

Да, прекрасна вечная природа,
и любовь земная хороша.
Но все больше мучит год от года
то, что именуется душа.

Говорят, она дается многим,
даже всем дается, говорят.
Почему же на земной дороге
бездуховней люди – все подряд?

Неодушевленные предметы –
разве это идеал пути?
Но сживаем души мы со свету
собственные, Господи прости.

29 января 2014 г.

* * *

Над куполами Николо-Угрешской обители
черные птицы порывистой стаей летят.
Не помогли нам небесные наши хранители,
в разные стороны ангелы наши глядят.

Как хороша колокольня, отдельно стоящая,
храм белокаменный, купол над ним золотой.
Нас осенила когда-то любовь настоящая,
так и не став бестелесной любовью святой.

А по углам купола голубые со звездами,
а под стеной протекает родная река.
Наши прозрения были земными и поздними,
не возлетели, как ангелы и облака.

Вот и осталась лишь стая порывисто-быстрая
черных, крикливых, летающих попусту птиц,
да куполов на закате сияние чистое,
да богомольцы, у храма упавшие ниц.

26 января 2014 г.

ПОСТМОДЕРНИСТЫ

Куда ни плюнь – постмодернисты,
для них стихи – шаляй-валяй,
а сами на руку нечисты,
таким карман не подставляй.

Не украдут, так обругают,
что все, мол, гады и рвачи,
они одни стихи стругают
и обжигают кирпичи.

Постмодернизм. Хоть слово дико,
но им ласкает слух оно.
А вот поди у них спроси-ка,
что в слове том заключено?

Посмотрят, как на идиота,
достойного духовных клизм.
Они слышали от кого-то
про этот, блин, постмодернизм.

На них прозрение напало,
зачем им термин понимать!
Вот и ваяют что попало,
но в основном...ядрёну мать.

18 января 2014 г.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД

Брел по незнакомой темени,
на платформу угодил,
от которой в скором времени
местный поезд отходил.

“Поезд следует до станции...”
И заскрежетала дверь.
Направленье и дистанция
неизвестны мне теперь.

Поезд следует, я следую,
не расслышав на беду
станцию, откуда еду я,
станцию, где я сойду.

Полночь, пустота вагонная,
поезд мчится, но куда? –
не подскажет заоконная
одинокая звезда.

Вот платформа полутемная
громыхнула. Тишина.
Да, страна у нас огромная,
очень странная страна.

Так и жизнь. Одни сомнения:
правильно ли ты живешь?
Знать хотя бы направление,
срок и место, где сойдешь.

18 января 2014 г.

ПРОЩАЛЬНЫЙ МАРШ

Говорю: – Здорово,
Ирка Топорова,
ты чего поешь,
ты куда идешь?

– Догадайся сам уж,
милый-дорогой.
А иду я замуж,
взял меня другой.

– Не спеши, дуреха,
замуж не ходи.
Без тебя мне плохо,
годик подожди.

– Подожду я годик,
да потом опять
ты уйдешь в походик –
сколько снова ждать?

– Нет войны в Афгане,
и Чечня тиха.
Для чего заранее
ожидать греха?

– Я не ожидаю –
замуж выхожу,
песенку рыдаю,
на тебя гляжу.

17 января 2014 г.

РАЗГОВОР С ЖИЗНЬЮ

В Тверской глуши, которая когда-то
пятиной Новгородскою была,
я улыбаюсь жизни виновато,
творя сиюминутные дела.

В избе прибраться, нарубить дровишек,
с источника водицу принести,
из печки согрести золы излишек,
в сарай и баню прокопать пути.

В деревне дел хватает и зимою,
тем более когда ты одинок,
когда вокруг безлюдие немое
и ни один не стелется дымок.

Обогреваю древнюю пятину,
про современность напрочь позабыв.

- Чему ты улыбаешься, детина?
- Тому, что ты прошла, а я все жив.

17 января 2014 г.

АРМЕЙСКИЙ РОМАН

Она в музее краеведческом,
а я в военном городке...
В кино встречались летним вечером,
зимой встречались на катке.

Держа прилюдно расстояние,
наедине с ума сходя,
не отменяли мы свидания
из-за мороза и дождя.

Неинтересная история,
недолгим будет разговор.
В другую часть уехал вскоре я,
она в музее до сих пор.

Конечно, были письма длинные
и телефонные звонки,
ее рыдания беспричинные
и приступы моей тоски.

С десяток лет в краю отеческом
я почему-то не бывал,
и о музее краеведческом
неотвратимо забывал.

Потом услышал от приятеля:
она уж замужем давно.
Не долюбили мы, не спятели,
не доиграли мы кино.

16 января 2014 г.

НА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

Спаси, Господь, от зимней службы,
ночевок на снегу,
заиндевшего оружия
и маршей сквозь пургу.

Броня в морозы не спасала:
так холодна была,
что кожу с пальцев отрывала,
насквозь ладони жгла.

Отец рассказывал, что ночью
они из танка – прочь,
солярку заливали в бочку
и жались к ней всю ночь.

Или под днище танка лезли
и возле костерка
дымились в копоти железной,
не рассветет пока.

А рассветет – тогда в атаку,
сминая все подряд.
В бою согреются, однако.
Или совсем сгорят.

16 января 2014 г.

ИКОНКА

Мама в ту пору была медсестрой
в госпитале фронтовом.
Песенки раненым пела порой,
если попросят о том.

Как молода была, как хороша,
пусть не ахти голосок,
слушали раненые чуть дыша,
боль подзабыв на часок.

Мама всю жизнь вспоминала бойца
с малой иконкой в руке,
не убирал он ее от лица,
прятал слезу на щеке.

– Утром я вновь на дежурство пришла,
всё образок он держал.
«Нина, иконка меня не спасла», –
мне перед смертью сказал.

Непредсказуемы Божьи пути,
неугасима война.
– Мама, – твержу я сквозь годы, – прости. –
Держит иконку она.

16 января 2014 г.

ТОВАРИЩИ ОФИЦЕРЫ

Господи Боже, на что мы похожи,
как мы слабы и смешны.
Вроде бы не виноваты, а все же
сдали страну без войны.

Да, мы не трусили в Афганистане,
не отступили в Чечне,
но прогорели на телеэкране
в грязном эфирном огне.

С чем обратимся, отцы-командиры,
к бывшим родимым полкам?
Что, покидая земные квартиры,
скажем фронтовикам?

Армии, дескать, не место на сцене
переворотов дурных...
Господи, не обвини нас в измене –
честных, наивных, смешных.

16 января 2014 г.

* * *

Душа разбита, как горшок,
и клея нету.
Не выпить ли на посошок
и – прочь со света?

На что ни глянь,
чего ни тронь, –
все надоело.
Ну разве что в печи огонь,
святое дело.

Не слышу голоса с небес,
судьбы не слышу.
Был кот в избе, и тот исчез,
остались мыши.

Была подруга у меня,
ушла подруга.
Сижусь с мышами у огня,
спиваюсь с круга.

Неужто я зазря прошел
моря и сушу?
Огонь и спирт – всё, что нашел,
чем склеить душу.

15 января 2014 г.

* * *

На чёрта мне прогнозы погоды,
наплевать мне на мир за окном.
В эти поздние главные годы
я живу в измереньи ином.

Будет дождик – ну что же, промокнешь,
будет холод космический – что ж,
ветер вышибет двери и окна –
заколотишь, завесишь, заткнешь.

Это все суета и телесность.
Есть одна непреложность – душа,
постигающая неизвестность,
никуда на земле не спеша.

15 января 2014 г.

* * *

Я писал о том, что близко веку,
я распахнут настезь не бывал,
«Лирика другого человека»,
как Твардовский это называл.

Про войну писал – одну, другую,
про людей в работе и в бою,
погружался в душу дорогую,
близкую, но все же не свою.

Век прошел, а с ним тысячелетье,
мир не изменился ни на грош.
Творчество – не смысл, а междометья:
охнешь, ахнешь, всхлипнешь, позовешь.

15 января 2014 г.

* * *

Проезжаю ли автобусом
или пешим прохожу, –
словно пальцами по глобусу
в ослеплении вожу.

Безграничное уменьшено,
в утлый шар превращено.
Где тот город, где та женщина,
где неспящее окно?

Или впрямь была безделицей
неземная наша страсть,
коль не помнится, не верится
и обратно не попасть?

Ни пощады, ни прощения,
всё объято тишиной, –
лишь нелепое вращение
глобуса передо мной.

7 января 2014 г.

БОРЬБА

А вот пойду и окунусь
всё в ту же реку.

- Чем занимаешься? - Борюсь
за человека.

Деревня, глухомань, изба
вдали от века.

- Что в жизни главное? - Борьба
за человека.

Я постарел, я не в себе,
почти калека.

- В чем счастье бытия? - В борьбе
за человека.

Изба-читальня, как в гробу
библиотека.

- Про что читаешь? - Про борьбу
за человека.

- Ну вот заладил: всё борьба,
в борьбе, борьбою...

А в чем бессмертная судьба?

- В борьбе с собою.

4 октября 2013 г.

ПОСТ

Затихли ветра космодрома,
разрывы боев и страстей.
Я снова в деревне, я дома
на стыке лесных областей.

Вон там новгородские дали,
а это тверская земля.
Здесь предки мои обитали,
здесь ныне избушка моя.

Давно воевать неохота
и стыдно влюбляться, хотя
мне снится девятая рота
и женщина – злое дитя.

Ракетное видится пламя,
взлетающее в небеса,
и слышатся вдруг за лесами
погибших друзей голоса.

Вернуться для страсти, для мести
в сражения и суету?..
Потеряно все, кроме чести
и права стоять на посту.

1 октября 2013 г.

* * *

Постарел, освобождаюсь,
вольным воздухом дышу.
Слава Богу, не влюбляюсь,
не мечтаю, не пишу.

Что же делаю? Вникаю
в Божью волю и дела,
а судьбу не упрекаю –
справедливою была.

Пил, стихи писал, влюблялся,
упоительно мечтал.
Жаль, что грешным не остался,
жалко, что святым не стал.

Старенький, обыкновенный,
промотавший божий век,
промелькнувший во вселенной
среднерусский человек.

Не обидно мне, что средний,
хоть величия хотел.
Страшно мне: а вдруг последний
над Россией я летел?

30 сентября 2013 г.

* * *

Над собою не заплачу,
пропадай, моя судьба.
Нет ни денег, ни удачи,
только ветхая изба.

На границе новгородской,
на краю земли тверской
полон я святой, сиротской,
деревенскою тоской.

На родник хожу по воду,
печку русскую топлю,
жду у озера погоды,
рыбу с лодочки ловлю.

Вы завидуете, что ли?
Приезжайте посмотреть,
как прекрасно в чистом поле
помнить, верить, умереть.

29 сентября 2013 г.

ЛУННЫЕ СТАРТЫ

Тяжелый грохот космодрома,
его ревущие огни
не понаслышке мне знакомы,
не забываются они.

В степи пыхтели мотовозы,
перевозя служивый люд,
и на классическую прозу
там походили быт и труд.

А водка пахла керосином –
вдохнешь, зажмуришься и пьешь,
а нет ее – от магазина
в степь, пригорюнившись, идешь

смотреть весною на тюльпаны,
на вьюгу дикую зимой,
на караван из Казахстана,
на ход истории самой,

на стометровые опоры
ракет, направленных к Луне,
которые погибнут скоро
в ревущем стартовом огне.

28 сентября 2013 г.

* * *

Ни ветра, ни дождя, ни снегопада,
ни отклонения ртутного столба,
ни засухи, ни смерча и ни града,
а дело наше все-таки труба.

Тоска одолевает беспричинно,
в душе и сердце бродит суета,
и даже лампа светит, как лучина, -
горит, не освещая ни черта.

И рыба не клюет вторые сутки,
и птицы не летают, не поют,
и мужики, оставив прибаутки,
в трагическом молчанье водку пьют.

История не знала этой дури,
спокойно жил и вешался народ
по случаю геомагнитной бури,
как эту дурь потомок назовет.

Мы вырем, как один, по всей планете
за сотню тысяч лет, за полчаса,
когда светило, вставши на рассвете,
магнитные изменит полюса.

Не в том беда, что вырем поголовно,
а в том, что от невидимых причин –
от названных и познанных условно
дурных геомагнитных величин.

23 сентября 2013 г.

ОТСТАВКА

Поднимаю железную лодку
и по берегу переносу,
пью стаканами горькую водку,
никотиновой гарью дышу.

В чем же старость моя? Непонятно.
Да неужто в одной седине
или в том, что порой неприятно
вспоминать о любви и войне?

Позабить бы добро мне и худо
и зажить бы с начала, с листа.
Все равно молодым я не буду,
не пойму в прожитом ни черта.

Греховодно судьбу доживаю,
скорой смерти по-своему рад.
Про войну и любовь забываю –
отставной овдовевший солдат.

22 сентября 2013 г.

ЗАКОН

Мы свалились не с пьедестала
и тем более не с небес.
Но высокое перестало
вызывать у нас интерес.

Возвращаемся ли в природу,
обживаемся ли в аду, -
восхваляем свою свободу,
цепью брякая на ходу.

А на небе, на пьедестале,
на невидимой высоте
мы любили и мы мечтали
стать собратьями во Христе.

И достукались, долюбили,
умилили синедрион:
нас распяли и опустили
с благодатных высот в закон.

21 сентября 2013 г.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ

Еще огонь в крови
не угасает, вроде.
Мечтаю о любви,
мечтаю о свободе!

Сказал судьбе: прости.
Махнул на жизнь рукою.
Но хочется пути
и хочется покоя.

Я не люблю войну,
хоть мир еще поганей.
Вновь слышу тишину
и бой в Афганистане.

А в жизни робким был,
давать боялся сдачи.
Удачи позабыл,
запомнил неудачи.

И все трудней понять,
как могут ужиться
желанье зарыдать
с желаньем рассмеяться.

19 сентября 2013 г.

СЕКРЕТИК

Секретик делается просто:
берется яркая деталь,
которую согласно росту
и возрасту должно быть жаль.

К примеру, стеклышко цветное,
колечко, сломанная брошь,
ну, в общем, что-нибудь родное,
с которым радостней живешь.

Затем в бумажку и тряпицу,
не хуже яркостью ничуть,
столь драгоценную вещицу
необходимо завернуть.

И закопать, - куда угодно,
но обязательно тайком,
вид сохраняя принародно,
что с местом этим не знаком.

А люди ничего не знают.
Как скучно им на свете жить!
Как мало люди понимают,
чем можно счастье заслужить!

Горды собой, стоят в сторонке
и на мальчишек свысока,
таинственно глядят девчонки,
еще счастливые пока.

18 сентября 2013 г.

* * *

Полковник ловит рыбу,
полковник водку пьет.
Он либо счастлив, либо
проклятья веку шлет.

Ну, с веком-то все ясно,
а счастлив почему?
Да окунь распрекрасный
попался вдруг ему.

Горбатый, полосатый,
почти на полкило.
Полковнику когда-то
еще не так везло.

Был награжден и ранен,
и не сторел в огне
в Анголе и Афгане,
в Ираке и Чечне.

Попал под сокращенье,
переведен в запас.
Но мироощущенье
военное он спас.

С утра такую щуку
он вытащил – беда!
И сон вчера был в руку:
Кабул, дворец, звезда.

18 сентября 2013 г.

* * *

Да здравствуют те, кто читает стихи –
не вслух, не гостям, не с эстрады,
а наедине, как творятся грехи,
которые видеть не надо.

С экрана компьютера или с листа,
особенной разницы нету,
читайте стихи. И пускай суета
без вас погуляет по свету.

Еще нацелуетесь с тем или той,
которые сердцу любезны.
Грешите пока с неземной красотой,
любите словесные бездны.

Свершается главное наедине
не с плотью чужой, не с эпохой...
Да здравствуют те, кто в родной стороне
читает – и пишет – неплохо!

18 сентября 2013 г.

ДЕРЕВЕНСКАЯ НОЧЬ

Как ливень поливает,
со всех сторон летит!
Как ветер завывает!
Как память не простит...

Зато мурлычет кошка
над крысою в снях,
ведь я за лень немножко
ругал ее на днях.

Вот и поймала крысу –
поэзия, ау! –
Ни вымысла, ни смысла,
но правда наяву.

А память не прощает,
а ливень льет и льет,
а кошка всё вещает,
а ветер всё поет.

16 сентября 2013 г.

ВЕРНОСТЬ

Поэты – люди нехорошие.
Как ни крути, как ни взгляни,
они болтливые и пошлые,
и не умеют пить они.

И с женщинами обращаются,
как, извините, со скотом,
хотя те бабы превращаются
в богинь поэзии потом.

А самое, пожалуй, скверное,
что про войну они поют,
но под огнем встают не первые,
порою вовсе не встают.

Не то чтоб сволочи отменные
или трусливые лгуны,
а попросту со всей вселенною –
и только с ней! – обручены.

14 сентября 2013 г.

“ПРИМА”

Закурю я солдатскую “Приму”,
вспомню армию, службу, войну –
то, что строчками невыразимо,
что мне критики ставят в вину.

- Человек не рожден для убийства, -
говорят они. - Плюнь и забудь. -
Для чего ж он рожден? Для витийства,
для словес, разрывающих грудь?

Но людей разрывает не слово,
а снарядная сталь и свинец,
это с осени сорок второго
понял и передал мне отец.

Нет, порой и слова разрывают,
если в них обнажается связь
с тем, кого на войне убивают...
Вот и “Прима” моя порвалась.

14 сентября 2013 г.

ПОДРУГА ХУДОЖНИКА

Она шипела по-змеиному
и ненавидела его,
смеялась над его картинами,
не понимая ничего.

А он ее любил отчаянно,
она ему была нужна,
он говорил слова печальные,
его не слушала она.

Потом она его покинула,
и он до гроба на холсты
переносил ее змеиные,
ее бессмертные черты.

14 сентября 2013 г.

ГОСТИ

Приехали гости на тракторе
в глухую деревню мою.
Попили, попели, поплакали,
теперь я им тоже пою.

Для песен они и приехали,
а я поджидал их тайком.
Недаром с Эдитою Пьехою
я был в Ленинграде знаком.

В окрестных деревнях не водится
баянов, гитар и певцов,
а хочется похороводиться,
поплакать в конце-то концов.

И хоть одиночное пение
давно уж мне горло дерет,
я знаю, что через мгновение
подхватит, заплачет народ.

13 сентября 2013 г.

А ВЫ ГОВОРИТЕ ПРО СЧАСТЬЕ

Как туча по небу несется,
как рвется на части она!
Никто на земле не спасется,
но в небе все та же война.

Там снова душе одиноко,
там ветры земным не чета,
там нет ни пространства, ни срока –
лишь холод, полет, маета.

Под северным ветром, под южным,
восточным ли, западным ли
несется дорогой недужной
душа по орбите Земли.

Ее разрывает на части,
колотит о фронт грозовой.
А вы говорите про счастье
про вечное над головой.

5 сентября 2013 г.

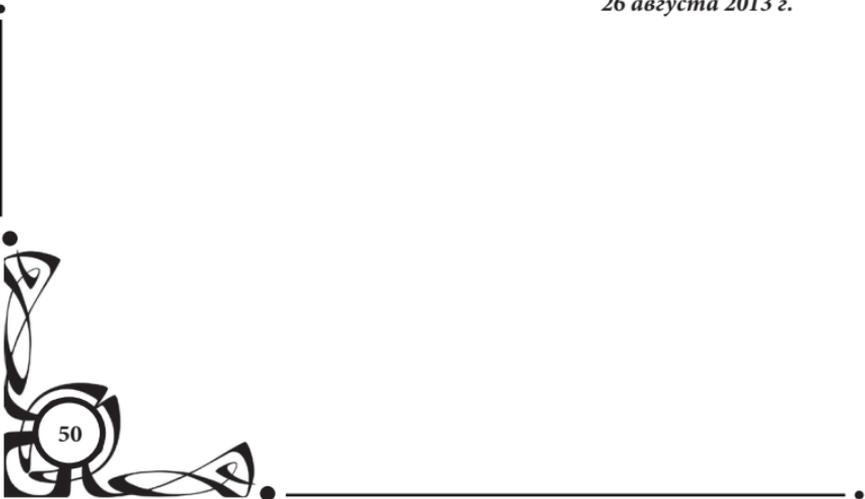
* * *

Любимой женщине я счастья не принес,
а с нелюбимой поступил жестоко.
Поэтому и постарел до срока,
унав от суеты и женских слез.

Не написал я главную строку,
случайную строку не переправил.
Великую войну я не прославил,
унав от малых на своем веку.

Пожизненного друга не нашел,
а временных имел излишне много.
И на земле не отыскал я Бога,
хотя и шел к Нему, хотя и шел.

26 августа 2013 г.

* * *

Солдатовы, Орловы, Соколовы
и Вьюгины. Вот кем населены
деревни Парьево, Бирюльки и Хальково
глухой тверской медвежьей стороны.

Медведевых не водится в округе,
хотя медведи бродят по лесам,
и рыси есть. И по ночам в испуге
мы здесь внимаем волчим голосам.

Еще у нас озера, и курганы,
и валуны – не сдвинуть, не обнять,
морозы в сорок градусов, туманы,
за коими России не видать.

А где она, Россия? Неужели
в злом Питере, в захваченной Москве,
на Северном Кавказе, на панели,
в футболе на искусственной траве?

Вдруг сквозь туман проклюнется, и снова
в небытие нерусское падет.
Солдатовы, Орловы, Соколовы
и Вьюгины – вот весь ее народ.

26 августа 2013 г.

ЧУЖАЯ

Она мечтает об Израиле,
он ей желанней, чем Париж.
А прочие мечты растаяли,
в ней русскости не углядишь.

Но ведь и я люблю Германию –
пускай враждебна, но мила.
И счастлив был в Афганистане я,
хотя война тогда была.

Девчонка роду не еврейского,
во мне германства ни на грош.
Чужда ей вера иудейская,
я в лютеранскую не вхож.

Как мы любились в годы славные,
как целовались у Кремля!
Была любовь у нас, но главное
была любимая земля.

Россия, Русь, Страна Советская –
мы не твердили этих слов,
но зарождалась к ним недетская,
почти телесная любовь.

Разъехались, забыли прошлое,
поуспокоились в пути,
и землю новую, хорошую
вдруг захотелось обрести.

Друг другу по письму отправили –
таких, что пишут до зари.
Она мечтает об Израиле.
Я о деревне близ Твери.

5 августа 2013 г.

* * *

Потеряно все, кроме чести.
Испытано все, кроме смерти.
Не слышно божественной вести,
пируют иуды и черти.

Бывало в истории это,
и даже в России бывало.
Тогда умолкали поэты,
а следом и жизнь умолкала.

Но мне наплевать на эпоху,
о милости не умоляю.
Пишу я, наверное, плохо.
Зато я неплохо стреляю.

2 августа 2013 г.

* * *

Какая высокая нынче трава.
Какое дождливое лето.
В тетрадке моей отсырели слова,
зачем их писал до рассвета?

Покроются плесенью, перегниют,
никто их вовек не узнает.
Поганое лето. Но птицы поют
и весело в небе летают.

Им сверху виднее...

2 августа 2013 г.

* * *

- Как хорошо! – говорила она
и улыбалась застенчиво.
Так у меня умирала жена,
непостижимая женщина.

И говорила: - А ты не грусти
и не сиди, как привязанный. –
Но не давала мне произнести
то, что меж нами не сказано.

- Если б ты знала, как сильно люблю,
как благодарен... - Но тотчас же:
- Милый, прости, я немного посплю,
очень устала, и ночь уже. –

Я до сих пор ни черта не пойму,
все было так переменчиво.
Я никогда уже не обниму
столь неизвестную женщину.

24 июля 2013 г.

ФЕДЯ

Умер Игорь по прозвищу Федя.
Это в наших краях не впервой:
как тебя именуют соседи
редко слышишь покуда живой.

Работящий, хмельной и веселый,
не знавал он высоких словес,
не окончил он среднюю школу
и к девочкам под юбки не лез.

Но дрова порубить – это Федя,
но траву покосить – снова он.
На раздолбанном велосипеде
вездесущим был, как почтальон.

Мог в два счета сарайчик поправить,
немудреную печку сложить.
Но нельзя было Федю заставить
без вина хоть недельку прожить.

Выпьет, сядет на травку в тенечек,
а потом и уснет где сидел.
Иногда, кстати, “Синий платочек”
перед сном он вполголоса пел.

Не терпел он житейских законов,
не боялся в судьбе ничего.
Игорь Викторович Ларионов.
Впрочем, Федею звали его.

24 июля 2013 г.

* * *

Что мне привиделось нынче в избе?
Старая сажа искрится в трубе,
кошка гуляет сама по себе,
спит воробей за окном на столбе.

Экая невидаль, экая даль!
Но почему-то полцарства не жаль
ради вот этой случайной избы,
обжитой мной на задворках судьбы.

Не деревенский и не городской,
долго искал я приют и покой
в отчем краю, в заграничной краю,
в службе подземной и горном бою.

В дружбе искал и, конечно, в любви,
в Спасах искал – на Бору, на Крови,
в мире мирском и в надмирной борьбе,
в тихих слезах, в автоматной пальбе.

Дело не в том, чтобы скрыться в избу,
перехитрить времена и судьбу, –
скоро ведь в Путь собираться пора,
а в небесах ни кола, ни двора.

15 июля 2013 г.

* * *

Вот я снова сижу у огня,
вот я снова на лодке плыву.
Вспоминай в небесах про меня,
не сердись, что я долго живу.

Наша встреча, быть может, близка,
я живу ради этого дня.
На Земле только ночь да река.
Вспоминай в небесах про меня.

14 июля 2013 г.

ПИЦУНДА

Сижу на берегу морском
у самого припая,
играю с галькой и песком –
в руках пересыпаю.

Невероятная зима,
нездешняя погода,
от холодов сошли с ума
растения и воды.

Прибоя нет, он усмирен
полоской льда-припая.
Природа впала в смертный сон.
Я тоже засыпаю.

И вижу здешние края
давнишним буйным летом.
С Вадимом Кожиновым я
сидел на месте этом.

23 января 2012 г.

АРТИСТ

В окрестных деревнях и селах
немало мужиков веселых
и невеселых мужиков,
философов и простаков –
то молчаливых, то речистых...
Но не осталось баянистов,
за исключением одного.
Жаль, нет баяна у него.

Он мой сосед. Частенько спяну
в избе поёт он без баяна
и, обращаясь к небесам,
кричит: – А здесь по голосам,
а здесь я по басам ударю,
а здесь опять аккорды шпарю! –
являя поднятой рукой,
какой тут бас, аккорд какой.

Но небеса не отвечают,
баян ему не обещают,
поскольку, что ни говори,
а он уже угробил три –

расколотил, расколошматил,
разматерил, расконопатил,
и пролил океаны слёз,
когда в овраг обломки нёс.

Я не вступаю у соседа
в его высокую беседу,
да он меня и позабыл:
он только что с баяном был
и пообщался с небесами –
с басами их и голосами,
каких не слышал белый свет,
каких в земных аккордах нет.

21 января 2012 г.

РУССКИЙ ВОПРОС

Бросил пить Иван-дурак
и покинул поле боя,
он теперь трехцветный флаг
поднимает над избою.

Смотрит телесериал,
слушает программу “Вести”,
даже проголосовал
с избирателями вместе.

Не буйнит, не кричит,
занят самообороной:
выйдет в поле и молчит
или каркает вороной.

Говорю ему: - Дурак,
выздоровливай скорее.
Видишь: наступает враг,
мало нас на батарее. –

Отвечает: - Не могу,
я без водки не сражаюсь,
я единство берегу,
внутренне преображаюсь. –

Вдруг руками замахал,
закартавил окаянно...
Кто-то что-нибудь слышал
про непьющего Ивана?

9 января 2012 г.

* * *

Не пишется. А это значит,
что и не дышится почти,
и путь, который сдуру начат, –
прообраз крестного пути.

Прощай, Мария Магдалина,
прости меня, Мария-мать.
Отныне странника и сына
вам не придется обнимать.

Разорваны земные узы,
свершились Божии дела.
Вон и заплаканная Муза
к евангелистам побрела.

24 октября 2011 г.

ПОРА, СЛАВЯНЕ

* * *

Нас окружили в Бамиане.
Не оторваться от земли.
Комбат сказал: “Пора, славяне”.
И мы поднялись и пошли.

И даже раненые встали,
и мертвые глядели вслед.
Мы окружение прорвали,
пройдя сквозь тот и этот свет.

Потом за павшими вернулись,
их положили на лафет
и на Россию оглянулись.
Пора, славяне. Смерти нет.

3 февраля 1996 г.

ПЕСНЯ

Посвящается 345-му парашютно-десантному полку, первым воевавшему в Афганистане, расформированному в Абхазии 1 мая 1998 года.

Обнимись с друзьями боевыми,
фронтовик поймет фронтовика.
Мы навек остались рядовыми
345-го полка.

Как мы были молоды в Баграме!
Как свистели пули у виска!
Как сверкало пламя, словно знамя
345-го полка!

От Саланга и до Бамиана
лезли мы по тропам в облака
сквозь рассветы алые, как раны
345-го полка.

Павшие поймут однополчане:
мы сегодня выпили слегка, –
слишком много горя за плечами
345-го полка.

Ну а тех, кто предали нас ныне,
нас и все десантные войска, –
мы их не простим уже, во имя
345-го полка.

Воевали в дальних заграницах,
и в Москву придем наверняка –
как в освобожденную столицу
345-го полка!

1 марта 1998 г.

* * *

Пришел на могилу отца
над медленной русской рекою.
Дешевого выпил винца.
К плите прислонился щекою.

Услышал: “Ты жив ли, сынок?”
Подумал: почудилось, ветер.
И только в назначенный срок –
в бою, перед смертью – ответил.

29 февраля 2000 г.

* * *

Зачем же ты, глупая, плачешь во сне
и видишь нерусские лица?
Пока я воюю в далекой Чечне,
с тобой ничего не случится.

Беда не придет в наш родной городок,
я это тебе обещаю.
За слезы твои, за измятый платок
я здесь никого не прощаю.

А после войны я друзей созову
и свадьбу с тобою сыграю
и целую жизнь на земле проживу.
За это я здесь умираю.

24 января 2000 г.

* * *

Ведь это сердце, а не фляжка,
и не вода течет, а кровь.
Спасай, десантная тельняшка,
дай силы, женская любовь.

В чужой земле, в нерусском небе
война следила день за днем,
как на солдатском горьком хлебе
мы выживали под огнем.

Атаки, рейды и подрывы,
стук пулеметов и сердец.
Но мы с тобой остались живы,
но мы вернулись наконец.

А если снова станет тяжело,
и нас война догонит вновь, -
спасай, последняя тельняшка,
дай силы, первая любовь.

19 октября 2001 г.

* * *

Высокое небо Кабула,
базарный жаровенный дым.
Зрачок автоматного дула
над правым плечом молодым.

Смесь желтого с острою синью –
вот преобладающий цвет.
Я только вчера из России,
мне двадцать с копейками лет.

Поэтому и по базару
еще с автоматом хожу,
на медно-чеканную тару
в немом восхищенье гляжу.

А выше – резьба минарета,
над нею – гора Асмаи...
Не думал, что вспомнится это,
когда позабылись бои.

27 декабря 2002 г.

* * *

Вороны каркали всю ночь,
качая за дорогой ветки.
Мы не могли уже помочь
ушедшей затемно разведке.

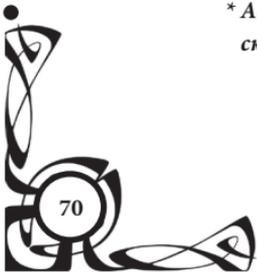
Окружена в глухом лесу,
наверно, мечется по лесу,
держа кинжалы на весу,
там ни к чему АКМСы*.

Поднять стрельбу, рвануться к ней –
разведка не простит нам это,
хоть мы и ляжем рядом с ней
навечно, а не до рассвета.

Вот мы и курим на броне,
спокойствие изображая.
Есть кровь на мне, есть кровь на мне,
и если бы одна чужая...

7 декабря 2004 г.

* *Автомат Калашникова модернизированный
складывающийся.*

* * *

В жёлтых окнах казарм отражается Время:
не бывало в истории мирного дня.
Возвращаюсь к армейской исписанной теме, –
ах, любовь и природа, простите меня!

Босиком по песку, в сапогах по бетону
век за веком шагает военный народ,
ведь должны быть стройны на плацу батальоны,
хоть в казарму с войны ни один не придёт.

В шкурах через плечо, в латах, куртках, шинелях,
с булавою, мечом, автоматом в руках,
в пыльных бурях Афгана, в российских метелях
мы сражались в бессмертных погибших полках.

Наши крики страшны, наши лица устали,
наши руки в крови, наши души в аду.
И потомки с обшарпанного пьедестала
сбросят наши греховные крест и звезду.

2 февраля 2004 г.

* * *

Державы нет, а мы еще воюем,
надежды нет, а мы еще поем
и женщину продажную целуем, —
а где мы непродажную найдем?

Бог в отпуску, но мы идем к причастью,
разогнан полк, но мы стоим в строю
и не впадаем в страсти и мордасти, —
а как нам быть в безвыходном бою?

Нам нету дна, но и покрышки тоже,
нам гнить с хвоста, коль голова в кустах.
Нам даже в ад не угодить, похоже, —
оставшимся в России на постах.

17 февраля 2004 г.

САПЕР

Спирту бы сейчас, хоть браги,
самокрутку табака...
«Сплав науки и отваги,
Инженерные войска!»

Далеко, в Афганистане,
духами окружены,
на горе Санги-дуздане
коротаем ночь войны.

Пулевые рикошеты
утомительно визжат.
А в России сигареты
рядом с водкою лежат...

Но саперу-лейтенанту
не до смеха, не до сна.
Поутру его таланты
пригодятся нам сполна.

И поет он, грея руки
не над миною пока:
«Сплав отваги и науки,
Инженерные войска!»

9 декабря 2004 г.

ВОЙНУШКА

В ущельях Гиндукуша,
счет потерявши дням,
простреленную душу
влачил он но камням.

И призрак появился,
когда не мог он встать.
– Зачем ты так напился? –
спросила горько мать.

Жена в одежде вдовьей
сошла к нему во мгле.
– Целуешься до крови
ты с кем в чужой земле? –

Близка его кончина.
Темнеет небосклон.
В последнем свете сына
успел увидеть он.

Держа ружье-игрушку,
сын крикнул из огня:
– Ты почему в войнушку
играешь без меня?

6 февраля 2006 г.

* * *

Как быстро забывается война,
большая или малая, любая.
Я третий тост – в молчании, до дна –
и сам порою выпить забываю.

Так было, есть и будет после нас,
все правильно и все необъяснимо.
...Зачем же разорвался тот фугас,
и пуля та не пролетела мимо?..

21 июня 2006 г.

ПОЛКОВНИК

Ларисе Барановой-Гонченко

Ничего, что я песню спою,
одинокчество ваше нарушу?
Это было в афганском краю
за высоким хребтом Гиндукуша.

Русский парень, пехотный боец
потерялся в предместьях Герата.
Не нашли его, и наконец
объявили погибшим солдата.

Нет, он выжил. Был ранен, пленен,
перешел в иноземную веру,
позабыв, что рождением он
православный и сын офицера.

А когда выходили войска
по предгорьям напротив Герата,
доносился к ним издалека
русский голос чужого солдата.

Он в динамик грозил, что Аллах
покарает неверных в дороге,
что погибнут в афганских горах
и колонны, и русские боги.

Доложили об этом в Кабул,
из Кабула полковник приехал,
встал на гребне и горько вздохнул,
услыхав дальний голос и эхо.

И сказал: “Это Ванька, мой сын.
Я родил его, я и в ответе”.
И отправился в горы один,
и вернулся один на рассвете.

Передал номерной автомат
командиру походной колонны
и сказал, что предатель-солдат
похоронен у Южного склона.

А себе он оставил чалму
с пистолетною смертною раной:
“Не нужна она больше ему,
обойдется она без Ивана”.

Я с полковником горькую пью
за погибших в горах Гиндукуша.
- Ничего, что я песню спою,
одинокчество Ваше нарушу?

7 марта 2009 г.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Добывает на свалке объедки,
спит в тряпье у картонной стены
командир батальона разведки
величайшей на свете войны.

Дети предали, внуки забыли.
Может быть, он и сам виноват,
что не принял российские были
и нередко сбивался на мат.

Но зато у него есть щеночек
и друзья – городские бомжи,
он поет им про синий платочек,
он щенка обучает: “Служи!”

А еще телевизоров много
и приемников тоже полно –
все поломанные, слава Богу,
в них плевать не запрещено.

Он себя не считает пропащим,
бросил пить и не злится уже,
чтоб во времени ненастоящем
на случайном не пасть рубеже.

Окружили – на фронте и это
с батальоном бывало не раз.
Он дождетя салютной ракеты
и отдаст на атаку приказ.

Нет преграды советским героям!
Вновь он молод, прекрасен, жесток.
И бегут за ним сомкнутым строем
городские бомжи и щенок.

19 марта 2009 г.

«МОСКВА»

Я жил тогда в погибшей роте.
Она бродила по войне
и на Кунарском повороте
случайно повстречалась мне.

О ней угрюмо поминали
в политотделах и штабах:
зазря, мол, роту потеряли,
домой отправили в гробах.

А рота выжила. Частично.
Слегка пополнена была.
И на войне я видел лично
ее посмертные дела.

В окрестностях Асадабада
она рвалась из боя в бой,
ей поквитаться было надо
с войной, врагами и судьбой.

Однажды на горушке низкой
вздремнула рота, видя сны,
но загремел динамик близкий:
- Сдавайтесь, вы окружены!-

Признаться, я струхнул немного,
но командир сказал, смеясь:
- Нас не узнали, слава Богу,
не зря мы отключали связь. -

Враги не пережили ночи.
А рота до сих пор жива,
храня в России, между прочим,
погибший позывной: «Москва».

2 апреля 2009 г.

МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ ЛАГИДЗЕ

Что за странная надпись на гильзе
в осетинском сожженном селе:
«Минеральные воды Лагидзе» –
нацарапано, как на стекле.

Да, я помню проспект Руставели,
и Мтацминду над ним, и Куру,
и друзей, с кем в духанах шумели,
отпиваясь водой поутру –
этой самой водой минеральной
из бутылей, висящих вверх дном
в тихой лавочке, что на центральный
на проспект выходила окном.

А какие там были сиропы –
вкуса меда и цвета зари.
Это вам, господа, не Европа,
это Грузия, черт побери!

Разве мы не любили друг друга,
наших предков и наших святых,
разве не исполняли по кругу
строк и песен наивно простых?

Только странно близ новой границы,
под огнем опасаясь привстать,
«Минеральные воды Лагидзе»
на задымленной гильзе читать.

27 августа 2009 г.

НАТАША

Война забывается, словно не наша,
а вовсе чужая была.
Но вспомнилась нынче дворняжка Наташа,
что в Афганистане жила.

Она провожала, ждала и встречала
колонны Шинданд – Кандагар.
И был удивителен нам поначалу
собачий провидческий дар.

Гудели, дымили, дрожали машины,
готовые тронуться в путь.
Наташка металась, Наташка спешила
знакомые руки лизнуть.

И вдруг у какого-нибудь бензовоза
садилась в дыму и в пыли
и громко скулила, и чистые слезы
из глаз ее мутных текли.

Нет хуже дороги, чем до Кандагара:
засады, фугасы, стрельба,
сгоревшие тенты, разбитые фары
и взрыв бензовоза – судьба.

В Шинданде Наташка еще до заставы
встречала колонну, и вновь
скулила и плакать не переставала,
что не обманула любовь.

16 сентября 2010 г.

ПЕРЕД БОЕМ

Вечер, всплески Вечного огня,
шорох листьев, мраморные плиты.
Есть еще надежда у меня,
что и мы не будем позабыты.

Дальний наш потомок в некий год,
девушке назначивший свиданье,
к лазерным скульптурам подойдет,
сокращая время ожиданья.

Встанем, как живые, перед ним –
верю в достижения науки! –
Даже, может быть, заговорим
и протянем огненные руки.

С чудесами этими знаком,
он ответит на рукопожатье,
впрочем, глядя в сторону тайком:
не мелькнет ли дорогое платье?

Я готов хоть нынче умереть,
чтоб увидеть их перед собою...
Но сначала нужно дотерпеть
до исхода завтрашнего боя.

30 января 2011 г.

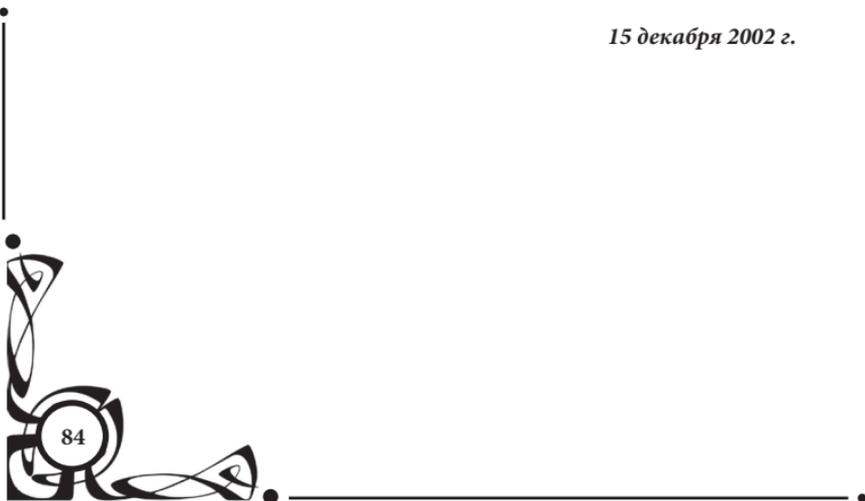
* * *

А все же есть и первый снег,
и первый теплый дождь,
и синева июльских рек,
и желтых листьев дрожь,

и облака, что ввысь летят
на солнечном ветру,
и благодарный женский взгляд
с подушки поутру.

Есть повторенья бытия
и даже новизна.
И есть – во снах – страна моя,
Советская страна.

15 декабря 2002 г.

* * *

Ваши умные беседы
надоели донельзя.
Я в провинцию уеду.
До свидания, друзья.

Там спиваются попроще
однокашники мои.
Есть ещё поля и рощи
и, простите, соловьи.

Есть река, пруды, озёра,
чтобы с удочкой сидеть,
есть такие косогоры –
опрокинется медведь.

Есть заброшенные сёла,
городские пустыри,
обезлюдившие школы,
людные монастыри.

Есть голодные подруги:
накорми и пожалей.
Есть и я – стою в испуге
перед родиной своей.

5 июня 2003 г.

* * *

Первыми погибли, как ни странно,
тренеры мои и физруки, –
силачи, романтики, титаны,
далеко ещё не старики.

С нами, непутёвой детворою,
и уроки проводя, и дни,
не считали жизнь они игрою,
в справедливость верили они.

Заросли травой стадионы,
проданы спортзалы под склады,
жизнь – и та как будто вне закона
в годы необъявленной беды.

Русские по крови и по духу,
славившие честные бои,
первыми не вынесли разруху
физруки и тренеры мои.

Погрустнели, запили, устали
связывать прогнившие концы.
Не согнулись – ведь они из стали,
а сломались верные бойцы.

11 июня 2003 г.

В ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Какие худенькие дети
в библиотеке городской, –
но эти плечи, шейки эти,
но этот локон над щекой...

Студентки местного педвуза
с литературою на «ты».
Какая бледненькая Муза,
какие тонкие черты.

Да, я пишу литературу –
не здесь, конечно, не сейчас,
да, я засматриваюсь сдуру
на тех, кого в бою не спас.

Учите, девочки, науки,
пишите умный реферат.
На ваши плечики и руки
простите мой повинный взгляд.

15 декабря 2003 г.

* * *

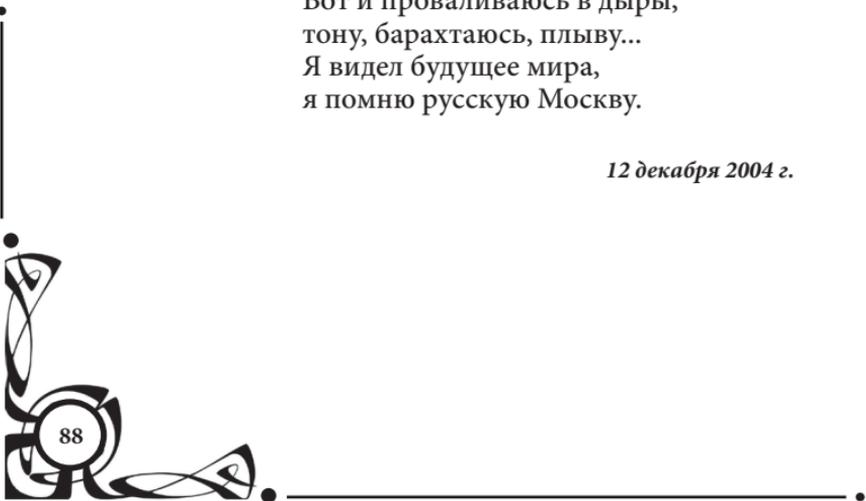
Я видел будущее мира,
я был телесно в нем рожден.
Меня ли испугают дыры
в материи земных времен!

Свалилась в прошлое эпоха,
пошла вразнос, пошла ко дну,
что для меня, увы, неплохо:
я понял мира глубину.

А впрочем, и пространство тоже
материи времен сродни,
и глубина в нем не похожа
на глубину в былые дни.

Вот и проваливаюсь в дыры,
тону, барахтаюсь, плыву...
Я видел будущее мира,
я помню русскую Москву.

12 декабря 2004 г.

ПОСЛЕДНИЙ

Выпил водки, всплакнул под баян,
у крылечка погладил деревья
и ушел на сарматский курган
за околицу мертвой деревни.

Он лежит среди курганной травы,
намокая росой и слезами,
и не в силах поднять головы
с устремленными в небо глазами.

“Бог, – он шепчет, – Ты слышишь? Спаси”.
Бог нагнулся к нему и услышал.
И последний мужик на Руси
в небо из окружения вышел.

8 февраля 2006 г.

* * *

Вот уйду, а никто не заплачет.
Напишу, а никто не прочтет.
Впрочем, редко бывает иначе
с тем, кто в смутное время живет.

Надоело мне смутное время!
Или сам я ему надоел.
Угораздило ж вместе со всеми
оказаться – живым – не у дел.

Ну, садовый участок, квартира
(я ведь новую не получу),
честь семьи, отставного мундира –
эти хлопоты мне по плечу.

А в окно погляжу – где держава?
А пойду на войну – где полки?..
Вы не плачьте: имеете право.
Но прочтите две первых строки.

17 июля 2007 г.

* * *

Осенью, вечером, в Шуе
улицей грязной иду,
и никуда не спешу я,
и ничего я не жду.

Впрочем, увидел мальчонку
явно детсадовских лет,
брючки на нем, рубашонка –
холодноовато одет.

Из-за чужого забора
лампочка в сорок свечей
нас осветила в ту пору.
- Мальчик, ты чей?
- Я ничей.

Мы с ним покушали в баре,
я ему денежку дал.
Самостоятельный парень,
он в перекуре удрал.

Да, я напился в тот вечер,
слезы текли, как ручьи.
Впрочем, и крыть-то нам нечем:
русские мы с ним. Ничьи.

1 октября 2007 г.

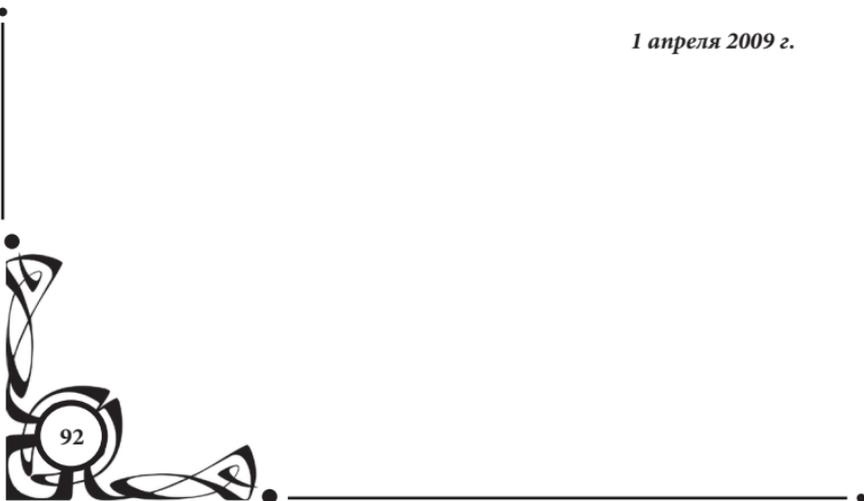
ДЕРЕВНЯ

Снегом улица заметена,
ездоку не добраться и пешему.
И такая вокруг тишина,
словно птицы – и те перевешаны.

Света нет, не вещает Москва
ни короткой волною, ни длиною,
только в печке сырые дрова
иногда прошипят по-змеиному.

Ближе к лету в столицу вернусь,
задохнусь ее дымною серою.
Обезлюдела русская Русь.
А в нерусскую Русь я не верую.

1 апреля 2009 г.

ПРАВЕДНИК

Прокопчёный, как будто из ада,
постучался в избу поутру.

– Виктор Глебович, выпить бы надо,
а не то, понимаешь, умру. –

Я достал кой-какие закуски
и рюмашки поставил на стол.

– Дай стаканы, а то не по-русски,
извини, что незваный пришел. –

– А чего ты такой закопчёный?

– Да возился с мотором всю ночь,
аж в дыму задохнулся. А чё нам,
выпьём водочки – горести прочь. –

Он сидел в телогрейке и кепке
деревенский святой тракторист,
и стаканчик в руке его крепкой
был безгрешен, наивен, и чист.

Выпил, корочку хлеба понюхал,
со скамьи поднялся тяжело.

– Я еще покажу им разруху!
Отлегло от души, отлегло. –

9 октября 2009 г.

* * *

Земля погибнет в двадцать первом веке.
Не каркаю, а с болью говорю.
Я вижу их – отравленные реки
и радиоактивную зарю.

Война ли, астероид ли, – не важно.
Скорей всего, без видимых причин
лишится человечество однажды
своих земных телесных величин.

Еще от взгляда прячется разруха,
еще стоят деревья и дома,
но мир отравлен оскудением духа
и преизбытком гордого ума.

А думалось, что ум не убивает,
что выживет Земля и без души,
что вне прогресса счастья не бывает,
что все приобретенья хороши.

24 августа 2010 г.

К ЧУЖИМ

Русские уходят из Москвы.
Что же, и такое с нами было.
Пусть об этом позабыли вы,
но Россия это не забыла.

Вскоре снова запалим дома,
подорвем мосты, сады изрубим.
Пусть решит история сама:
любим мы столицу или губим.

Без Москвы Россия проживет.
Ну а вас Смоленская дорога
снова за границу уведет.
Впрочем, вас останется не много.

17 января 2011 г.

* * *

Ни огонька на рейде Севастополя,
ржавеют в Морзаводе корабли.
Мы Черноморский русский флот прохлопали,
и вместе с ним шестую часть Земли.

Английский блюз плывет над Графской пристанью,
американский рок гремит в ответ,
в бинокли и прицелы смотрит пристально
от Минной стенки натовский корвет.

Я виски пью в театре драматическом,
здесь даже водки русской не дают,
а за окошком с неба звезды вычеркнул
над Панорамой праздничный салют.

Гуляют Украина и Америка,
бутылки бьют о камень мостовых.
Россия уплыла с родного берега,
без боя сдав и мертвых, и живых.

Ну что ж, вернемся под березы во поле,
очистим в небе русскую звезду, –
она еще послужит в Севастополе
в две тысячи каком-нибудь году.

24 января 2011 г.

ВАГАНЬКОВО

Памяти Юрия Казакова

К ней не расчищены дорожки.
Метелями занесена,
на схеме около сторожки
не обозначена она.

И пробираясь по сугробам,
протискиваясь меж оград,
я думаю с невольной злобой
о людях, что вдали шумят.

Им и на кладбище кумиры –
актеры, барды, трепачи,
на чьи последние квартиры
дорог протоптаны лучи.

Господь воздаст и тем и этим –
ушедшим и пришедшим к ним.
...Он тихо жил на белом свете,
высоким гением храним.

9 февраля 2011 г.

* * *

Не дают с утра покоя,
лезут в душу и в окно.
- Это что у вас такое
и зачем у вас оно?

- Это, – говорят – свобода,
это рынок и права,
чтоб у русского народа
не болела голова. –

Неужели опохмелку
прямо на дом принесли?
Ну, попал я в переделку
посреди родной земли.

Дверь открыл, достал гранату,
бросил, дверь закрыл опять.
- Я не пью с утра, ребята,
если не с кем выпивать.

15 февраля 2011 г.

ПЫЛЬ

На улице Вихрева дом угловой,
и старый балкон над моей головой,
и утренним солнышком освещена
стоит на балконе чужая жена.

Послушайте, это не песня, а быль.
Проедет машина – поднимется пыль,
и женщина снова, как в памятный год,
из жизни моей и с балкона уйдет.

Конечно, я сам был во всем виноват,
конечно, нельзя возвратиться назад.
Но как мы посмели, но как мы смогли
расстаться с любовью в случайной пыли?

Пора здесь дорогу перегородить,
и мне бы пора перестать приходить
на улицу Вихрева к дому тому,
где я ни себя, ни ее не пойму.

4 мая 2000 г.

* * *

И откуда взялась та подкова
на пустом каменистом дворе?
Это было в селе Маклаково,
в Александровском монастыре.

Не по возрасту верить в приметы,
не по чину мечтать о любви.
Догорает Господнее лето,
угасает волненье в крови.

Отчего же прерывисты речи,
и подковка забыта в руке?
Почему содрогаются плечи
и сползает слеза по щеке?

И до старости сердце готово
вспоминать, как на поздней заре
мы прощались в селе Маклаково,
в Александровском монастыре.

11, 28 ноября 2002 г.

НЕНОВЫЙ АРБАТ

Она ни в чем не виновата,
и я ни в чем не виноват.
Идем по Новому Арбату,
горит огнем ночной Арбат.

Да, мы касаемся плечами,
мы так болтаем про любовь,
что под фонарными лучами
уже краснеет наша кровь.

Ах, если бы остановиться,
поцеловаться на виду,
чтоб нас поздравила столица
в две тысячи втором году.

Но ждут меня жена и дети,
и папа с мамой ждут ее.
Мы не хозяева на свете,
мы не арбатское жулье.

Так почему же, для чего же
она так смотрит на меня,
что вдруг покалывает кожу
виденье завтрашнего дня?

15 декабря 2002 г.

ЧЕСТНАЯ НЕЖНОСТЬ

Те скамейки в парках и скверах,
на бульварах и в темных дворах,
те свиданья на всхлипах, на нервах,
наводившие сладостный страх...

Это было похоже на ссоры,
это ссорами было почти,
если б не благодарные взоры
и не сдавленный шепот: “Прости”.

Это было на самом пределе,
это было жестоко порой,
это было еще в самом деле
честной нежностью, а не игрой.

20 февраля 2003 г.

* * *

Слетелись ворон к ворону,
черно от воронья.
А я смотрю в ту сторону,
где женщина моя.

Быть может, смерть обещана
мне в завтрашнем бою.
А я смотрю на женщину,
на женщину мою.

Не сладко и не солоно
питаюсь и живу.
А посмотрю в ту сторону,
и счастлив наяву.

– Вояка, деревенщина, –
себе я говорю.
А все-таки на женщину
любимую смотрю.

Пора вернуться ворону
в заморские края.
Я не отдам ту сторону,
где женщина моя.

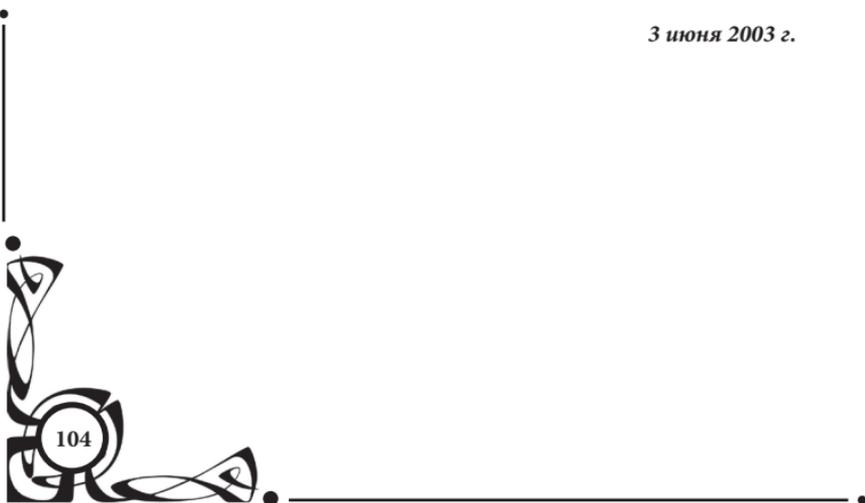
21 февраля 2003 г.

СКАМЕЙКА

Под липами школьной аллеи
скамеечка в землю вросла.
О юности я не жалею, –
спасибо за то, что была.

Знакомые инициалы
лишь ощупью вспомнились вновь.
Как долго скамья сохраняла
забытую нами любовь...

3 июня 2003 г.

* * *

На пыльных бульварах московских
и на подмосковных перронах,
под сводами башен кремлевских,
в подземных электровагонах
проходит она меж скамеек,
сезонку она покупает,
смущает бойцов Мавзолея,
на плиты перрона ступает.
Я вижу ее. Пусть и редко,
но я ее вижу, как прежде,
сквозь стекла витрин и сквозь ветки,
сквозь чьи-то зонты и одежды.
Тогда я бегу по бульвару,
выпрыгиваю из вагона,
толкаю невинные пары,
врываюсь в кремлевские звоны,
хватаю бесплотную руку,
оправдываюсь, умоляю...
И как обозвать эту муку, -
не знаю.

31 июля 2003 г.

* * *

Вспоминаю случайные встречи...
Неслучайными были они;
даже косноязычные речи
ничего не губили в те дни.

Вот увидел и замер в испуге:
неужели и вправду она?
Пусть шумят и друзья, и подруги, –
неземная в душе тишина.

Всё сбывается с первого взгляда,
всё понятно с улыбки в ответ.
Объясняться словами не надо,
объяснения этому нет.

А ссутулил, расправил ли плечи,
что вы оба с ней произнесли, –
не имеет значенья для встречи
посреди неслучайной Земли.

5 сентября 2003 г.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

В провинции встретил Надежду.
И тронули сердце мое
фигура ее и одежда,
лицо и характер ее.

Да мало ли девушек стройных,
умеющих шить и кроить,
красивых, упрямых, спокойных
случалось мне зря полюбить!

И разница возрастов тоже
успех не сулила в любви:
мурашки бежали по коже
от юных гормонов в крови.

В день первый мы просто болтали,
затем разругались шутя.
Я знаю, что эти детали
забудутся годы спустя.

В день третий о сонные вежды
споткнулся мой вспыхнувший взор...
И нет ни малейшей надежды
на эту Надежду с тех пор.

15 декабря 2003 г.

* * *

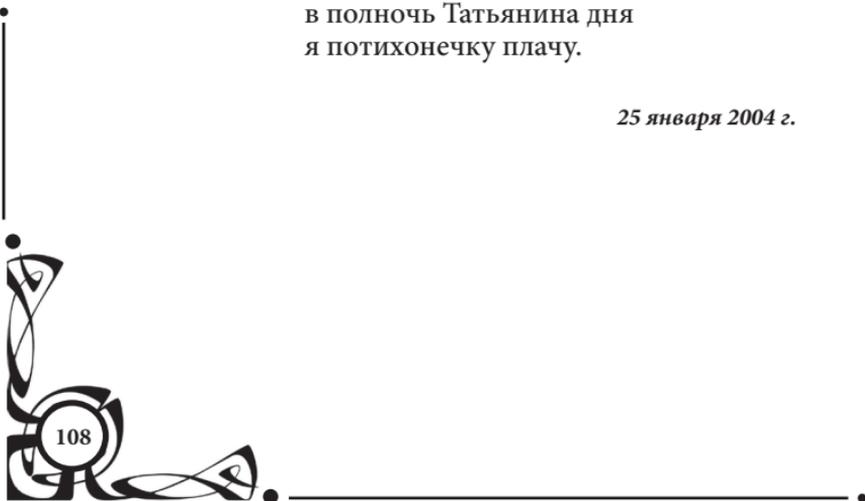
Сердца ли нет у меня,
с памятью ли незадача? –
Утром Татьянина дня
я не грущу и не плачу.

Я без тебя не погиб,
ты без меня не пропала.
Давний роман не смогли б
перелистать мы с начала.

Дети, супруги, года –
сколько препятствий на страже!
В жизни земной никогда
мы не увидимся даже.

И никого не вина –
ведь не бывает иначе –
в полночь Татьянина дня
я потихонечку плачу.

25 января 2004 г.

* * *

Она бесконечно чужая.
Зачем я ее провожаю?
По грязному шуйскому льду
бессмысленно с нею бреду.

У пятиэтажного дома
до боли все будет знакомо:
ее вопросительный взгляд,
и мой поцелуй невпопад,
ее неподвижные плечи,
вопрос мой о завтрашней встрече,
окно на втором этаже,
где мама мелькнула уже...

И это зовется любовью?
За это вот платится кровью –
своей ли, того паренька,
что к нам не подходит пока?

Тогда почему перед нею –
от злости, пускай, – но краснею,
и возле подъезда она
медлительна так и бледна?

3 февраля 2004 г.

ВЗГЛЯД

Монастырь святого Саввы
на Сторожевом холме.
Позолоченные главы
в ранней зимней полутьме.

Реставрация собора
и царицыных палат,
мат рабочих, пенье хора,
ангельский усталый взгляд.

С головою наклоненной
и опущенной к плечу,
ангел милый, утомленный,-
я помочь тебе хочу.

Буду искупать печали,
причиненные тебе,
стану тем, кем был в начале
в ангельской твоей судьбе...

7 апреля 2004 г.

ПТИЦА

Завелась непутевая птаха
на балконе моем по весне.
Подлетает без всякого страха
и садится вплотную ко мне.

Я курю или книгу читаю,
птица смотрит и песни поет.
И напрасно шумливая стая
возвратиться подругу зовет.

Ни пшено и ни хлебные крошки
не волнуют ее, хоть убей, –
лишь смолкает, пока на окошке
не склюет их чета голубей.

Вот опять мы одни на балконе,
и опять распевает она,
светит солнце ли на небосклоне
или плавает в тучах луна.

Не пугал и не трогал я птицу,
но однажды спросил, почему
она рядом со мною садится
и поет только мне одному.

И вспорхнула она, и взлетела,
и пропала в закатном огне,
лишь послышалось мне: “Я хотела,
чтоб ты вспомнил опять обо мне”.

8 февраля 2006 г.

* * *

Большая Ордынка и Устьинский мост,
туман над Москвою-рекою,
и в утреннем солнце сияние звезд
над грозным кремлевским покоем.

А я в сапогах и в шинели с ремнем,
солдатик великой державы,
в казарму свою возвращаюсь тайком –
от Балчуга вниз и направо.

Там в темном дворе, где сарай у стены,
я с крыши запрыгну в окошко,
разденусь и выставлю для старшины
напротив кровати сапожки.

Я Внутренний грубо нарушил устав
и Дисциплинарный в придачу,
с прекрасной студенткой минуты не спав
на ветхой приятельской даче.

Вошел старшина, скоро крикнут: “Подъем!”
Ну вот и финал самохода.
...Давненько сияния нет над Кремлем,
а губы доньине пылают огнем –
тем, семьдесят первого года.

24 июня 2006 г.

* * *

Был дождь со снегом в праздник Покрова.
Листва была сыра, а крыши белы.
Мы говорили глупые слова
и в лужи попадали то и дело.

Она умна, красива, молода –
зачем я ей? Да и она мне тоже...
Пройдет октябрь, наступят холода.
Ну а пока гуляем иногда,
снег на ресницах, на щеках вода, –
на дождевую, впрочем, не похожа.

14 октября 2007 г.

В ПАРИЖЕ

Мы познакомились в Париже,
и вдруг, без горечи и зла,
“А я Россию ненавижу”
она в ответ произнесла.

В кафе “Ротонда” на Монмартре
мы пили виски и крошон,
и мир, как будто бы в театре,
был затемнен и приглушен.

Богема, торгаши, туристы,
дымя французским табаком,
нетерпеливо и нечисто
взирали на нее тайком.

Ну что ж, она была прекрасна,
и молода, и холодна,
такие женщины опасны
и беспощадны, как война.

“Да, вышла замуж за араба,
зато уехала в Париж.
Я русская, но я не баба.
Чего с презрением глядишь?”

Перевести бы мне на шутку
наш неуместный разговор,
и ту родную проститутку
не вспоминать бы до сих пор.

Она Россию ненавидит.
И всё ж в отеле, при свече,
покуда нас никто не видит,
рыдает на моем плече.

15 октября 2009 г.

ОДИНОЧЕСТВО

“А у меня умирает собака...”
Плачущий голос. Далекый. Родной.
Долго она собиралась, однако,
поговорить и поплакать со мной.

Что ей скажу? Тишина в телефоне.
Сколько же лет нашей вечной любви?
Вот и судьба уже вся на ладони –
Богу хоть завтра ее предъяви.

Времени нет на высокие страсти,
низкие страсти давно не к лицу,
скоро в чистилищной воинской части
строиться мне на небесном плацу.

А у нее умирает собака!..
Господи Боже, прости нам грехи.
Как же она одинока, однако,
как же дела мои в мире плохи.

18 января 2011 г.

АЛЛЕГОРИЯ

Всем тайнам свойственна утечка.
Так и со мной произошло.
Есть в избах маленькая печка,
она-то и дает тепло.

Большая – русская – огромна,
раскинулась на треть избы,
она работает как домна
по выплавке людской судьбы.

Накормит, высушит одежды,
уложит спать, навевет сны,
вернет здоровье и надежды
среди лета, осени, весны.

Зимой она еще нужнее,
но ей тепла не уберечь,
коль не растопишь рядом с нею
вторую – маленькую – печь.

В разгар вселенского мороза
за полчаса раскалена
зимы внезапные угрозы
отводит именно она.

Пусть к вечеру опять остынет,
едва согрев судьбу и кровь.
А все ж в душе твоей не сгинет
ее недолгая любовь.

18 января 2011 г.

* * *

Спаси, Господь, от поздних встреч
с любовью позабытой.
Нам не дано себя сберечь
от старости и быта.

Вот эта женщина была
единственной в мире
и даже некогда жила
со мной в одной квартире.

Затем прошли и год, и два,
и десять лет, и двадцать.
Судьба, конечно же, права,
нам незачем встречаться.

А впрочем, в некие года
мы свидимся, пожалуй,
чтобы бесплотная рука
бесплотную пожалала.

12 февраля 2011 г.

* * *

Прах во гробе не поет,
не грешит, не кается,
зелье сладкое не пьет,
не опохмеляется.

Пропускает все посты
и богослужения.
Не бывает суеты
в этом положении.

А душа на небесах
мучается, мечется,
за упокоённый прах
горькая ответчица.

4 июня 2002 г.

ПОСЛЕ ПАСХИ

Май. Засыпанный снегом балкон.
Непогода. Безвременье. Скука.
С колокольни доносится звон,
в нем пасхальная радость и мука.

Неужели и я постарел,
ни безумства не будет, ни счастья?
Неужели весь мир отсырел,
как забор перед воинской частью?

Снежный ветер в березах свистит.
Не припомню печальнее мая.
- Бог поймет, - говорю, - Бог простит. –
Но поймет и простит ли? Не знаю.

14 мая 2000 г.

ПЕРО

Оно возникло предо мною,
прозрачным конусом кружась,
с высокой жизнью неземною
рождая трепетную связь.

Ни птиц, ни туч не пролетало,
безветрие и тишина.
Откуда же оно упало,
блеснув у моего окна?

И если впрямь перо не птичье,
то с чьих оно небесных крыл?
В каких мирах, в каких обличьях
идет сраженье горних сил?

30 октября 2002 г.

* * *

Беспорочное зачатъе
не было повторено,
что Евангельской печатью
в Библии закреплено.

Перед этой мыслью трушу,
но ее не обойти:
в нас порок вдыхает душу
при зачатъе во плоти.

И отсюда вывод точный,
хоть на лбу его пиши:
если тело беспорочно,
значит, нету в нем души.

То есть надо пить, влюбляться
и безумствовать, друзья?
Отвечаю. Надо, братцы,
нам без этого нельзя.

А когда наступят сроки
жить предсмертно, не греша,
“До свидания, пороки”, -
скажет вечная душа.

30 ноября 2002 г.

* * *

Сын римского легионера
или Всевышнего Отца, -
какая разница? Есть вера,
есть путь, пройденный до конца.

Есть добровольное сиротство
в семье небесной и земной
и величавое юродство
перед ничтожною страной.

Есть откровенье и ученье,
которых не было досель,
и неизбежное мученье,
и недостигнутая цель...

1 декабря 2002 г.

ИЗВЕСТНОМУ ПОЭТУ

Не был в лагерях, в опале, в ссылке
и в похмельном рабстве у бутылки,
в драках не бывал и на войне... –
Ты зачем стихи читаешь мне?

Пусть и я не самый храбрый воин,
в меру сослан, опалён, запоен,
но в двадцатом веке роковом
кровь с лица стирал я рукавом.

Я тебя считаю в жизни лучшим,
а себя и грязным, и заблудшим,
грешником на рубеже веков.
...Только не читай своих стихов.

15 декабря 2002 г.

* * *

Юродивыми избраны в России,
как мы кривлялись, как мы голосили,
смеясь над обывательской толпой,
приплясывая голою стопой!

Вам хлеб земной превыше Божьей пищи,
а нам, пускай мы голодны и нищи,
разверстые доступны небеса
и ангельские внятны голоса.

Вам бытие – безбедный быт и нега,
у нас – ни одеянья, ни ночлега,
но даже замерзая в безднах зим,
не кланяемся мы вам, а грозим.

Юродивые, русские поэты,
мы призывали в мир Господне лето,
где воссияет свет, померкнет зло...
И все наоборот произошло.

27 декабря 2002 г.

ВЕЛОСИПЕД

Спасибо и рулю, и шине.
Как я носился, Боже мой,
по Ленинграду, Украине
и по Германии самой!

Отца перевели в Россию.
Велосипед в багаж не влез.
Какой он был: зеленый, синий?
Был с тормозами или без?

Пусть без тормозов и серый –
великий был велосипед!
Нет ни отца, ни войск, ни веры,
руля, колес, педалей нет.

30 мая 2003 г.

* * *

Нет правды в их устах
и помыслы их ложны.
А ты живи не так,
у Бога все возможно.

Времен пропащих нет
до крайнего мгновенья,
и требуется свет
для светопреставленья.

Храни его во тьме
неправедной эпохи –
во взгляде и уме,
в молитве и во вздохе.

Сочтут за дурака,
блаженного уroda...
Дорога далека.
Не вечен грех народа.

31 июля 2003 г.

РОМАНТИКА

Воспевший гибель Рима...
А кто ее воспел?
Смерть неисповедима
среди текущих дел.

Пока звучали речи,
пока не грянул срок, –
Рим был велик и вечен,
погибнуть он не мог.

Да, подзагнули нравы,
провинции ушли...
Но – чтобы всю державу
стереть с лица земли?

Не верилось в такое
живущему певцу,
хоть слезы непокая
катились по лицу.

Романтиком назвали –
от слов “старинный Рим” –
того, кто мог едва ли
в ту пору быть иным.

Воспевший гибель Трои...
Нет, это не пример:
во время жил другое,
и греком был Гомер.

Всё рушится по-новой,
уходит прочь страна...
О гибели ни слова.
Романтика нужна.

2 сентября 2003 г.

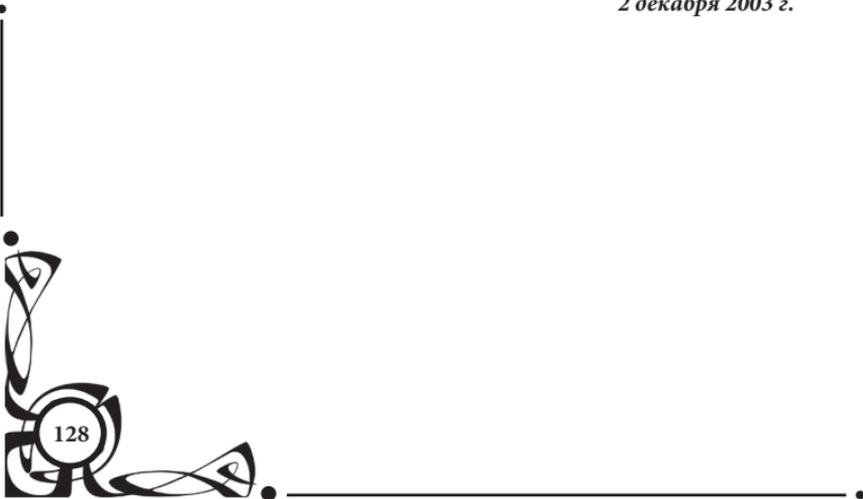
СНИМКИ

Происходящее проходит.
Смотри: оно уже прошло.
Бог с неба объектив наводит,
фиксируя добро и зло.

Невидимые снимки эти –
единственное, что от нас
останется на белом свете
с пометкой странною: “Сейчас”.

А прочие фотопортреты –
в альбомах, в ящиках, в столе –
лишь знаки, что когда-то где-то
мелькнуло что-то на Земле.

2 декабря 2003 г.

* * *

Я влюблен в кого попало,
я враждую черти с кем, –
разработавший немало
поведенческих систем.

То рыдания, то улыбки,
то объятия, то стрельба.
Беспричинные ошибки,
безнадежная судьба.

Я давно уже не слышу
голос Господа с небес,
даже если бы на крышу
вдруг по дурусти залез.

Понимаю, что должна быть
в этом истина своя,
что нужны земные бабы,
супостаты и друзья.

Не один – и слава Богу,
на миру и смерть красна...
Кто буянит у порога,
в чем опять моя вина?

24 января 2004 г.

СВИДАНИЕ

Смерть приходит, улыбаясь.
Улыбнись в ответ,
не печалься и не каясь, –
времени-то нет.

Если жизнь была ошибкой,
поздно исправлять.
Собирайся же с улыбкой
по небу гулять.

Ну а не покинешь мира, –
снова улыбнись,
в госпитальную квартиру
временно вернись.

На досужие вопросы
отвечай шутя:
- Без косы и не курноса,
сущее дитя...

9 декабря 2004 г.

* * *

Отметив юбилей Христа,
опохмелившись неумело,
с нуля и с чистого листа
начну писательское дело.

А все-таки две тыщи лет –
и никакого в мире сдвига,
хоть каждый год выходит в свет
о Нем написанная Книга...

И кстати, почему Он Сам
не начертал хотя бы строчки,
чтоб холодок по волосам
от каждой буковки и точки?

Ведь Он цитатами сражал
и книжника, и фарисея,
и текстуально обнажал
ветхозаветные идеи.

А вот писать не возлюбил,
являясь, между прочим, Словом, -
о чем я сдуру позабыл
на юбилее на Христовом.

17 февраля 2005 г.

ПОХМЕЛЬЕ В БРАТСКЕ

После выступлений и застолий
выдались хорошие полдня.
Я проснулся словно в чистом поле,
никому нет дела до меня.

И пошел один я на плотину,
что разгородила Ангару, -
посмотреть на грозную картину,
протрезвиться на сыром ветру.

Ангара отчаянно кипела,
перед водосбросами росла,
с высоты немислимой летела,
грохотала, пеною плыла.

Ах, какое гордое веселье
и какая тема для стихов,
если бы не мудрое похмелье
и не осознание грехов.

Я ведь тоже и киплю, и пучусь,
пенюсь, и лечу, и грохочу,
и свою в литературе участь
выдать за поэзию хочу.

А в душе тоскливые вопросы
или просветленья иногда:
ниспадает через водосбросы
только безработная вода.

Ну а та, которая турбины
крутит в глубине, на срезе дна, -
падает в отверстия плотины,
сверху не видна и не слышна.

Вроде как и не живет на свете,
и не воспоеет ее поэт,
разве что в людской электросети
без нее тепла и света нет.

28 февраля 2005 г.

* * *

А хорошо б махнуть рукою
на жизнь, пока пред нею чист.
“Достоин вечного покоя”, –
запишет Бог в учетный лист.

Пусть не являл собой примера
ни на работе, ни в быту,
но жизнь обычного размера
не превратил ты в суету.

Детей родил – святое дело!
Побунтовал. Повоевал.
Поизносил земное тело,
пока всходил на перевал.

И вот стоишь на перевале,
обозревая с высоты
тобой осиленные дали
и спуск в долину суеты.

Но ни на склоне, ни в долине
ты не дивишься ничему,
поскольку в жизни все отныне
знакомо сердцу и уму.

Однообразие какое
царит на позднем рубеже!..
“Достоин вечного покоя”, –
давно начертано уже.

29 января 2006 г.

* * *

Бог дает. А брать не хочется.
Перебьемся тем, что есть,
не вникая во пророчество,
не разгадывая весть.

Ничего не надо лишнего,
кроме веры и души,
хоть подарки от Всевышнего
безусловно хороши.

Но чего от них вы ищете
в мире грешном и пустом,
где блаженны только нищие,
духом нищие притом?

5 февраля 2006 г.

* * *

Посмотрим холодно и честно,
поплачем тихо и светло.
Добро разлито повсеместно,
а побеждает всюду зло.

Какие истины ни ведай,
дела какие ни верши,
зло снова празднует победу
в сраженьи плоти и души.

Добро духовно, зло телесно,
душа незрима, плоть груба.
Была бы даже неуместна
с другим исходом их борьба...

5 февраля 2006 г.

«ПОСЛЕ БАЛА»

И вспомнился Коля Шипилов,
бродяга, художник, поэт.
Смеялся, грустил, даже пил он,
по-детски взирая на свет.

Пронзительно нежные песни
успел сочинить и пропеть,
и умер... Ведь мир – тут хоть тресни,
хоть дважды и трижды воскресни –
поэта не в силах терпеть.

14 октября 2007 г.

НА ЗЕМЛЕ

Если верить, что Бог все же есть
и находится Он повсеместно, –
мне, живущему ныне и здесь,
временами становится тесно.

В небе звезды, созвездья, миры
польхают искрящимся дымом,
а за ними из черной дыры
веет холодом неразличимым.

Никогда мне туда не попасть,
потому что пути бесконечны,
мне доступна ничтожная часть,
да и то лишь на миг, не навечно.

А вот Он исхитрился, сумел
побывать и остаться повсюду
под предлогом неконченных дел
и еще несвершенного чуда.

Скучно, тесно, темно на Земле,
потому и завидую Богу,
пробираясь в добре и во зле,
где сам черт не отыщет дорогу.

7 марта 2009 г.

РУССКАЯ ВЕРА

В святой монастырской пещере
при свете церковной свечи
к чугунной решетчатой двери
монах подбирает ключи.

Со скрипом, со скрежетом гулким
открылся старинный запор.
Виденье в пещерном заулке
стоит предо мною с тех пор.

Гробы, под гробами колоды,
под ними останки колод,
а снизу волнисто, как воды,
песок до порога течет.

Бестрепетный голос монаха
звучит за спиною из тьмы:
– Мы созданы Богом из праха
и в прах возвращаемся мы. –

Тогда, выходя из пещеры,
ослепнув от солнечных стрел,
я грозную русскую веру
впервые душою узрел.

28 августа 2009 г.

* * *

Лампу в избе погасил,
в устье печное гляжу.
Все, что у Бога просил,
там, среди углей, нахожу.

Перегорели вполне
грешные ночи любви,
страсти мои на войне,
бешенство счастья в крови,
даже родительский дом,
даже родная семья,
даже слова, что с трудом
в песенки складывал я.

Поздние угли, зола,
редкие вспышки огня.
Скоро и это догла
перегорит у меня.

Бога о чем попрошу
я из остывшей избы?
- Дай еще миг подышу
воздухом русской судьбы.

18 января 2011 г.

НЕОФИТ

Полковник бормочет псалмы,
уныло брэнча на гитаре.
Впервые увиделись мы
на давней войне, в Кандагаре.

Он был капитаном тогда –
веселым, красивым, жестоким,
с боями входя в города
на Среднем и Ближнем Востоке.

Молитвы не знал ни одной,
зато знал бойцов поименно,
был пулей пробит разрывной,
контужен фугасной волной,
но не покидал батальона.

В бою матерился, ярься,
в тылу не терпел междометий,
вступил с медсестричкой в связь,
потом со второю и третьей.

Карьеры не сделал, хотя
в полковники все-таки вышел.
И вот говорит не шутя,
что Господа Бога расслышал.

А я говорю, что страну
напрасно мы сдали без боя,
что зря на свою седину
ссылаемся перед судьбою.

А он говорит, что грехи
замаливать время пробило.
И снова бормочет стихи,
бренча на гитаре уныло.

3 февраля 2011 г.

* * *

Пора писать от первого лица,
всю правду, всю – до мелочей, до быта,
не сочинять начала и конца
и даже сути, если подзабыта.

Но что в итоге? – Мелочи и быт,
текущие сегодняшние чувства,
в строке приобретающие вид
правдиво современного искусства?

Но я не помню прошлого себя!
да что не помню! – и не понимаю,
каким я был, кого-нибудь любя,
кого-нибудь на дух не принимая.

Писать о том, что вижу впереди?
Но в будущем иным я буду тоже,
другое будет жжение в груди
и холодок другой пройдет по коже.

Как с этим первым разберусь лицом?
Допустим, я о честности радею
и напишу, что прожил подлецом
и хуже был последнего злодея.

Или напротив: как я был хорош,
а мир был плох и люди были плохи.
В том и другом и правда есть и ложь,
но нет лица поэта и эпохи.

И все-таки, я чувствую, пора,
лирического позабыв героя,
писать – как в бой ходил я: без “ура”,
без подвигов, но не ломая строя.

21 октября 2001 г.

* * *

Стань другом собственной судьбы
и не перечь ей круто
при зове полковой трубы
и в тихую минуту.

Не рви рубаху на груди,
на девичьей тем паче,
случайно не опереди
грядущую удачу.

Судьбе известны наперед
события и сроки,
она тебе преподает
полезные уроки.

Не вздумай властвовать над ней,
но и не бойся, впрочем,
быть иногда ее сильней,
чтоб вовремя помочь ей.

Без робости и похвальбы,
без ревности и страха
стань другом собственной судьбы,
а с другом – хоть на плаху.

4 декабря 2002 г.

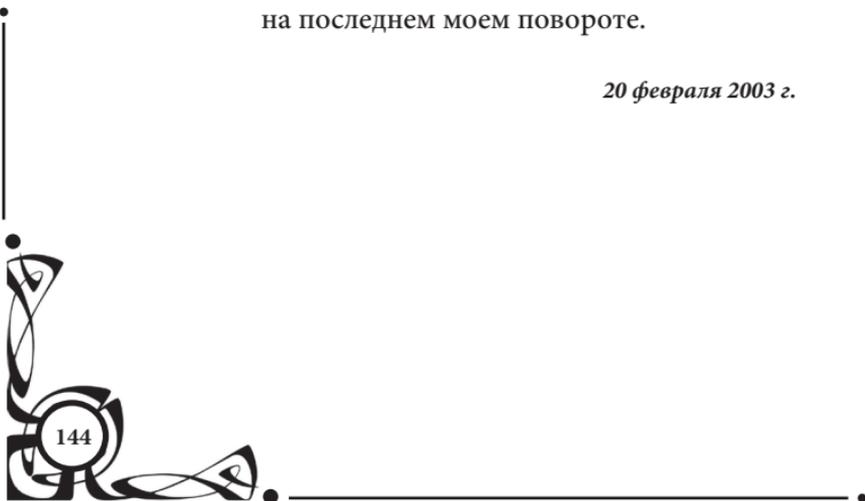
МНЕ НРАВЯТСЯ ЭТИ МЕСТА

Не доехав до края Земли,
на последнем сошел повороте, –
и обрел в придорожной пыли
равновесие духа и плоти.

Еле видима жизнь позади –
и года ее, и километры,
где вокруг, и в душе, и в груди
бушевали опасные ветры.

Ну а что впереди? Пустота,
разлучение духа и плоти...
Нет, мне нравятся эти места
на последнем моем повороте.

20 февраля 2003 г.

* * *

Я не эпохе, а природе
в земном пути принадлежу,
о человеческой свободе
и судьбах века не тужу.

Живу, как дерево лесное,
как туча в небе, как трава,
и властны в мире надо мною
одни природные права.

Родился, пожил, стану прахом –
в природе прах необходим.
А вот с эпохой на плаху
я не пойду, я нелюдим.

Пусть гибнут страны и народы:
людская мысль не доросла
до равновесия природы,
не знающей добра и зла.

20 февраля 2003 г.

АВТОМАТЫ ГАЗИРОВАННОЙ ВОДЫ

Позабыв пути и даты,
наслажденья и труды, -
вспоминаю автоматы
газированной воды.

Как они без передыху
за копейку и за три
разливали влагу лихо
от зари и до зари.

Впрочем, медлили вначале,
проглотивши медяки,
и вздыхали, и ворчали
автоматы-старйки.

Проходила дрожь по телу
автоматному затем,
наступало время дела
гидравлических систем.

Тек сироп, слетались осы,
над стаканами жужжа,
как пиратские матросы
с жалами острей ножа.

Но с шипением и треском
за граненые края
газированная резко
отгоняла их струя...

Вспоминаю виновато
в годы смуты и беды
те святые автоматы
газированной воды.

7 августа 2003 г.

МАТЕРИКИ

Зимой две тысячи третьего года
задумался я: для чего мне свобода,
телесное счастье, душевный покой? –
И я преисполнился русской тоской.

Ведь русское счастье и русское горе
всегда беспричинны - как небо и море,
как тучи меж солнцем и бездной морской
в пространстве, заполненном русской тоской.

В нем нет измерений и времени тоже,
оно до поры ни на что не похоже,
в нем лишь нерожденные материки
хранят очертания русской тоски.

14 декабря 2003 г.

* * *

В трусах до колен, но защитного цвета,
из поезда вышел, был сильный мороз...
Когда это было? И где было это?
А я ведь не помню, не помню всерьез.

Случайные люди в шумливом застолье
порою, указывая на меня,
приправив детали аттической солью,
глаголют историю давнего дня.

Мол, пили всю ночь; а когда на рассвете
была остановка, я с поезда – скок,
какую-то бабку сквозь вьюгу заметил
и к ней совершил по перрону рывок.

И, дескать, ей крикнул: - Скорее, старуха,
продай мне бутылку! - Она продала.
Потом за составом бежал что есть духу,
причем босиком. Вот такие дела.

Смущенно молчу, а застольные люди
глядят на меня, улыбаются мне,
закуску мне тянут на вилках и в блюде,
уж не говорю о налитом вине.

Мне б с опровержением выступить надо,
но счастливы люди - что дать им взамен?
Пусть это неправда, но люди-то рады
явлению поэта в трусах до колен.

17 февраля 2004 г.

РУССКАЯ ПЕЧЬ

Печку в доме растоплю,
это дело не простое, –
но дрова не погублю,
по науке их построю.

Два полена подлинней
размещу торцами к устью.
Мировой уклад видней
из тверского захоlustья.

А на два полена те
поперек четыре лягут.
На Руси по простоте
не боятся люди тягот.

А потом опять торцом
сверху положу поленья.
Не спасую пред лицом
делового поколенья.

Снизу щепок суну горсть,
чиркну спичкой – разгорится.
Я в тверской земле не гость,
здесь мой кров, моя столица.

Словно древняя ладья,
стопка дров зарделась яро,
в глубь ее сдвигаю я,
чтобы не теряла жара.

Вот и все, разожжена
русская родная печка,
хоть на десять верст она
одинока, словно свечка, –

свечка Богу в небесах,
пустырям в тверских лесах.

6 марта 2006 г.

* * *

И в эти последние годы,
а может, уже и деньки,
спокойно приветствую роды,
бесслезно гляжу на венки.

Давно не мечтая о чуде,
привычный уже ко всему,
стою на разбитой посуде
в еще не снесенном дому.

Пожили, попили, побили,
родили, взрастили, ушли,
следы оставляя на пыли –
вот эти осколки в пыли.

21 июня 2006 г.

* * *

В лианозовской роще глухою зимой
на дубу, окруженном березами,
я случайно увидел листву. Боже мой,
для чего ей бороться с морозами?

Ведь застыли, засохли, свернулись листья,
шелестят на ветру, как бумажные...
И подумалось вдруг: не терять высоты –
это все-таки самое важное.

25 марта 2008 г.

* * *

Свидетель космической эры,
сизу у земного окна,
пищу, соблюдая размеры,
что гибнет родная страна.

Мол, я за державу в ответе,
не будет мне счастья вовек,
пускай на могучей ракете
летит над Землей человек,

до Марса пускай доберется,
Галактику пусть обогнет,

дай Бог, не погибнет, вернется.
Но кто мне державу вернет?

Смешно, что об этом тоскую:
космический век за окном.
Но разве Россию другую
отыщешь в пути неземном?

1 апреля 2009 г.

* * *

Посиди, посмотри на огонь
или выпей стаканчик вина.
Только давнюю рану не тронь,
в октябре оживает она.

...Над проспектом искрят провода,
затухают под снежным дождем...
Никогда, никогда, никогда,
никогда мы не будем вдвоем.

Осторожней у русской печи,
не гляди сквозь огонь на судьбу –
только глина там и кирпичи,
только дым вылетает в трубу.

9 октября 2009 г.

* * *

Два журавля, как два самолета
полузабытой Первой мировой,
возникли из озерного тумана,
проплыли над моею головой.

Куда летят, и почему их двое,
где их вожак, товарищи, птенцы,
какое сообщенье роковое
они несут в обжитые концы?

А может, они изгнаны из стаи
за неземную гибельную страсть
и заблудились, снизились, устали,
боятся в тучу грозную попасть?

Сочувствовать, завидовать, спасать ли?
Как их спасешь: опять в туман ушли.
А может, зря волнуюсь – просто цапли?
Нет, это точно были журавли.

17 июня 2010 г.

* * *

Хорошие стихи, плохие, –
какая разница, друзья?
Поэзия – всегда стихия,
ее оценивать нельзя.

Скучаю над изящной строчкой,
как над красой холодных жен.
и вдруг единственной точкой
бываю в сердце поражен.

Зачем поэт ее поставил
не к месту, словно наугад,
без объяснений и без правил,
как падает шальной снаряд?

Да, тут стихия. Пусть при этом
стихи не слишком хороши,
а все ж дано одним поэтам
поставить точку от души.

3 октября 2010 г.

ТОЛЯСИК

Деревенский дурачок –
на лице улыбка –
бросил в озеро крючок,
чтоб ловилась рыбка.

Ни червя, ни поплавка
дураку не надо.
Как улыбка широка!
Сердце тоже радо.

- Эй, Толясик, как дела?
- Хорошо. Рыбачу. -
С ним авария была
и болезнь впридачу.

Покалечено бедро,
левый глаз не видит.
Но зато он весь – добро,
мухи не обидит.

Правда, может в дом скользнуть,
если дверь открыта,
и бутылку умыкнуть:
зря, мол, не допита.

Вновь на озеро придет,
удочку забросит,
весь в улыбке расцветет,
закурить попросит.

23 января 2011 г.

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Нет, жизнь моя не интересна.
Читаю книги, печь топлю,
и в целом мире, если честно,
одну жену свою люблю.

Былые встречи и романы
февральской вьюгой занесло
и посвящать им было б странно
сегодняшнее ремесло.

А впрочем, ремесло ли это:
сидеть часами у огня
и горевать, что жизнь поэта
не получилась у меня?

Ведь мог погибнуть с вечной славой
в былом отчаянном бою,
чтобы заметила держава
жизнь и поэзию мою.

Еще мог спиться, застрелиться,
повеситься, ет сетера*,
чтоб разглядела заграница
меня с посольского двора.

А я на озере рыбачу
и снова сквозь огонь гляжу.
Не о себе я в мире плачу.
Не о своей судьбе тужу.

14 февраля 2011 г.

* И так далее (лат.)

ПРОЩАЙ, АФГАНИСТАН

ДЕВЯТАЯ РОТА

Еще на границе и дальше границы
стоят в ожидании наши полки,
а там, на подходе к афганской столице,
девятая рота примкнула штыки.

Девятая рота сдала партбилеты,
из памяти вычеркнула имена.
Ведь если затянется бой до рассвета,
то не было роты, приснилась она...

Войну мы тогда называли работа,
а все же она оставалась войной.
Идет по Кабулу девятая рота,
и нет никого у нее за спиной.

Пускай коротка ее бронеколонна,
последней ходившая в мирном строю, –
девятая рота сбивает заслоны
в безвестном декабрьском первом бою.

Прости же, девятая рота, отставших:
такая уж служба, таков был приказ.
Но завтра зачислят на должности павших
в девятую роту кого-то из нас.

Войну мы опять называем работа,
а все же она остается войной.
Идет по России девятая рота,
и нет никого у нее за спиной...

17 февраля 1988 г.

* * *

Горит звезда над городом Кабулом,
горит звезда прощальная моя.
Как я хотел, чтоб Родина вздохнула,
когда на снег упал в атаке я.

И я лежу, смотрю, как остывает
над минаретом синяя звезда.
Кого-то помнят или забывают,
а нас и знать не будут никогда.

Без документов, без имен, без наций
лежим вокруг сожженного дворца.
Горит звезда, пора навек прощаться,
разлука тоже будет без конца.

Горит звезда декабрьская, чужая,
а под звездой дымится кровью снег.
И я слезой последней провожаю
все, с чем впервые расстаюсь навек.

1982 г.

ПОРТРЕТ

В палатке холодной и тесной,
раскинутой в горной стране,
приколот портрет Неизвестной
к брезентовой чуткой стене.

Свеча, словно перед иконой,
в задымленной гильзе пред ним.
Глядит из огня на погоны
знакомая в прошлом с Крамским.

В палатку приходим не часто,
нам снятся нелегкие сны,
но ангельским ликом лучатся,
мерцают глаза со стены.

И пусть говорят, что доступна
и даже продажна была, -
не зря винтокрылая ступа
ее через горы несла.

Не зря она над перевалом,
беспомощно комкая рот,
разреженным небом дышала,
крестя боевой вертолет.

И в этом краю каменистом,
где жизнь не дороже свинца,
светлеем мы в зареве чистом
ее огневого лица.

1980 г.

ИЗ ПЛАМЕНИ АФГАНИСТАНА

Строчит пулемет,
поднимается взвод,
но многие больше не встанут.
И к Родине сын никогда не придет
из пламени Афганистана.

Здесь горы в снегах
и селенья в бегах,
горят кишлаки и дуканы.
И выпустит вряд ли неверных Аллах
из пламени Афганистана.

Придет письмецо,
ты закроешь лицо,
но нет никакого обмана...
Надень же на левую руку кольцо
из пламени Афганистана.

Но год или два,
и ты вспомнишь едва
любви не смертельные раны.
я сделаю все, чтоб ты вышла жива
из пламени Афганистана.

1980 г.

ПРИЦЕЛ

Раз пуля свистит – значит, мимо.
Не вышел, наверное, срок.
Еще кое-что выполнимо,
отпущено несколько строк

об этих ребятах уставших,
сидящих кружком у огня,
и, если посмею, о павших –
они были лучше меня.

Отпущено строчек, пожалуй,
достаточно, чтобы рискнуть
прислушаться к мыслям державы,
отправившей в воинский путь.

А в общем-то, лишнее дело
раздумывать промаху вслед,
коль в прорези планки прицела
мелькает чужой силуэт.

1980 г.

ПЫЛАЕТ ГОРОД КАНДАГАР

Пылает город Кандагар,
живым уйти нельзя.
И все-таки Аллах акбар,
Аллах акбар, друзья.

Мне было тошно в жизни той,
я жить, как все, не мог.
Простился с верною женой:
Аллах акбар, дружок.

И над могилою отца
заплакал наконец:
твой путь пройду я до конца,
Аллах акбар, отец.

Аллах акбар! Горит песок,
и рушится скала,
и очередь наискосок
дорогу перешла.

Аллах акбар! Грохочет склон,
и перебит дозор.
Веди ж в атаку батальон,
Аллах акбар, майор.

Вы слышите, как мы поем
там, в цинковых гробах?
Ты видишь ли, как мы идем,
мы не свернем, Аллах!

А если кто-нибудь живым
вернется в Кандагар,
его мы, может быть, простим:
ему – Аллах акбар...

1981 г.

В КОРОЛЕВСКИХ КОНЮШНЯХ

В королевских конюшнях
метра нет для коня.
Медсестра раскладушку
принесла для меня.

Очень трудно голубке
в коридоре, где сплошь
встык обрубком к обрубку
полегла молодежь.

Отыскала местечко
в самом дальнем углу,
где десантник навечно
задремал на полу.

Унесли бедолагу,
положили меня.
Я отсюда ни шагу,
я спокойней коня.

Ведь от ног до макушки
весь я гипсовым стал,
Мне не надо подушки,
разве что пьедестал...

Медсестра, медсестричка,
что ж ты слезоньки льешь?
Как же ты без привычки
здесь, в конюшнях, живешь?

В королевских конюшнях,
в госпитальном чаду,
в наркотичном, спиртушном,
матерщинном бреду.

Если чудо случится,
если снова срастусь, -
дай свой адрес, сестрица,
может быть, пригожусь.

Ну а коль не воскресну,
все равно хоть часок
проживу, на чудесный
поглядев адресок.

В королевских конюшнях
метра нет для коня.
Медсестра мою душу
унесла от меня.

1982 г.

НА ПЕРЕВАЛЕ

Война становится привычкой,
опять по кружкам спирт разлит,
опять хохочет медсестричка
и режет сало замполит.

А над палаточным брезентом
свистят то ветры, то свинец.
Жизнь, словно кадры киноленты,
дала картинку наконец.

О чем задумался, начштаба,
какие въявь увидел сны?
Откуда спирт, откуда баба?
Спроси об этом у войны.

А хорошо сестра хохочет
от медицинского вина.
Она любви давно не хочет,
ей в душу глянула война.

Эй, замполит, плесни помалу,
теперь за Родину пора...
Нам не спуститься с перевала,
который взяли мы вчера.

1983 г.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Насели духи с трех сторон.
С четвертой – пропасть в преисподнюю.
Мотострелковый батальон
встречает ночьку новогоднюю.

Я подарю тебе рожок.
Ты подари мне обещание:
последней пулюю, дружок,
меня отдаишь на прощание.

Лежу, смотрю за облака,
спеленутый бинтами жаркими.
Ребята нашего полка
сочтутся с духами подарками.

Я не боюсь, что кровь течет.
Боюсь, что в ночьку новогоднюю
друг потеряет пулям счет:
не доползти мне в преисподнюю.

А он такой, он увлечен,
стирает пот с физиономии,
ему как будто нипочем
советский принцип экономии.

И я тянусь к нему, тянусь,
как из пеленок в детстве к матери,
на пули встречные молюсь:
свою бы даром не потратили.

1985 г.

ПРАПОРЩИК ЗЕНИН

Воинский долг на Земле неизменен,
будем России должны до конца.
Вы стали воином, прапорщик Зенин,
с Курской дуги не дождавшись отца.

Жить сиротою – судьба не простая,
в послевоенное время – вдвойне.
Самой голодной была на Алтае
ваша семья не по вашей вине.

Выросли вы на соседских щедротах,
грызли картофельную кожуру,
не на учение, а на работу
детской семьей уходя поутру.

Вы это помните, прапорщик Зенин,
не обвиняя судьбу и страну.
Воинский путь на Земле неизменен:
жизнь перейти и осилить войну.

Во послужили России на срочной
и на сверхсрочной не год и не два,
в школах вечерних, в учебах заочных
на старшинство обретая права.

Старше по возрасту даже комдива,
вы – наш отец, боевой старшина.
Только останьтесь, пожалуйста, живы:
это не Курск, это наша война.

Воинский долг на Земле неизменен,
друг перед другом мы тоже в долгу.
Да не спешите же, прапорщик Зенин:
вас тяжело заслонять на бегу.

1987

МЕДСЕСТРА ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

“Если бы вы знали, как нас встретили...”
Девушка рыдает под рукой.
Многосмысловые междометия
невозможны с девушкой такой.

“Я ж не за деньгами, не за чеками...”
Смотрит исподлобья, чуть дыша,
девушка с подкрашенными веками,
с чистою обидой малыша.

“А они по возрасту построили,
говорили вслух про нашу статью.
Мы, конечно, не были героями,
но хотели сестрами им стать...”

Пью чай в застолии палаточном
с медсестрой десантного полка.
Моего молчания достаточно,
чтоб она сидела, так близка.

Только я люблю другую женщину.
А сестра, не ведая про то,
с лейтенантом раненым повенчана,
без ноги отправленным в ЦИТО.

“Если бы вы знали, что за мальчики!
Я к ним и сквозь пламя доползу...”
Говорит и смахивает пальчиком
с пыльных щек моих свою слезу.

1984 г.

ЛЕТИ, ВЕРТОЛЕТЧИК

Беснуются лопасти над головой,
дрожит рукоять управленья.
Заходишь от солнца, и то, что живой,
сверяешь с наземною тенью.

Берешь на себя, все берешь на себя,
за все отвечаешь исходы.
Железная птица, покорно трубя,
соскальзывает с небосвода.

Пробита обшивка, разбито стекло,
передняя стойка погнута,
но ты приземлился, тебе повезло,
тебе и в пехоте кому-то:

он ранен, тебя посылали к нему,
ты сел под обстрелом на скалы.
Железная птица в сигнальном дыму
с гранитным слилась пьедесталом.

Погрузка закончена, двинут “шаг-газ”,
с трудом отрываешь машину.
Ты в небе. Ты выжил. И ты его спас –
бойца с безымянной вершины.

Набрал высоту, оглянулся в отсек,
борттехник кивнул: все в порядке.
Лети, вертолетчик. Живи, человек.
Счастливой, ребята, посадки.

1986 г.

НЕИЗВЕСТНАЯ ЛЮБОВЬ

Снежные склоны хребтов Гиндукуша
в красных заплатах солдатской крови.
Я под огнем перекрестным не струшу
ради твоей неизвестной любви.

Может быть, смерть мои руки развяжет –
я обниму тебя, падая в снег.
Горы высокие небу расскажут,
как человека любил человек.

Словом прощанья, слезою печали
издалека не тревожь, не зови.
Лучше останься такой, как в начале
нашей с тобой неизвестной любви.

Мы не бродили Москвою вечерней,
не целовались в Нескучном саду –
не придавай же большого значенья,
если однажды совсем не приду.

Ближе и ближе чужие халаты...
Все позабудь, мои письма порви,
как я себя разрываю гранатой
в память твоей неизвестной любви.

1987 г.

НЮРКА

Плачет Нюрка, живая душа,
слезы с кровью смешались на лапах.
Ах, как Нюрка была хороша –
самый тоненький чуяла запах.

Плачет Нюрка, а птица летит,
боевая железная птица.
Плачет Нюрка, себе не простит.
Но ведь плачет. И все ей простится.

Гладит Нюрку родная рука.
Ей лизнуть бы хозяйскую руку:
так знакома она, так легка,
обреченная Нюркой на муку.

Вертолетный врезается пол
в иссеченное Нюркино тело.
...Сотню раз она чуяла тол,
а в сто первый – чуть-чуть не успела.

По загровку прошел холодок,
когда запахом сбоку пахнуло,
но на тонкий стальной проводок
по расщелине лапа скользнула.

И взметнулся огонь из камней,
и запахло железом каленым,
и хозяин, идущий за ней,
опустился на землю со стоном.

И ползла к нему Нюрка, ползла,
и лизала его, и лизала,
и хрипела – на помощь звала,
глазами всю боль рассказала.

Подбежали к саперу друзья,
обмотали бинтами сапера.
Он сказал: “Мне без Нюрки нельзя”. –
“Нет, - сказали ему. Это горы...”

Вертолет прилетел поутру,
их вдвоем погрузили в машину.
“Ты не плачь, Нюрка, я не умру,
ты не плачь, я тебя не покину”.

Но плачет Нюрка, живая душа...

1986 г.

ПИЛОТЫ

Звезду электронной эстрады,
красавицу лет тридцати
на “точку” из Джелалабада
им выпало перевезти.

Она улыбается ярко,
по лесенке всходит в салон,
одетая в темный, немаркий,
но бархатный комбинезон.

Запущен движок вертолета,
ревет и вибрирует мир.
Оглядываются пилоты,
как будто она – командир.

Величественно и лукаво
певица кивает слегка,
вручая им сладкое право
нести ее под облака.

Отводят смущенные взгляды,
взлетают, в эфир говорят,
над рощами Джелалабада
с бесценною ношей парят.

Потом начинаются горы,
вершины близки и грозны...
Тревожнее переговоры,
которые ей не слышны.

“Как молоды летчики эти, -
певице подумалось вдруг. -

Здоровались, прямо как дети,
смущаясь касания рук...”

С улыбкою встала в салоне,
прошла, каблучками стуча,
и две несравненных ладони
накрыли два юных плеча.

Но не оглянулись пилоты,
не вздрогнули, не напряглись.
И лишь впереди вертолета
какие-то искры зажглись.

С минуту стояла меж кресел,
вернулась в салон на скамью,
ругая свой жест – он из песен –
и чуткую душу свою.

На “точке” простилась надменно,
спустилась по лесенке в пыль
и гордо шагнула в военный
подъехавший автомобиль.

Пилоты плечами пожали:
проштрафились? Чем и когда?
Ведь даже, что их обстреляли,
не знала в салоне звезда.

Запущен движок вертолета,
ревет и вибрирует мир.
- Летим-ка к тому пулемету, -
сквозь зубы сказал командир.

1986 г.

ВОСПОМИНАНИЕ БОЙЦА

Полыхал бэтээр за спиною,
и бензин разливался вокруг.
И навеки прощался со мною
настоящий, не песенный друг.

Настоящий, родной, опаленный
непридуманным жарким огнем.
Рядовые, без лычек, погоны,
покоробившись, тлели на нем.

И подробностей вам не расскажут
ни комдив, ни начпо, ни комбат,
только место на карте укажут,
где отмучился этот солдат.

Да и мы с ним простились лишь взглядом,
когда полз я к живому огню.
Если вы с нами не были рядом,
как же это я вам объясню?

На маршруте в засаду попали,
и граната пробила движок, -
вот и все в документах детали
плюс диагноз: смертельный ожог.

Ну а то, что дружили мы свято,
что делили мечты и пайки, -
мне, пока что живому солдату,
пересказывать вам не с руки.

Обстоятельства были виною,
что мы с другом простились в огне,
что не песней, а болью немою
вспоминать его выпало мне.

К сожалению, это не песня,
это была, это была, это была.
Под Гардезом мы рухнули вместе
в придорожную жаркую пыль...

Февраль 1988 г.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

Разорван погон под ремнем автомата,
истерлась тельняшка на левой груди,
где сердце колотится, не виновато
во всем, что за нами и что впереди.

Прошли по ущелью, спустились в долину,
поднялись оттуда на горный хребет,
в бою разделившись на две половины –
оставшихся здесь и оставивших свет.

Прошли по хребту, по горящему склону,
фронтальной атакою взяв перевал.
И снова Господь перестроил колонну:
из двух одного в небеса отозвал.

Пошли с перевала по тропам овечьим,
по минным ловушкам, под скрестным огнем,
внезапно сверкавшим сиянием вечным
ребятам, с которыми рядом идем.

Спустились по тропам на горное плато.
Легко нам загадывать – нечет и чет:
один из нас в небо взметнется крылато,
другого навеки земля привлечет.

1987 г.

ДЕВЧОНКИ НАШЕГО ПОЛКА

Я не о тех, кто ждет нас дома,
хоть жизнь их тоже нелегка...
Грустят под гул аэродрома
девчонки нашего полка.

Дрожат брезентовые стены,
мигает лампа в сорок свеч.
Все прочее обыкновенно,
и не о быте, в общем, речь.

В палатке гладят и стирают,
в палатке думают о нас,

но от любви не умирают,
как мы от выстрелов подчас.

Библиотекарша, связистка,
официантка, медсестра.
Стоят их коечки так близко,
чтобы шептаться до утра.

Но вот заходит на посадку
с гор прилетевший вертолет,
и медсестра глядит украдкой
на телефон и воду пьет.

Палаточный откинув полог,
выходит молча за порог.
Как странен взгляд ее, как долог,
как темен мир и как жесток.

Пусть обошлось: никто не ранен
на тех горах, где мы лежим, -
но долог взгляд ее, и странен,
и не по-женски недвижим.

А утром четверо девчонок
бегут по взлетной полосе,
и подполковник Азаренок
кричит им: “Стойте, живы все!..”

Февраль 1988 г.

МОЛИТВА

Мы побеждали на войне,
но песни пели не об этом,
с победою наедине
никто из нас не стал поэтом.

Опять вернулись без потерь,
опять трофеи валим в кучи.
Зачем поэзия теперь?
Мы победили, мы везучи.

Пьем водку, если есть она,
и вспоминаем возбужденно,
какая славная война
была с утра у батальона.

Затянем песню стгоряча,
собьемся и затынем снова,
смеясь, ругаясь и крича
одно какое-нибудь слово.

Но если после боя вдруг
и мы не досчитались друга, –
как оглушает каждый звук,
как медленны движенья рук
с прощальной чашею по кругу...

И неизбежные, увы,
вспоминанья горькой битвы –
начало песни ли, главы,
стихотворенья ли, молитвы.

6 ноября 1992 г.

ФОТОГРАФИЯ

Стоят у бронетранспортера
не для фотографа – вразброс,
не оборвали разговора,
не приняли картинных поз.

Да, повернувшись к объективу,
но не уставились в него,
ждут весело, нетерпеливо
освобожденья своего.

Лишь пятилетнего Фараха
интересует все подряд,
он с увлечением и страхом
рассматривает аппарат.

Невольно прислонился малый
к солдату худеньким плечом:
с таким защитником бывалым
Фараху страхи нипочем.

Хозрат спокоен, полусидя
на арматуре колеса.
Ему семь лет, он в жизни видел
и не такие чудеса.

Навруз поглаживает фару,
как холку верного коня,
десятилетнего Мухтара
ревниво локтем отстраня.

Джума забрался к пулемету.
По-моему, доволен он,
что выйдет боевым на фото,
хоть пулемет и зачехлен.

Мурод – ему уже пятнадцать –
солдата держит за рукав,
обоим удалось засняться
как представителям держав:

без панибратства, не в обнимку,
но не для публики близки
и вряд ли после фотоснимка
отдернут руку от руки.

На заднем плане – край дувала,
вечнозеленые кусты,
с которых клонятся устало
сухие длинные листья.

В кадр не вошли, но узнаются
кишлак и беспокойный век,
в котором все-таки смеются
семь встретившихся человек.

А что солдат был ранен дважды
и что броня опалена –
на снимке разглядит не каждый,
но знать История должна.

1986 г.

* * *

Открываю страницы афганской войны,
где желтеют бумага и строки:
ведь уроки, которые извлечены,
прояснились в нескорые сроки.

Делал записи наспех, но все – набело,
как История мне диктовала.
Ну а то, что ни строчкой в стихи не вошло, -
на войне это тоже бывало.

1989 г.

БОЕЦ ИЗ БРИГАДЫ “КОММАНДОС”

В Кабуле весенняя мода
на все, даже на паранджу...
Рассматриваешь пешеходов,
а я на тебя погляжу.

Здесь женщины в цвете небесном,
иконном, рублевском почти.
Но, впрочем, тебе не известно
про наши иконы. Прости.

Идешь по большому Кабулу,
сын маленького кишлака.

Среди многолюдного гула
тебе неуютно пока.

Дуканы, жаровни, машины,
навесы, витрины, лотки...
И женщины, словно кувшины,
блистательны и высоки.

Детали столичного быта
тебе интересны всерьез.
И манят глаза, что сокрыты
под сеткой из конских волос.

В селении высокогорном
другие фасон и цвета:
там женщины горбились в черном,
смотрели сквозь нити холста.

И мать, провожая, всплакнула
под грубою той паранджой...
Был красен твой путь до Кабула
от крови своей и чужой.

Ты думал, что рай тебе снится
на узком врачебном столе,
открытые женские лица
увидев на грешной земле.

Одетые в белые ткани,
медсестры стояли вокруг,
когда ты в наркозном тумане
боялся коснуться их рук.

Нас женщины в черном – рожают,
нас женщины в белом – хранят,
в лазурном – любовью сражают,
украдкой бросивши взгляд.

Но вся их небесная мода
тебе поклониться должна:
ты – в сером, под цвет небосвода,
в котором дымится война.

1986 г.

КАПИТАН ИЗ БАДАХШАНА

Вы бывали в Бадахшане?
Не ходите никогда.
Вот спую о капитане, -
вы расхочете туда.

Я спую о том, как тужит,
как перловку ест с ножа,
как он Родине там служит,
головой не дорожа.

А еще добавить надо,
как по взорванным мостам

он дошел до Файзабада
и навек остался там.

Пусть подпиленные пули
воют около плеча, -
парткомиссия в Кабуле
объявляет строгача.

А за что? За то, что строго
запрещает пить коран.
Только он-то, слава Богу,
наш, советский капитан.

Он живет не по исламу,
у него одна жена.
Он порой про Божью маму
говорит, как сатана.

Он суннита и шиита
от бревна не отличит.
Ну хватил какой напиток -
не дерется, не кричит.

Так скажите, Бога ради,
в чем виновен капитан -
тот, что служит в Файзабаде
на нагорье Бадахшан?

1981 г.

Немирный кишлак

Плакаты на серых дувалах,
плоды на зеленых ветвях,
да несколько старых и малых
в едва приоткрытых дверях.

Ручей с желтоватой водою,
текущей по самому дну,
и ослик со шкурой седою,
жующий травинку одну.

Все это до боли знакомо.
Окликни любого мальчика:
- Отца позови, если дома. -
Ответит, что нету отца.

Плакаты наклеены криво,
наверное, в спешке. Хотя
плакаты, конечно, красивы
и не виновато дитя.

Подходит старик бородатый,
заводит неспешную речь.
Вздываются из-под халата
углы его высохших плеч.

Понятно и без перевода,
как он излагает дела:
мол, мало в селенье народа,
а банда большая была,

мол, ночью ворвались бандиты,
они и открыли стрельбу,
мол, жители очень сердиты
на банду и злую судьбу,

но что он клянется Аллахом:
бандиты ушли поутру...
И голос дрожит не от страха –
от старости и на ветру.

Комбат пожимает плечами,
выслушивая перевод.
Быть может, и вправду случайно
отсюда стрелял пулемет.

Быть может, быть может, быть может...
По скулам бегут желваки:
порой на засады похожи
такие же вот кишлаки.

Вонзается взгляд капитана
в окошки-бойницы домов.
Подкрались к броне мальчуганы,
глядят на комбата без слов.

Стоят на пыли раскаленной,
босые, худые стоят.
И нет везаконней закона,
чем их умоляющий взгляд.

1986 г.

* * *

Я вылетал из Кандагара
военно-транспортным бортом
с походной сумкой и гитарой
в пустом отсеке грузовом.

Движки ревели очумело
в крутом наборе высоты,
обшивка жалобно скрипела,
тряслись крепежные болты.

Нас обстреляли супостаты
крупнокалиберным свинцом,
что было видеть страшновато
к иллюминатору лицом.

Но самолет поднялся выше
цветистых пулеметных трасс.
Отныне нас никто не слышит,
никто с земли не видит нас.

Сверкают звезды, как живые,
дрожит на крыльях лунный свет.
И на вопросы роковые
простой почудился ответ.

Да, человечество не скоро
избавится от войн и зла.
Да, много горя в эти горы
моя держава принесла.

Оправдываться бесполезно.
И люди в будущем должны
парить на кораблях железных
среди всемирной тишины.

Но на вселенские орбиты
нам будет переход не прост:
там вновь огонь, метеориты,
распад планет, разрывы звезд!

8 декабря 1996 г.

ХАБИБА

Мы встретились ночью, на аэродроме,
под лампой, свисавшей с кривого столба.
Афганский приятель, нас быстро знакомя,
назвал только имя ее: Хабиба.

Она черноглаза и черноволоса.
Припухлые губы. Зубов белизна.
Породисто четкая линия носа.
Балетные плечи. Прямая спина.

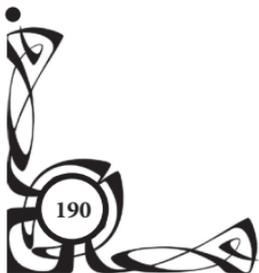
Высокая. С ней целоваться, наверно,
удобно б мне было; жаль, опыта нет...
Она улыбалась красиво и нервно
на мой автомат и на мой пистолет.

Проспектом Майванд по ночному Кабулу
промчались, сумев миновать патрули.
В машине она потихоньку всплакнула;
о чем – мы с приятелем знать не могли.

Я вышел у темного входа отеля,
в горком комсомола вернулись они.
И больше увидеться мы не сумели
в дни вывода войск, в те безумные дни.

Спасибо друзьям, что сердца их открыты,
поклон Хабибе за ее красоту.
А впрочем, они были вскоре убиты, -
вслед выводу войск, на Майвандском мосту.

1995 г.

В НОЧНОМ ПОЛЕТЕ

На взлете, когда с разворотом
ушли неизвестно куда,
я видел: над правым пилотом
слегка покачнулась звезда.

По кожаным летным регланам
скользнул неразгаданный свет,
рожденный межзвездным туманом
и отблеском мертвых планет.

Быть может, навечно над миром
впечатался в ночь самолет?
Земля говорит с командиром.
Сутулится правый пилот.

1980 г.

ВОЙНА НЕ ПОНИМАЕТ НАС

Вечерний свет в горах погас,
в ущелье сыро и темно,
вода во флягах, как вино...
Война не понимает нас.

Пусть оставались мы не раз
в ущельях с ней наедине,
но ни на склонах, ни на дне
война не понимала нас.

На гребни высланы посты,
их поменяют через час.
Война глядит из темноты,
она не понимает нас.

А мы опять не жжем костры,
а мы уже не тушим глаз.
Война не понимает нас,
иначе б вышла из игры.

1983 г.

УДАЧА

О службе и жизни судача,
мы вдруг поднимаемся в рост
и пьем за нее – за Удачу.
Сомнительный, вроде бы, тост.

Отцы-командиры, ребята,
войны же проста, как сапог.
Удача ли в то виновата,
что с фланга прикрылись мы в срок?

Удача ли – выстрелить метко,
противника опередив?
Отправишь ночную разведку –
и утром останешься жив.

Все честно, логично и просто
под этим научным углом.
Но как-то неловко без тоста:
нас мало уже за столом.

1983 г.

ДОЛГИ

При свете единственной свечки
сидим в чуждеальной земле.
Игральные карты – сердечки
тасуем на шатком столе.

Пустые спиртовые фляги
отбросив ударом ноги,
на желтой газетной бумаге
взаимные пишем долги.

Еще не стреляют снаружи,
палатка дрожит на ветру.
Война ошалела от стужи,
очнется она поутру.

Бормочем сквозь сон прибаутки,
бахвалимся дамой бубей,
роняя – пока ради шутки –
привычное слово: “Добей”.

8 ноября 1993 г.

* * *

Разведка цветы собирала
в долине, где травы по грудь.
Разведка в том рейде устала,
ей дали часок отдохнуть.

Разведка срезала штыками
у самой земли стебельки –
над розовыми лепестками
мальчишек седые виски.

Разведка брезент развернула,
горой уложила цветы,
с колен поднялась и шагнула
на передовые посты.

Прощай, войсковая разведка,
ты ведаешь все на войне.
Судьба ошибается редко,
разведчики – реже вдвойне.

К утру потемнели в расцветке,
как кровь, запеклись лепестки.
Опять не ошиблась разведка –
такие и нужно в венки.

20 октября 1983 г.

* * *

В. Кожин

От боя до боя не долго,
не коротко, лишь бы не вспять.
А что нам терять, кроме долга?
Нам нечего больше терять.

И пусть на пространствах державы
весь фронт наш – незримая пядь.
А что нам терять, кроме славы?
Нам нечего больше терять.

Пилотки и волосы серы,
но выбилась белая пядь.
А что нам терять, кроме веры?
Нам нечего больше терять.

Звезда из некрашеной жести
восходит над нами опять.
А что нам терять, кроме чести?
Нам нечего больше терять.

В короткую песню не верьте,
нам вечная песня под стать.
Ведь что нам терять, кроме смерти?
Нам нечего больше терять.

19 июня 1987 г.

ДЖЕЛАЛАБАД

Днем ветер, ночью снегопад,
морозные рассветы.
А мы летим в Джелалабад,
в Джелалабаде лето.

Там в эвкалиптовых ветвях
большие, как сороки,
десятки желтогрудых птах
устраивают склоки.

Там берега реки Кунар
травой покрыты сочной,
и над водой молочный пар
восточной дышит ночью.

Там пальм упругие листы,
как зеркала, сверкают,
и звезды с чистой высоты
по ним в траву стекают.

Там над ручьем стоит камыш
в три роста человеческих,
летучая ночная мышь
порхает в нем беспечно.

Там обезьяны из чащоб
пугают визгом уток.
Там снайпера стреляют в лоб,
что тоже кроме шуток.

1986 г.

ПОМНИ ОБО МНЕ

События разделены
на те, что вдруг судьбу меняют,
и те, что, взгляду не видны,
ее хранят и осеняют.

Просила: “Помни обо мне”.
И этой просьбою сквозь слезы
спасла на будущей войне
и в госпитале под наркозом.

Да не шепчитесь вы с врачом!
Я продержусь, мне хватит силы.
Ведь вы не знаете, о чем
меня любимая просила.

6 августа 1985 г.

НЕТ ЦВЕТОВ В АФГАНИСТАНЕ

Итак, цветы. Я их дарил любимой
и нелюбимой тоже их дарил
и, что уже совсем необъяснимо,
одни и те же фразы говорил.

Еще я приносил их на могилы
и возлагал, как пишется подчас.
Все это было, ну конечно, было,
и не один, а очень много раз.

Речь не о том, что страсть и смерть похожи,
вернее – отношение наше к ним,
хотя об этом поразмыслить тоже,
пожалуй, не мешало бы живым.

Речь о цветах. Как таковых. В природе.
На что угодно спорить я готов:
в афганском затянувшемся походе
все девять лет не видел я цветов.

Не верите? Я сам не верил яро,
я вспоминал “зеленку” вдоль дорог,
пески Газни, кабульские базары –
цветов нигде припомнить я не смог.

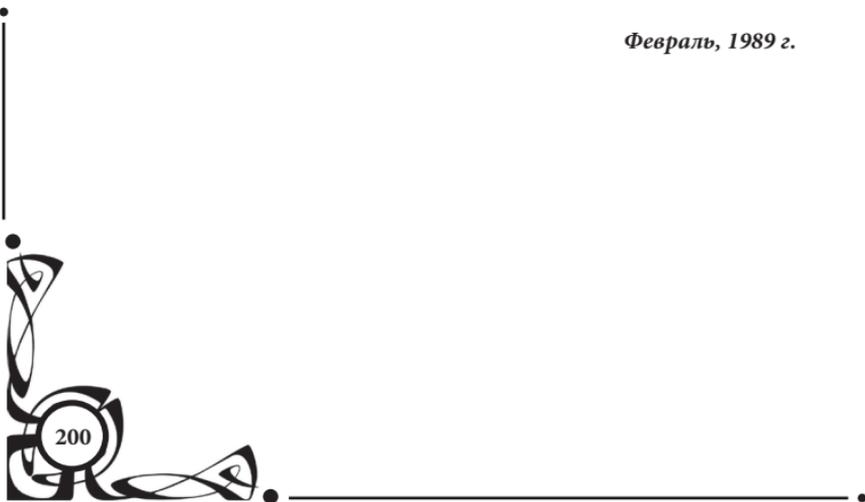
Так были или нет? Возможно, были,
в каких-нибудь оазисах росли,
проглядывали из столетней пыли,
из трещин скал и высохшей земли.

Но на лотках, в руках, на пьедесталах –
без оговорок продолжаю спор –
цветов в Афганистане не бывало,
и нет в Афганистане до сих пор.

Какой же вывод? О войне, наверно,
о нас, о наших взглядах на войну,
о том, что воевали мы на нервах
и чувствовали смутную вину.

И об афганцах – доблестном народе,
живущем в нищете, в поту, в крови,
талантливом и смелом по природе,
не верящем ни смерти, ни любви.

Февраль, 1989 г.

БЕРЕЗА

Там было экзотики много,
но тронули душу всерьез
блеснувшая лужей дорога
и мокрые плети берез.

За острый хребет Гиндукуша
судьба ведь не даром ввела.
А надо же, тронули душу
такие простые дела.

Знать, родина помнится всюду,
чем дальше она, тем милей.
И я никогда не забуду
проселков ее и полей.

Но эти огромные горы,
глубокие чаши долин,
высокие звездные хоры,
поющий во тьме муэдзин,
развалины древней мечети,
кочевных становий костры,
кровавый зубец на рассвете
подсвеченной снизу горы,
нависшие грозные скалы,
в ущельях сквозные ветра –
да разве же этого мало?..

Березу увидел вчера.

1980 г.

* * *

Простуженно выли бездомные псы,
за окнами звезды пылали...
Случайная ночь. А всю жизнь на весы –
и вся перетянет едва ли...

Гудел вертолет над горой Асмаи,
сворачивал к Бала-Хиссару.
А вот на кровати все вещи мои:
рюкзак, автомат и гитара.

В афганской столице, в отеле “Кабул”,
со мною, а не на экране –
собаки, бессонница, звезды и гул
и трассеры в Дар-уль-Амане.

Нет, я понимал, что живу на войне
и должен бы думать об этом,
но вечные звезды пылали в окне
над высвеченным минаретом,

но выли собаки, гудел вертолет,
неслись по Майванду “уралы”.
И я в одиночку встречал Новый год,
спустившись живым с перевала.

1991 г.

* * *

В землянке, вкопанной в долину
близ городка Пули-Хумри,
с ботинок очищаю глину,
жизнь коротаю до зари.

Здесь печь гудит, здесь лампа светит,
поскрипывает в петлях дверь,
здесь жизнь мне, может быть, ответит,
что с нею делать мне теперь.

Последний раз вдали от дома
ночью посреди войны,
где все понятно и знакомо –
от взрывов и до тишины.

Еще не мучает теченье
похожих, словно капли, дней,
где жизнь опять полна значенья,
всецело замкнутого в ней.

Еще любовь не стала стержнем
и самоцелью бытия...
Еще я весь – не тот, не прежний,
которым завтра стану я.

Февраль, 1989 г.

* * *

Последний батальон уходит из Кабула,
на взлетной полосе гудит последний “Ил”.
Дымами дизелей дорогу затянуло.
Прощай, Афганистан, который я любил.

Война была войной. Не лучше и не хуже,
чем тысячи других в иные времена.
В пустынях жгла жарой, в горах губила стужей
и девять с лишним лет стреляла в нас она.

С лихвой оплачен долг интернациональный,
не посрамили мы Советскую страну.
И все же иногда оглянемся печально
на брошенный Кабул, предчувствуя вину.

Оставили друзей наедине с врагами,
оставили врагов с судьбой наедине.
Одни убьют других, потом погибнут сами
на недобитой нами горестной войне.

Последняя колонна от аэродрома
идет на Чарикар и дальше – на Джабаль.
Перемахнем Саланг и завтра будем дома.
Прощай, Афганистан, которого мне жаль.

20 января 1997 г.

ЧТО ТОЛКУ В КРАСОТЕ ЗЕМНОЙ

Я помню красоту войны,
цветной пожар ночного боя,
где в алом пламени видны
зеленое и голубое.

Блистают в небе трассера,
сверкают желтые ракеты,
и острая, как ель, гора
гирляндой выстрелов одета.

Крутой полет штурмовика
и реактивного снаряда
сквозь темноту, сквозь облака –
прекрасней молнии разряда.

Не насмехайтесь надо мной,
не обвиняйте торопливо:
что толку в красоте земной,
когда война – и та красива...

26 декабря 1995 г.

* * *

Завалы, заслоны, засады,
барханы, сугробы, ветра.
Наверно, забыть это надо,
но помнится, словно вчера.

Страна, что “за речкой на юге”,
как мы ее звали подчас,
останется песней о друге,
навечно ушедшем от нам.

В той песне и боль и просторы
тревожных афганских дорог,
и гордость, и горе, и горы,
где друг отозваться не смог.

А мы вот пришли из-за речки,
мы обняли жен и детей
и песню поем на крылечке
среди невоенных гостей.

Ни взглядом, ни словом, ни нотой
ничье не смутим бытие.
Война была нашей работой,
и мы выполняли ее.

Но если концовку припева
подтянет невидимый друг,
мы глянем не вправо, не влево,
а в сторону речки, на юг.

1987 г.

ШТЫК-НОЖ ОТ АКМ

Для чего по болотам хожу,
за трясиной минуя трясины
и рассказываю штык-ножу
то, что должен рассказывать сыну?

Одинок ли я? Не одинок.
Есть друзья и влюбляться не трушу.
Просто если не чувствуешь ног,
начинаешь вдруг чувствовать душу.

С этой кочки до той напрямиком
не пройти. И поэтому лучше,
не задумываясь ни о ком,
о душе поразмыслить заблудшей.

Исповедаться, что ли, в грехах
перед чахлой замшелой осокой?
Да, живу второпях, впопыхах.
Да, жесток в этой жизни жестокой.

Потому-то с дороги лесной
и сворачиваю на болото,
где меж гневом Господним и мной –
только тлеющий след самолета.

Потому-то теперь напрямик
не прошел бы от кочки до кочки,
если б слегу не вырубил штык
закругленной афганской заточки.

5 апреля 1994 г.

* * *

Быть может, смерть уже стоит у изголовья,
и утром навсегда расстанемся с тобой.
И все-таки любовь останется любовью,
и все-таки война останется войной.

Распахнуто окно ветрами Гиндукуша,
маячит за окном гражданская война.
Зачем в чужих горах мы сохранили душу? –
На нынешней войне душа нам не нужна.

Усеяна земля осколками державы,
куда ни сделай шаг – кровавые следы.
Не обрести в бою ни вечности, ни славы,
ни честного Креста, ни жестяной Звезды.

1992 г.

* * *

Давай за тех, кто не вернулся,
кто стал частицей тишины,
кто лег в горах и не проснулся
от необъявленной войны.

Давай не чокаясь, ребята,
давайте молча и до дна
за офицера и солдата,
кого взяла к себе война.

Давайте вспомним поименно
тех, с кем навеки сроднены,
кто был частицей батальона,
а стал частицей тишины.

Отставить не имеем права,
а только молча и до дна,
поскольку общая держава,
поскольку общая война...

1983 г.

* * *

Почему нынче вспомнились мне
те снега, те ветра, те пески
далеко-далеко на войне,
где мы были, как братья, близки...

Пролетали в ночи трассера –
разноцветные звезды войны,
и нам снились в горах до утра
ледяные солдатские сны.

Вот сижу над рекою Москвой,
на гитаре походной бренчу.
Я с войны возвратился живой,
я войну вспоминать не хочу.

Остывает уха в котелке,
недопито во фляге вино.
И сползает слеза по щеке,
что увидеться нам не дано.

И опять вспоминаются мне
те снега, те ветра, те пески
далеко-далеко на войне,
где мы были, как братья, близки.

Февраль, 1993 г.

* * *

Была дорога наша долгой
и по войне, и по стране.
На русском кладбище за Волгой
стоим в нелегкой тишине.

Зима крута, снега глубоки.
И сквозь кресты едва видны
могилы павших на Востоке
во славу Северной страны.

В сторожке взяли мы лопаты
и снег в оградах разгребли.
Простите нас, друзья-солдаты,
что мы не сразу вас нашли, -
и там, в горах, и здесь, за Волгой...

И пьем мы молча и до дна
за тех, кому была недолгой
та наша первая война.

26-27 октября 1999 г.

* * *

Боже мой, да была ли война –
та, что видел я собственным оком?
Или в прошлом приснилась она,
иль я нынче уснул ненароком?

На каких-то дорогах пылию,
даже пересекаю границы...
Ну а если я все-таки сплю, -
как проснуться, как остановиться?

Без войны я другой, я не я,
с неизвестной душой и судьбою,
потому что зенит бытия –
в потрясении первого боя.

С кем-то ссорюсь, кого-то люблю
и до идиотизма спокойно
на случайных дорогах пылию,
наблюдая случайные войны.

15 декабря 2002 г.

БРОДИЛ И Я В СТИХИЯХ МИРА

* * *

В пурпурном плаще полководца,
в тюремном бушлате худом,
а может, и голым придется
вернуться в родительский дом.

– Великую выиграл битву!
– Великое зло испытал...
– Великому Богу молитву
за вас я, родные, читал.

18 января 2001 г.

ВТОРАЯ СМУТА

...Безумие царя,
своей рукой убившего во гневе
наследника престола Иоанна;
покрытая завесой тайны смерть
царевича Дмитрия, ребенка,
в которой обвинялся Годунов;
его недолговечное правленье
и с первым Лжедмитрием борьба;
провозглашенье Шуйского на царство
и новый Лжедмитрий у Москвы;
народный бунт, поляки, казаки,
два стана, два царя, два патриарха:
один – при Лжедмитрии – Романов,
чей сын займет престол и кончит Смуту...

Скажите мне, зачем всё это знать?
На то и Смуты, чтоб сердца смущала,
рвала концы и портила начала,
и время поворачивала вспять.

Но летописец должен в тишине
или под грохот уличного боя
писать о всём, что видит пред собою
и слышит о событиях в стране.

Пройдет почти четыре сотни лет,
Россия вновь унижится до Смуты.
Зачем о ней знать в будущем кому-то?
Но выбора у пишущего нет.

7 ноября 1996 г.

* * *

Сначала приходит строка...
Вот это как раз и неточно.
Должна увлажниться щека
и разум утихнуть в бесстрочье.

Еще не черед мастерства,
не время для поиска формы.
Должны позабыться слова
и литературные нормы.

Затем в обретенный покой
слетятся и мысли и звуки.
Не бейся над первой строкой,
не радуйся творческой муке.

2 февраля 2001 г.

ГЛЕБ ГОРЫШИН

Пусть не свободою, но дышим.
Еще не все предрешено.
Глеб Александрович Горышин
Со мной однажды пил вино.

Что в нем запомнилось? Свеченье
наивности и чистоты,
лирическое излученье,
простонародные черты.

Его в тот вечер на вокзале
арестовали как бомжа,
Ведь мы его не провожали,
по забегаловкам кружа.

Был рядом - выпили. Уехал –
пить продолжали без него.
Он долго медлил: “Мне не к спеху,
не опоздаю, ничего...”

Не опоздал. Попал в кутузку.
Он бедно жил последний год.
Но он в усушку и утруску
поэзии не попадет.

22 июля 1998 г.

ПОПРАВКА

В. П. Смирнову

Написано: умер в больнице.
И есть уточнение где:
во Франции, в городе Ницце,
в смиренности, в крайней нужде.

Не прячу печальной улыбки.
Георгий Иванов, прости
за эти чужие ошибки
в статье о последнем пути.

Я знаю: в доме престарелых,
не в Ницце, а возле нее,
ругая и красных и белых,
ты кончил свое житие.

Но если уж править всё это,
то лишь потому, извини,
что не умирают поэты,
а что погибают они.

15 июля 2001 г.

* * *

Есть Держава – придет и Державин.
Будут пушки – родится и Пушкин.
Ведь поэт – он Отечеством славен.
Ведь стихи – это вам не игрушки.

Ну а если разруха и беды,
иноземное иго, бессилье?
Есть стихи – значит, будут победы.
Есть поэт – значит, будет Россия.

23 января 2001 г.

* * *

Под монументами Европы,
где спят российские полки,
вздывается солдатский ропот
и гневно лязгают штыки.

Пусть гимнастерки и мундиры
истлели в череде веков, –
нет выше воинства у мира,
непобедимей нет полков.

Идут по памяtnому следу
с потомством рядом. И должна,
как прежде, русскою победой
повсюду кончиться война.

22 октября 1998 г.

НАД ЗАПАДНЫМ БУГОМ

Разве я помню, что делал вчера?
Жизнь пропадает втуне.
Брестская крепость, четыре утра,
двадцать второе июня.

В сумерках плещется Западный Буг,
быстрое здесь течение.
Вспомнил войну. Остальное вдруг
всё потеряло значенье.

Берег пологий, каменный мост –
вот вам и вся граница.
Это не крепость, это погост,
здесь невозможно биться.

Десять минут – и враги внутри,
и никуда не деться:
или сдавайся, или умри, –
как тебе скажет сердце.

Через полвека молча стою,
вижу рассвет сквозь ветки.
Здесь наши предки гибли в бою,
здесь не сдавались предки.

Это не мужество, даже не долг,
это другое что-то,
коль не сдались ни отряд, ни полк,
ни батальон, ни рота.

Скоро и мне выбирать пора,
не распуская нюни.
Брестская крепость, четыре утра,
двадцать второе июня.

*22 июня, 3 ноября 2000 г.
Брест, Москва*

* * *

Одна Богородица не проглядела...
По тропам, дорогам, селеньям страны
идет, покидая родные пределы,
последний участник Великой войны.

Блестят на груди ордена и медали,
там красные звезды и профиль вождя,
столицы, им взятые, – те, что мы сдали,
границы несправедные городя.

Шаги его медленные и мелковаты,
он клонится по-стариковски вперед.
Но взгляд его ясен, но плечи крылаты,
он мог бы лететь, но, прощаясь, идет.

Его в Сталинграде омонувцы били,
когда он сказал, что пришел в Сталинград.
Его в Ленинграде к Неве не пустили.
Его не пустили в Москве на парад.

Свисают вокруг неродные знамена,
нерусские надписи всюду видны.
И нет никого из его батальона,
дивизии, фронта, эпохи, страны...

4 ноября 1993 г.

* * *

Погибал в бою неравном,
но, переходя на крик,
прохрипел о самом главном
в тот последний в жизни миг.

Был танкист он или летчик,
пехотинец ли, сапер,
в артиллерии наводчик –
не об этом разговор.

Он погиб, так было нужно,
ведь за ним была Москва.
“Слава русскому оружию!” –
вот последние слова.

2 мая 2001 г.

СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Хорошие были солдаты
в Германии сороковых.
Тогда почему в сорок пятом
их мало осталось в живых?

И, вроде бы, верные речи
вожди их кричали порой, –
что дик, и нелеп, и не вечен
капиталистический строй.

И в национальной идее
здоровое было зерно,
хотя и у них иудеев
хватало в вождях все равно.

А мы с трехлинейкой, в обмотках,
а то босиком и с дубьем,
налившись наркомовской водкой
их в фильмах сегодняшних бьем.

Об этом и повести тоже,
и телеэкран, и эфир...
Да, мы кое в чем не похожи
на цивилизованный мир.

Позировать мы не умели,
и хроника наша скучна:
винтовки, обмотки, шинели,
землянки, траншеи. Война.

Но “тридцатьчетверки”, “катюши”,
линкоры, зенитки, “КВ”,
но Лавочкин, Шпагин, Ильюшин,
но Жуков, но Сталин в Москве...

Хорошее было оружие
и маршалы, надо сказать.
С дубьем против немца не сдюжить,
обмотками не повязать.

А впрочем, в Германии тоже
картавые речи слышны,
что были на нечисть похожи
солдаты Великой войны.

5 января 1994 г.

* * *

Верить в себя перестали мы.
Но и поныне крепки
воины маршала Сталина,
русские фронтовики.

Те, кто родились в гражданскую,
в грозные годы росли,
отвоевали германскую
и до Берлина дошли.

Те, кого ныне милиция
на демонстрациях бьет.

Тот с просветленными лицами
непокоренный народ.

Дети и внуки – устали мы.
Но в изменившей стране
воинам маршала Сталина
отдыха нет на войне.

30 июля 2001 г.

* * *

Без боя редеют полки,
тускнеют штыки и знамена,
в походном строю коротки
последние наши колонны.

И кажется, что никогда
не будет победы и славы.
Сдаем, отходя, города
изменникам отчей державы.

И все ж не поднимем к виску
холодную сталь пистолета.
Бывали на русском веку
похуже эпохи, чем эта.

Пусть мы отступили опять
до самого крайнего края,
нельзя нам Россию терять,
от собственных пуль умирая.

22 октября 1998 г.

* * *

Любовь сохранил, а страну не сберег.
Сижу в офицерской палатке.
На север, на запад, на юг, на восток –
езде фронтовые порядки.

Начопер готовит приказ полковой,
разведчик бренчит на гитаре,
качается лампочка над головой
в табачном слоистом угаре.

Фугасы в долинах, засады в горах,
измена в штабах и столице –
всё диким казалось на первых порах,
теперь это даже не снится.

А снится любовь, – мы ее сберегли
на этой войне и на прочих.
Жаль, не сохранили Советской земли,
как песню про черные очи.

30 июля 2001 г.

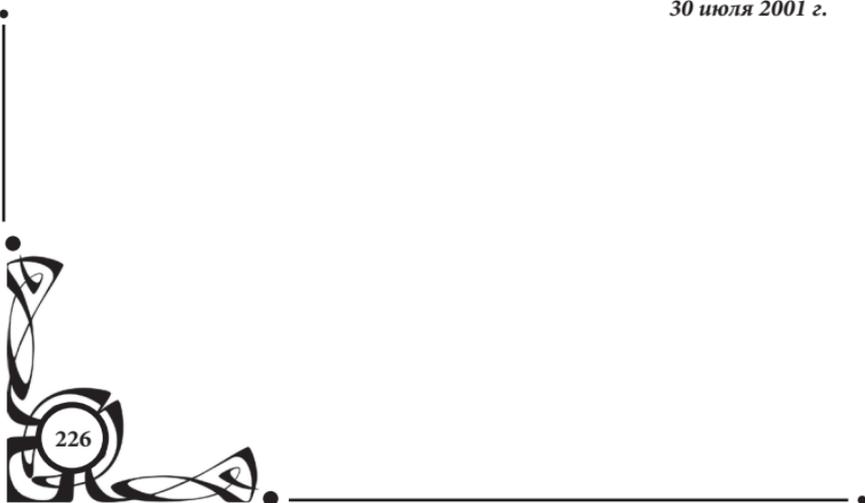
ПИСЬМО

Прощай, ухожу умирать.
Нас мало уже в батальоне
и нечего нам выбирать
на горном расстрелянном склоне.

Увы, таковы времена,
что выбора нет и исхода,
что армия гибнуть должна
во имя чужого народа.

А коль времена таковы, –
я тоже погибну к рассвету.
Но сын пусть дойдет до Москвы,
ты мне отвечаешь за это.

30 июля 2001 г.

* * *

За тусклой завесою быта
едва различима она.
Уже и в России забыта
Отечественная война.

И только девятого мая,
на братских могилах сойдясь
и павших бойцов поминая, –
мы с ними предчувствуем связь.

Потерянное поколение.
Смертельная наша вина.
Ни памяти, ни воскресенья.
Отечественная война.

14 марта 1999 г.

ОБОЛГАННЫЕ ЛЬВЫ

С Мамаева кургана,
с Зееловских высот
уходят ветераны
в невидимый поход.

От маршевого шага
шевелится земля.
Уходят из Рейхстага,
уходят из Кремля.

Сгущаются потемки,
сердца живых пусты,
распродают потомки
их Звезды и Кресты.

Перед стеною плача
Рейх корчится в пыли.
И ни черта не значит
Шестая часть Земли.

Уходят исполины,
оболганные львы
из взятого Берлина,
из проданной Москвы.

17 апреля 2000 г.

* * *

Надо жить. Хорошо или плохо
совершаются в мире дела,
раз досталась такая эпоха, –
Божья воля на это была.

Времена одинаковы, в общем,
если честно их обзреть.
Есть война, – мы воюем и ропщем,
нет войны, – скучно не воевать.

Даже смуты и перевороты
не сжигают нам душу дотла.
Даже в счастье есть горькое что-то. –
Божья воля и это учла.

17 апреля 2000 г.

СЛУЧАЙ В ВИФАНИИ

Опять о Марфе и Марии
я вспоминаю и грущу.
В другой земле, в года другие
следы их вечные ищу.

В их доме около подножья
скалистой Масличной горы
неоднократно с Сыном Божиим
трапезничали две сестры.

Точнее, Марфа хлопотала,
Мария же у ног Христа
сидела и Ему внимала.
Чья совесть более чиста?

Сестры, которая кормила,
прислуживала у стола,
иль той, которая забыла
про неотложные дела?

Однажды Марфа возмутилась,
спросив у Гостя, почему
Он оказал Марии милость
в безделии внимать Ему?

Ответ Господень был суровый:
что, мол, сестра ее права,
что нужно слушать Божье слово,
а остальное трын-трава.

Пусть я повольничал с цитатой,
но речь Христа была жестка,
что подтвердил в главе десятой
евангелист и врач Лука.

Марии ж дела было мало –
устала Марфа или нет.
Она сестры не понимала.
И не поймет сто тысяч лет.

12 ноября 2000 г.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

В подвале убогой церквушки
гнилая солома в углу,
чужие – с помойки – игрушки,
крысиный помёт на полу.

Еще вы не видите это,
поскольку подвал без окна,
и в нем электричества нету,
и ночь за дверями темна.

Зато вы слышали звуки
сквозь трещины на потолке,
и детские слабые руки
в своей ощутили руке.

Божественная литургия
в святую пасхальную ночь

заменит ли вам, дорогие,
бездомного сына и дочь?

Последние спички сгорели.
Ну что, разглядели беду
в России, на пасху, в апреле
в две тысячи первом году?

22 января 2001 г.

* * *

Я человек двадцатого столетья,
двадцатого от Рождества Христа,
Которому я, впрочем, не чета:
не смог ни жить, как Он, ни умереть я.

Сравнения и святотатства нет,
другую мысль вложу в стихотворенье:
плевал я на любые измерения –
не может жить во времени поэт.

Я блудный сын, ушедший в никуда
из дома, края, государства, века
и даже из себя как человека,
хотя и возвращаюсь иногда
в свое пространство и в свою эпоху.
Но, Боже мой, как скучно в них и плохо! –
А надо ждать до Страшного суда.

24 февраля 2000 г.

* * *

Бог зла не создавал.
Но в мире правит зло.
Так из каких начал
оно произошло?

Бог создал даже тьму,
и значит – тьма не зло.
Со светом же Ему
не сразу повезло.

Ведь ангел Люцифер,
ответственный за свет,
отверг – другим в пример –
Его авторитет.

Возникли нелады
среди небесных сил.
Но утренний звезды
мятежник не гасил.

Приказано – беречь,
и он ее берег
и успевал зажечь,
как заповедал Бог.

Зло возжигает свет?
Нет, это не к добру.
Но миллионы лет
светает поутру!

9 ноября 2000 г.

ВЫБОР

Уйти в монастырь и спастись?
Остаться в миру, не спасаясь?
Там – возлелебная высь,
здесь – низкожитейская грязь.

Конечно, уйти в монастырь,
отвергнуть грехи бытия,
читать вечерами Псалтирь,
читать по утрам Жития,
отречься от воли своей,
принять послушания путь
и до искупительных дней
с него ни на шаг не свернуть.

Конечно, остаться в миру,
барахтаться в грешном быту,
пить вечером, петь поутру,
пахать и стоять на посту,
принять не по воле своей
рабочий и воинский путь,
с кровавых и хлебных полей
ни шагу назад не шагнуть.

18 января 2001 г.

* * *

Любовь не отменяет быта,
его забот и суеты,
но без любви от глаз сокрыты
его нездешние черты.

Одна любовь, ничто иное,
преображает сумрак дня
в существованье неземное,
в сиянье высшего огня.

Так в храме озаряют свечи
и оживляют скорбный лик,
так сквозь обыденные речи
звучит Божественный язык.

14 июля 2001 г.

ВЕСНА В САМАРЕ

*Бывшемилая, улыбнись,
мужики - они все гады.
Петр Кошель*

Весенний грязный лед на тротуаре.
И не утопишься – на Волге тоже лед.
Да ничего не надо нам в Самаре,
нас тут никто не любит и не ждет.

Поэты, лирики, какие же мы гады.
Стихи читали... Про кого, кому?
Да ничего в Самаре нам не надо,
а мы здесь – так и вовсе ни к чему.

И стыдно жить, и трудно утопиться,
поскольку лед не тронулся пока.
Да ничего в Самаре не случится,
мы завтра улетим наверняка.

В Москву, в Москву! А лучше б в город Варну,
или в Софию, где она жила...
Ах, Господи, как на душе самарно!
Так значит, бывшемилая? Дела...

12 апреля 1997 г.

ЛЮБОВЬ И СТИХИ

Чем сильнее любовь, тем слабее стихи.
Не придумана формула эта,
из которой выводятся даже грехи
в личной жизни большого поэта.

Но при этом обратного правила нет.
И стихи – просто облако дыма,
если в них не сверкает божественный свет
Той, Которая невыразима.

3 ноября 2000 г.

* * *

Она куда-то улетала.
Надолго. Или навсегда.
Напротив аэровокзала
я провожал ее тогда.

Скамейка, сквер, стена бетона.
Бог знает, что там, за стеной...
Высокомерно, непреклонно
прощалась женщина со мной.

С улыбкою напоминала:
пусть мы ровесники, но я
и знал и видел слишком мало,
а у нее уже семья.

Затем серьезно говорила,
что я талантлив и умен,
и что она б меня любила,
когда б я меньше был влюблен.

Потом с неясною тревогой
спросила: отчего молчу
и, может быть, перед дорогой
поцеловать ее хочу?

Затем умолкла, застонала
и опустилась на скамью.
И руку вдруг поцеловала
неблагодарную мою.

30 января 1997 г.

НАЦЕЯ

Нацья – Летняя девушка (япон.)

Печали не скрыл на лице я,
когда познакомились мы
и странное имя Нацья
сверкнуло средь русской зимы.

Прошли по вокзальному снегу,
промчались железным путем
и остановились с разбега
на дальнем перроне пустом.

Тропинка споткнулась о дачу,
где нас ожидали друзья.
Да мне ль привыкать к неудачам! –
но что-то привыкнуть нельзя.

Опять опоздал лет на двадцать,
а также на несколько дней,
когда с ней успел повстречаться
один из московских парней.

Он скромно отходит в сторонку,
уверенный и молодой,
японскую эту девчонку
пока оставляя со мной.

А мне и смешно и тоскливо,
и я говорю не шутя:
- Нацея, вы очень красивы,
Нацея, вы просто дитя.

Она улыбается смутно,
по-русски она ни гу-гу,
ей тоже сейчас неуютно
на северном нашем снегу.

С ней вместе на дачном крыльце я
сбиваю с подошв этот снег...
- Хреновое дело, Нацея,
японский ты мой человек.

7 января 1997 г.

В ПОСЛЕДНИХ ЧИСЛАХ ДЕКАБРЯ

В последних числах декабря
душа безверием страдает.
Ничто не пропадает зря,
однако все же пропадает.

Перечисленья ни к чему,
не существует исключений.
В минувших днях я не пойму
их истинных предназначений.

А в них ведь и любовь была,
и не одна, не две. Пропали.
Война и прочие дела
воспоминаниями стали.

Так дело в памяти? Не в ней.
Запоминания случайны,
в них разве что слегка видней
бесследных пропаданий тайны.

Так оправдание – в следах?
Попахивает низким бытом.
В слезах спасение, в слезах
о прожитом, о позабытом.

18 января 2001 г.

* * *

Дурил с рогаткой в детстве раннем,
стрелял по людям на войне
в любимом мной Афганистане
и в нелюбимой мной Чечне.

Но я не воин. Пусть ворону
и воробьев пяток убил, –
с людьми я самообороны
границу не переходил.

А вот с предательствами хуже.
Боюсь, что предавал не раз
своих друзей, своих подружек,
да и твою любовь не спас.

Об этом думаю и плачу,
об этом – ни о чем другом.
Как мало без тебя я значу!
Как стыдно быть твоим врагом...

27 февраля 2000 г.

* * *

Военного оркестра медь –
и та звучит порою ложно.
Красиво можно умереть.
Убить красиво невозможно.

2 ноября 2000 г.

ВСТРЕЧА НА КАБУЛЬСКОМ БАЗАРЕ

В микрорайоне на краю Кабула,
где проживали русские спецы
и местное партийное начальство,
располагался маленький базар –
чуть менее крикливый, чем другие,
слегка почище, с ценами повыше
и с патрулем правительственных войск,
который тоже что-то продавал.

Да, я любил кабульские базары,
хотя свободных денег не имел
и покупал там только сувениры
и водку, разумеется. Не в деньгах
тогда в Афганистане было счастье,
поскольку шла как будто бы война:
та странная война, когда базары,
мечети, кишлаки и города
близ наших гарнизонов жили в мире.
Войска ушли - Кабула больше нет,
Герата нет, Газни, Джелалабада:
афганцы сами разгромили их,
воюя меж собой. Но я отвлекся.

Итак, я шел меж кипами дубленок
и свитеров из белой козьей шерсти,
вдоль колоннады видео- и просто
магнитофонов, пирамид бутылок
и груд американских сигарет;

шел, улыбаясь воздуху Кабула –
его разреженной пьянящей чистоте,
похожей на индийские мотивы,
звучавшие повсюду в те года.
И вдруг услышал: “Папа-мама нету”.
И снова, ближе: “Папа-мама нету”.
Мальчишка – лет, пожалуй, десяти –
в лохмотьях пиджака на голом теле,
в солдатской шапке с красною звездой,
в галошах, перевязанных веревкой,
по-русски эту фразу говорил.

В Афганистане подавать нельзя,
особенно мальчишкам: набегут
десятка два окрестных попрошаек,
обступят, закричат, передерутся
между собой, устроят ад кромешный,
пока патруль афганский не увидит
и оплеух им всем не надаёт.

Но парень в шапке с красною звездой
как будто ничего и не просил, –
лишь говорил, что “папа-мама нету”,
сцепив при этом руки за спиной.
Я пригляделся: над его плечами –
худыми, угловатыми – другие
виднелись плечи, а за головою
девчоночья клонилась голова.
Кого он нёс? Наверное, сестру;
она его так нежно обнимала
и расставляла крохотные локти,

их упирая в плечи брата, чтобы
не уставали руки у него.

Мы разминувшись. Я остановился
и, поглядев им вслед, увидел руки,
которыми мальчишка за спиною
держал сестру. Не дай вам в жизни Бог
подобное увидеть и запомнить.
Большие, потемневшие насквозь
от многолетней черновой работы,
в буграх, мозолях, трещинах, рубцах –
не детские, а старческие руки.
Я торопливо сумку расстегнул,
где оставалось несколько бумажек
афганских денег; молнию заело,
бутылка водки пробкой угодила
в кольцо гранаты (я её носил
на всякий случай: в плен кому охота?)...
Короче говоря, они ушли –
брат и сестра. Я их найти пытался
и не сумел.

...Давно всё это было.
Я многое простил державе и себе, –
но не свою заминку на базаре
и не позорный вывод наших войск.

Ноябрь 1996 г.

РАЗГОВОР С АВТОМАТОМ

Я видел это под Гератом,
я слышал это на войне:
боец о чем-то с автоматом
беседовал наедине.

Он гладил ствол, цевьё и ложе,
подствольник, магазин, затвор...
И разговор я слышал тоже,
но то был личный разговор.

Передавать его не вправе,
скажу лишь: говорил солдат
о маме, девушке, заставе,
стоящей на пути в Герат.

Порой, как будто без причины,
звенела дужка на ремне.
Так настоящие мужчины
беседуют наедине.

13 февраля 1998 г.

* * *

Памяти Ф.Б.Г.

Отвоевали по два года.
В сердцах тоска. В глазах туман.
Пора домой. Послушай, Федор,
не улетай на Бамиан.

А вдруг напутала разведка,
а вдруг опять неточен план?
С тобою видимся мы редко.
Не улетай на Бамиан.

Ведь я же знаю все, что будет
на десять горьких лет вперед.
Тебя в России позабудет
твоя жена и твой народ.

И над заброшенной могилой,
чуть различимой сквозь бурьян,
просить я буду: - Федор, милый,
не улетай на Бамиан.

4-5 декабря 1995 г.

* * *

По дороге в Дубоссары
пили кислое вино,
пели песни под гитару,
глядя в пыльное окно.

Было зелени не много –
ряд желтеющих кустов.
И пуста была дорога
до сторожевых постов.

Между глыбами бетона
выходили покурить
и с дорожным батальоном
о войне поговорить.

Автоматы в изоленге,
гимнастерки давних лет.
- Да какие документы!
Разве пару сигарет...

Возле будки самодельной
открывались до конца:
- Оставайтесь! Вы б нам спели,
мы б вам налили винца.

- Нет, мы едем в Дубоссары.
- А, понятно, на коньяк.
Ну тогда включайте фары –
сразу видно, что не враг.

Отдавали честь с обочин
и махали нам вдогон.
Был тираспольским, рабочим
тот охранный батальон.

За бойцов, за их здоровье
поднимали мы тосты,
проезжая Приднестровье,
где кусты, посты, кресты.

11 июля 1994 г.

* * *

В Бендерском пустом ресторане
с наружной стеклянной стеной
сичу я, и как на экране,
жизнь движется передо мной.

Давненько я не был в Бендерах –
лет восемь, с прошедшей войны,
которые прожил на нервах,
натянутых пуще струны.

Отвык от спокойного быта,
простых и радушных людей,
от кинотеатров открытых
и выметенных площадей.

А раньше здесь падали мины,
автобус разбитый горел,
и был нескончаемо длинным
тот первый короткий обстрел.

И памятник Пушкину помню,
простреленный кем-то насквозь.
И хоть вспоминать нелегко мне, -
и страх свой я помню, и злость.

Теперь вместо страха и злости
я впитываю тишину,
приехав как будто бы в гости
в родную до боли страну.

Рубли поменял на купоны,
зашел в ресторан городской,
любуюсь на мир законный,
борюсь с непонятной тоской.

Прекрасно, что здесь не стреляют,
приятно, что нет суеты.
Но вдруг о войне забывают
и не расставляют посты?..

16 ноября 2000 г.

РУССКИЙ МЕДВЕДЬ

После стакана на обеде
диспетчер подобрел душой.
- Ищите “Белого медведя”,
он вам поможет, он большой.

Нашли, спросили командира –
возьмет гражданских? Он сказал:
- “Медведь” я или голубь мира?
Я вертолет или вокзал?

Но с окончанием погрузки
убитых, раненых, больных,
добавил: - Это не по-русски,
беру на борт всех остальных.

Мы втиснулись и полетели
с войны, из Грозного в Моздок.
Диспетчер прав: и в самом деле
“Медведь” нам здорово помог.

Прощаясь, командир был хмурым:
- Дожить бы только до Москвы,
и там я сразу стану бурым,
красно-коричневым. А вы?..

10 апреля 1995 г.

БОЙЦЫ

Это было на прошлой чеченской войне.
Почему мне запомнилось это?
Двое русских мальчишек лежат на спине,
сняв зеленые бронежилеты.

А земля в прошлогодней траве холодна
и воронками щедро изрыта.
Неприятная в мире стояла весна
с точки зрения боя и быта.

Впрочем, днем не бывало особой стрельбы,
разве что непутевая мина
прилетит, шелестя, из чеченской трубы
и разроет весеннюю глину.

Я смотрел из машины на этих ребят,
я отвык на войне удивляться.
Спят, наверное. Нет, шевельнулись, не спят;
снова замерли, не шевелятся.

И тогда догадался, почувствовал я,
как смертельно солдаты устали
даже не от бессонного здесь бытия –
от землянок, окопов и стали.

Потому и легли на сырую траву,
скинув тяжкие бронежилеты,
потому и глядят в небеса, в синеву
еще с этого, с этого света.

16 февраля 2000 г.

ВЕРНЕМСЯ

Мы смерти тоже не боялись,
но как не выполнить приказ?
И мы ушли, а вы остались,
остались умирать за нас.

Просить прощения не вправе,
мы видим в яви и во сне,
как мы уходим, вас оставив
на поругание в Чечне.

Прощенья нет, но мы клянемся:
когда опомнятся верхи,
мы к вам вернемся, мы вернемся,
чтоб нашей кровью смыть грехи.

И в грозный день последней битвы
вы с нами встанете в строю,
своим явленьем и молитвой
прощая Родину свою.

3 мая 2000 г.

СУД

Вас в Чечне не убивали
из засад средь бела дня,
вы там даже не бывали.
Что ж вы судите меня?

Вам самим хотя бы в малом
тамошнем побыть бою,
пусть не раненым – усталым
встать в разреженном строю.

Вы смеетесь: мол, куда ж нам,
дескать, учишь нас, а сам...
...Я молчу о рукопашном –
не желаю даже вам.

1 мая 2001 г.

* * *

Ну что ж, пора, товарищ капитан.
Мы Родину и смерть не выбираем.
Мы под звездой прошли Афганистан,
мы на крестах России умираем.

Мы сыновья загадочной страны,
мы как чужие в собственной Отчизне.
И пусть мы ей сегодня не нужны,
но без нее и нам не надо жизни.

Нет красных звезд на полосах знамен,
но наша кровь не изменила цвета, –
еще он будет в мире воскрешен,
хотя пока мы гибнем не за это.

Ну что ж, товарищ капитан, пора,
ведь мы ни жизнь, ни смерть не выбираем:
мы за Державу гибнем под “ура”,
мы за эпоху молча умираем.

1 мая 2000 г.

РУКА НА ПЛЕЧЕ

Прицельная ли пуля,
случайный ли разрыв, –
в Орле, Рязани, Туле
он вечно будет жив.

На улице широкой,
на площади большой
он встанет одиноко
с простреленной душой.

Его друзья солдаты
к нему придут не раз,
чтоб вспомнить, как когда-то
он их от смерти спас.

Нальют в стаканы водки
и, выпрямившись в рост,
произнесут короткий
армейский третий тост.

И русские березы
зашелестят слышней,
И будут литься слезы
у выживших парней.

И брат, что стал навечно
гранитно-молодым,
на дрогнувшие плечи
опустит руки им.

24 января 2000 г.

* * *

Нет правды на войне, но нет ее и в мире.
Благодаря чужой бессмертной лире
сказал я эту фразу. Жаль, она
одним предлогом правды лишена.

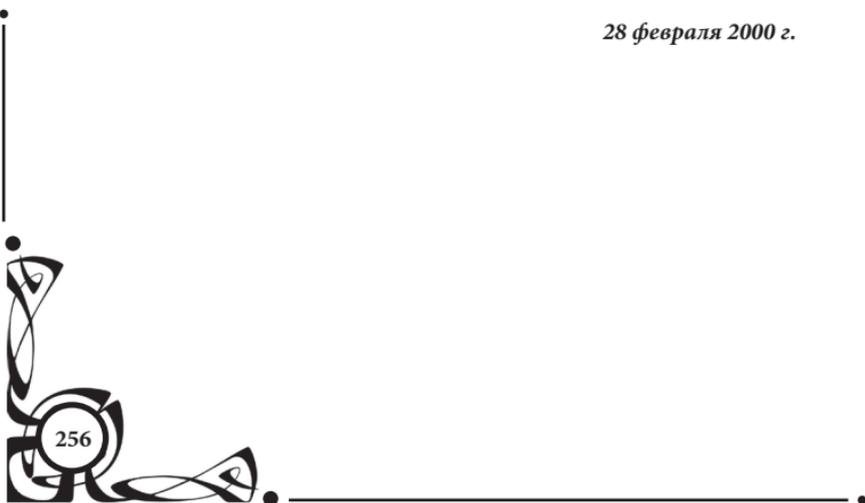
В войне нет правды, – эта мысль точнее:
ведь миру мир, конечно же, роднее.

И все же правда открывалась мне
не в мирных буднях, – чаще на войне.

Там всё острее: цвет, и вкус, и запах,
там сходятся в душе Восток и Запад,
любовь и ненависть, безверье и мечта...
И жизнь твоя прекрасна и проста
лишь на войне, перед зеркалом Смерти.

Не верите? Война идет. Проверьте.

28 февраля 2000 г.

* * *

Сочинитель рифмованных строк,
не нашел я заветного слова,
ничего я придумать не смог,
чтобы в жизни нам встретиться снова.

Не в поэзии, а наяву
мы близки были – некуда ближе...
Неужели я жизнь проживу
и тебя никогда не увижу?

7 января 1997 г.

ОРКЕСТР

Был некий праздник на ВДНХ.
Плясали танцевальные ансамбли,
гремели бубны и звенели сабли,
с помостов пыль слетала и труха.

Центральный обогнули павильон,
пошли левее и еще левее.
Я показать тебе хотел аллею,
где не был со студенческих времен.

Все дальше праздник, тише голоса,
все меньше встречных, все теплей на сердце.
И вдруг забор, и маленькая дверца,
ведущая, конечно, в чудеса.

Открыли и вошли. Внизу эстрада,
вверх от нее пустынные скамьи.
Опять воспоминания мои
не справились с пространством. И не надо.

Ты благодарна и удивлена,
твои глаза туманятся опасно.
Как ты еще наивна, как прекрасна!
Как будет велика моя вина...

Почти соприкасаются уста.
А я смотрю с невольною улыбкой,
как музыканты – с арфою, со скрипкой –
сядутся на концертные места.

Не видя, что творится за плечом,
ты тянешься, ты недоумеваешь...
Я знаю то, что ты еще не знаешь.
Хотя оркестр тут вовсе ни при чем.

25 января 1996 г.

РОМАНС

Горькое счастье, сладкая мука,
жаркие ласки, времени бег.
Вечной бывает только разлука,
вечной любви не бывало вовек.

Не уходи, оглянись от порога.
Как горяча она, как молода!
Вечной бывает только тревога,
вечной любви ты не знал никогда.

Глупо роптать, поздно плакать от боли,
от безвозвратности встреч и разлук.
Вечной бывает только неволя,
вечной любви не бывало, мой друг.

Ей от тебя было нужно так мало.
Остановись, приласкай, погляди.
Вечной любви на Земле не бывало.
Значит, она еще вся впереди.

Август 1991 г.

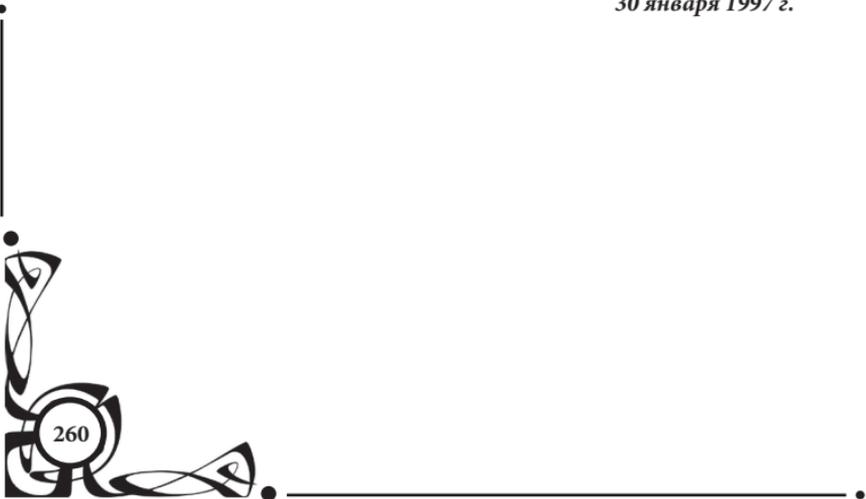
* * *

Безумные ночи... Какие там ночи! –
часы, иногда вечера.
А были чисты они или порочны –
сказать не настала пора.

Нет, слов не боюсь. Надоело бояться.
Молчание хуже вдвойне,
когда перед смертью придется остаться
с несказанным наедине.

А просто для нашей бессрочной разлуки
ни слов не найду, ни причин,
и лишь повторяю прощальные звуки:
“Зачем ты меня приручил?”

30 января 1997 г.

* * *

Я знаю, мы встретимся в жизни иной.
Зачем же склоняешься ты надо мной,
когда я смертельно болею
и жить не хочу и не смею?

Да, это случается не наяву,
да, сам я тебя перед смертью зову,
любуюсь тобой, как воочью
безумною первую ночью.

Но в жизни и смерти случайного нет.
Ты слышала зов, ты явилась в ответ
своей незаконной любовью,
незримыми плотью и кровью.

Вот-вот остановится сердце в груди.
Я жить не хочу, я прошу: уходи.
Не в тесной московской квартире –
в небесном мы встретимся мире.

Но ты прижимаешься крепче ко мне –
в квартире, в больнице, на дальней войне.

И шаг между жизнью и небытием
не в силах я сделать с тобою вдвоем.

31 октября 1998 г.

БАБОЧКА

Не красив, не богат, и не молод уже,
и в квартире моей на восьмом этаже
этой ночью совсем не тепло.
Для чего ты стучишься в стекло?

Облетает листва. Скоро выпадет снег.
Я, наверное, самый пустой человек,
и в последние дни октября
жизнь мне кажется прожитой зря.

Нынче холодно в доме и лампа тускла,
вообще беспросветные в жизни дела.
Если даже влетишь ты в окно,
будет грустно нам, будет темно.

Для чего же так долго – и час, и другой –
ты в стекло ударяешься грудью тугой,
и с надломленных крыльев стекает пыльца,
как слеза с дорогого лица?..

14 октября 1999 г.

* * *

Октябрь двухтысячного года.
Погибший “Курск”, война в Чечне
и вырождение народа.
...Ты вспоминаешь обо мне?

Как странно быть живым поэтом.
Поэтом, но ещё живым.
Но я сегодня не об этом,
давай о нас поговорим.

Друг друга мы не понимали.
А кто друг друга понимал?
И не сближались наши дали,
когда тебя я обнимал.

Перед твоею красотою –
а ты прекрасна, видит Бог, –
как пред иконою святою
молиться я еще не мог.

Любил трепещущее тело,
глаза в тумане и огне.
Не в этом суть, не в этом дело.
...Ты вспоминаешь обо мне?

А знаешь, ты меня спасала –
и на войне, и без войны,
когда незримо обнимала
и явь переводила в сны.

Смирялась боль перед тобою
и время обращалось вспять

в госпиталях, на поле боя,
в похмелье, на войне опять.

Октябрь двухтысячного года.
Я должен всем – семье, стране.
И ни надежды, ни исхода.
...Ты вспоминаешь обо мне?

30-31 октября 2000 г.

* * *

В день последний двадцатого века,
подойдя ненароком к окну,
я увидел внизу человека –
не лицо, а фигуру одну.

Падал снег, заметая дорогу.
И за снежной завесой мне
показался знакомым немного
смутный образ, мелькнувший в окне.

Я к стеклу прислонился плотнее,
на мгновенье увидев опять
ту, кого мне на свете роднее
и любимей уже не сыскать.

И не мог я сказать домочадцам,
почему всё стою у окна.
Ведь она приходила прощаться,
приходила прощаться она.

30 июля 2001 г.

РУССКИЕ

Дует ветер с Востока, и мы наклонились на Запад.
Дунет западный ветер, наклонимся мы на Восток.
Мы стоим среди равнин, мы вдыхаем пронзительный запах
чужеземных миров, выдыхая смертельный восторг.

Ни судьбы, ни пристанища, ни бытия, ни традиций –
ничего не храним, и не служим земному пути.
Если вырваны с корнем, – сметаем чужие границы,
ветер стихнет, – врагам позволяем свои перейти.

Мы – душа человечества, мы не имеем предела
для падений и взлетов, порывов любви и тоски,
и в назначенный век, вылетая из мертвого тела,
снова одушевляем бесплодные материки.

26 июля 1998 г.

ВЕЛЕСОВА КНИГА

На самом востоке, близ рая,
небесным огнем озарен,
стою, одиноко взирая
на славу прошедших времен.

Взрываются пеплом вулканы.
Сползают на юг ледники.
Рождаются из океана
и тонут материки.

Великие битвы грохочут.
Высокие боги грозят.
Святые поэты пророчат.
Любимые женщины спят...

28 сентября 1997 г.

СЕМЕНОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Деревни пустынно до слез,
в колодцах оборваны цепи.
Лишь светится зелень берез
на крыше Семеновской церкви.

Корням не хватает земли,
но веткам и листьям привольно
среди неба, куда мы сошли,
ступив из окна колокольни.

Какой здесь, однако, уют:
цветут васильки и ромашки,
а с краю малину клюют
церковно-небесные пташки.

Понятное дело, что нам
судьбе умиляться не надо,
поскольку заброшенный храм –
не лучшая сердцу отрада.

К тому же печалит до слез
безлюдье внизу. Но на крыше,
среди зарослей, ясно всерьез,
что так предначертано свыше.

14 июля 2001 г.

* * *

На перекрестках юных лет
в селе, в столице,
чтоб разглядеть высокий свет,
смотри на лица.

Под старость, позабыв навек,
где был, где не был,
чтоб кончить жизнь как человек, –
смотри на небо.

От низких взглядов удержишь
и в смертной скорби:
смотри наверх, смотри на жизнь,
смотри на корни!

30 июля 2001 г.

КОСТРЫ

На берегу у переката,
на чистой речке Осетре
бродили мы, не виноваты,
что ночи долги в сентябре.

И на краю крутого яра
в горячем зареве костра
под чью-то дальнюю гитару
мы целовались до утра.

Река текла, вода шумела,
звенела тонкая струна.
Два сердца, две души, два тела
и лишь мелодия одна.

И от Зарайска до Матыры,
от Городны до Берхино,
от неба до земного мира
всё счастье было нам дано.

В огне потрескивали сучья,
взлетали искры над костром,
и звезды падали беззвучно
в далеком семьдесят втором.

Но вот Осетр и четверть века
по перекатам протекли.
И мы с тобой на нашу реку,
как в давней юности, пришли.

Еще костер в ночи дымится,
еще гитары дребезжат,
еще Москва и Луховицы
частично нам принадлежат.

Еще влюбляться наудачу
способны мы, как в те года...
Стоят во Власьево две дачи.
Мы здесь бываем иногда.

2 ноября 1998 г.

* * *

На границе с Кореей... А вы и не знали,
что Россия граничит с Кореей? Я тоже
почему-то об этом не думал, не знал.
С превеликим трудом мы сюда добрались из Хасана
на военном “уазике”, жадно глотающем пыль
всеми щелями в дверцах и выцветшим старым брезентом,
и, счастливые, вышли на берег Японского моря.
Слева – пост пограничников, справа – Корея,
впереди – океан, называй его сколько угодно
хоть заливом, хоть морем, хоть лужею; он – океан.
Над пологим прибором летают огромные чайки,
и песок простирается метров на сто пятьдесят
от зеленой воды до ближайших прибрежных деревьев,
и белеют вокруг створки раковин с чайное блюдце,
и дымит синевою далекий, как смерть, горизонт...

26 декабря 1995 г.

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Памяти Виктора Орешикова

Кто лучше из людей, кто хуже –
давно не сравниваю я.
Все не безгрешны мы. К тому же
зависимы от бытия.

Спортсмен, солдат, студент, учитель, –
я ничего не позабыл? –
он был провинциальный житель,
хороший человек он был.

Детей завидев, улыбался,
а вот семьи не уберег,
поскольку в общем-то спивался
и умер потому не в срок.

Как объяснить, что он – хороший?
Ведь жизнь – она из мелочей.
Он был мой друг в счастливом прошлом,
теперь он в сущности ничей.

Речь не о нем. – О смысле жизни,
непостигаемом вовек,
о смутном времени в Отчизне...
Он был хороший человек.

15 июля 2001 г.

ДОРОЖНОЕ

Мы с тобой потихоньку вздохнули,
подъезжая на поезде к Туле.

А когда подъезжали к Рязани,
мы с тобой заливались слезами.

Дыбом волосы на голове, –
это мы подъезжаем к Москве.

30 октября 1998 г.

* * *

Пнул Пегаса, выгнал Музу,
лиру вдребезги разбил.
Я Советского Союза
из-за вас не сохранил!

Конным спортом занимался,
недоуздками звеня,
и без Родины остался
за Троянского коня.

Возлюбил одну девицу,
а потом и не одну,
радовался: сладко спится, –
и проспал свою Страну.

Под аккорды-переборы
пел, не чуя рук и ног.

Думал: песней сдвину горы,
а Отчизну не сберег.

Ты не обижайся, лошадь,
ты, гитара, не грусти,
и с тобой, моей хорошей,
Муза, расстаюсь, прости.

Надо б с вами подбрее
за давнишние труды...
Но поймите: я зверею,
коль с Державой нелады!

18 января 2001 г.

* * *

Исчезнуть, как древние греки...
А разве бывает иначе?
И странное слово навеки
действительно что-нибудь значит?

Ведь существовали этруски
еще до Эллады и Рима...
...С улыбкою, с песней, по-русски
уйдем, если необходимо.

Останется что-то в искусстве,
в науке, в ремеслах отчасти.
И – неповторимое – в чувстве,
в душе, в предвкушении счастья...

8 января 1997 г.

* * *

Бродил и я в стихиях мира,
и вдруг настигла тишина
в углу трехкомнатной квартиры
у запыленного окна.

С трудом припоминаю годы
веселой юности моей,
ее бессонные восходы,
чередование шумных дней.

Потом любовь. Одна, вторая,
быть может третья, – позабыл,
хотя влюблялся не играя,
в сердечных клятвах честным был.

Потом война прогрохотала,
потом еще одна война,
потом страной быть перестала
с ума сошедшая страна.

Пытаюсь вспомнить бой в Афгане,
пытаюсь вспомнить бой в Чечне...
В сегодняшнем дыму-тумане
они не различимы мне.

Так для чего в стихиях мира
я, напрягая слух и взор,
искал любовь, свергал кумира,
спускался с покоренных гор?

Неужто тленной оболочкой,
земной изнанкой бытия,
как прозаической строчкой,
увлекся и наказан я?

Что у меня осталось в жизни?
Свой угол, пыльное окно
и все-таки любовь к Отчизне,
пусть сумасшедшей, все равно.

15 июля 2001 г.

ШУЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

* * *

Любимые дети Державы,
мы жили от бед вдалеке,
считая великим по праву
свой город на Тезе-реке.

Фабричные окна сияли,
гулял и работал народ,
мячи громыхали в спортзале,
в Клещевку ходил теплоход,

ансамбли играли в горпарке,
и в “Павловском”, и у “Креста”,
в театре мы по контрмарке
порой добывали места.

Нет, мы не считали столицу
далекой, чужой стороной:
в Москву уезжали учиться,
спеша возвратиться домой.

Зачем это все вспоминаю
и душу свою бережу?..
- Прости нас, Держава родная,
прости меня, Шуя, - твержу.

15 мая 2000 г.

АРАКЧЕЕВСКИЙ ТРАКТ

По Аракчеевскому тракту
на межколхозное гумно
последний деревенский трактор
везет последнее зерно.

Зигзагом меж обочин, слепо
рулит нетрезвый ездовой
под скрип тележного прицепа,
под чахнувший моторный вой.

Большие задние колеса
в грязь погружаются на треть,
прицеп в кювет съезжает косо,
мечтая лечь и умереть.

В его бортах такие щели,
что не останется зерна,
когда под вечер в самом деле
он доберется до гумна.

Село Васильевское – сзади,
село Пшеничное – в раю,
где с удивлением во взгляде
один лишь я живой стою.

Пусть неудачная рыбалка
еще забыта не вполне,
пустого дня отнюдь не жалко
близ ожившей дороги мне.

Эх, Аракчеев, граф-служака,
ты натворил немало зла,
но именем твоим, однако,
Россия тракт сей назвала.

Брели уныло арестанты,
неслись в санях большевики,
катали в “эмках” адъютанты,
пешком ходили рыбаки.

И вдруг – при нас! – в Москве, столице,
такая нечисть завелась,
что никакая не сравнится
с ней аракчеевская грязь.

Прошла, как язва моровая,
коса измены по стране...
Но едет трактор, согревая
надежду слабую во мне.

Последнему в России тракту
зазря пропасть не суждено.
Еще взойдет вокруг зерно,
которое рассыпал трактор!

13 ноября 1996 г.

АВТОБУС 3-ГО МАРШРУТА

Этот пригородный автобус
вспоминается до сих пор.
Охватившая душу робость,
несложившийся разговор.

Очень много вокруг народа,
мы стесняемся, стеснены.
А за окнами – огороды
и поля вдалеке видны.

Возвращается юность, что ли?
Я волнуюсь, я возбужден
от внезапной твоей неволи,
безысходной со всех сторон.

Мне потворствуют даже дверцы,
дребезжащие впереди,
заглушая биенье сердца,
что прижалось к твоей груди.

Допоздна мы потом гуляли
по окрестностям городка,
на зеленой траве лежали
и была ты совсем близка.

Не стеснялись и не молчали,
откровенностей не стыдясь.
Но автобус – он был в начале.
Он любовь. Остальное – связь.

16 сентября 1996 г.

ЛИПОВАЯ АЛЛЕЯ

По тропинке в узорах заката
ты уходишь на берег пруда.
Мы друг друга любили когда-то,
завтра ты не припомнишь когда.

В этой липовой старой аллее
я один у скамьи остаюсь.
Я о прошлом, конечно, жалею,
но его вспоминать не боюсь.

Потемнели высокие кроны,
повлажнели тугие листья.
И глухие церковные звоны
опустились на пруд с высоты.

Еле слышу их здесь, за стволами,
просто чувствую в воздухе дрожь
и смотрю, как закатное пламя
по воде пробежало, как дождь.

Ты молитвенник тонкий раскрыла,
совпадением потрясена.
Неужели за то, что любила,
ты виниться пред Богом должна?

Что ж, пора собираться в дорогу.
Догорая, бледнеет закат.
Слава Богу, твержу, слава Богу,
что один я во всем виноват.

9 июля 1993 г.

* * *

Под колокольной Воскресенского собора
еще туман и птичьи голоса.
Пожалуй, ты появишься нескоро:
до утренней молитвы – полчас.

Священник прибыл на автомобиле,
звонарь и дьякон подошли пешком.
Я вспоминаю, как они любили
девчонок, с кем я тоже был знаком.

А впрочем, богохульствовать не буду,
о молодости нашей промолчу.
Я жду тебя. Ведь ты земное чудо.
Другое чудо мне не по плечу.

Луч полыхнул в надвратную икону,
порозовев, рассеялся туман,
светила куполов средь небосклона
сверкают как оптический обман.

И ты идешь по улице Белова,
прекрасна, высока и молода,
иходишь в церковь, не сказав ни слова,
румяная от счастья и стыда.

5 февраля 1997 г.

* * *

Листва хрустела под ногами,
дымился пруд в заплатах льда.
Мы были юными богами
в те незабвенные года.

Нет, ни о чем не сожалею,
утратив образ божества.
Прощай, любовь. Прости, аллея.
Хрусти, нетленная листва.

1 ноября 1996 г.

СЕСТРА

Сестра приехала из Польши.
Двоюродная, но родня.
Мне лет четырнадцать, не больше.
Сестра красива у меня.

А я живу в обычной Шуе,
где ни морей, ни прочих гор,
где колокольню пребольшую
одну улавливает взор.

Все остальное низко, серо.
Провинциальный городок.
Дворяжки, бабки, офицеры,
да лозунги обочь дорог.

Пошли на танцы в парк заречный,
где пляшут дети и шпана,
в буфете выпивши, конечно,
плохого красного вина.

Подруги детства колотили
меня шутивно по плечам,
о баскетболе говорили
и матерились невзначай.

Затем в толпе возникла драка.
Какие танцы драки без!
Сестра хихикала, однако,
и проявляла интерес.

Затем подвыпивший приятель
перед нею на колени стал,
и целовал ее сквозь платье,
и бормотал про идеал.

Домой вернулись поздно ночью,
пройдя Октябрьским мостом.
Мне было очень стыдно. Впрочем,
я знал заранее о том.

Сестра заплакала у двери
и вдруг в слезах сказала мне:
- Я до сих пор еще не верю,
что это вижу не во сне.
Ведь вы святые здесь. А в Польше
совсем-совсем другая жизнь... –

Сестра, мы не святые больше.
Сестра, Варшаве поклонись.

21 февраля 1996 г.

* * *

Как тихо умирает Русь...
Шумят враждебные столицы.
А в деревнях какая грусть,
какая скорбь легла на лица...

Не понимая, в чем вина,
молчат и смотрят виновато.

Идет гражданская война
и внуков требуют в солдаты.

И гаснет свет – в глазах, в домах,
и вечера пусты и серы.
И плачут за столом впотьмах
фронтовики-пенсииеры.

И одинокий луч луны
переползает удрученно
со снимков мировой войны
на самоклеяные иконы.

19 января 1995 г.

ДЕВЧОНКА ИЗ ШУЙСКОГО БАРА

Я живу или вижу кошмары?
Но в ночи и среди белого дня
та девчонка из шуйского бара
охраняет, как ангел, меня.

Да, по возрасту я ей не пара,
между нами любви ни на грош.
И с девчонкой из шуйского бара
я судьбою и только похож.

Продаемся почти что задаром
я стихами и телом она.
Но с девчонкой из шуйского бара
верим в лучшие мы времена.

Денег нет, но осталась гитара,
счастья нет, но осталась душа.
Ах, девчонка из шуйского бара
удивительно как хороша.

Ей панели, а мне тротуары, -
в этом разницы нет никакой.
И к девчонке из шуйского бара
я склоняюсь небритой щекой.

Между нами к чему тары-бары?
Помолчим или выпьем вина.
Не нужна мне сегодня гитара,
ей сегодня любовь не нужна.

А в России раздоры и свары,
голодуха, разруха, разлад.
И девчонке из шуйского бара
я последний товарищ и брат.

Мы ведь с ней не менялы с базара,
нам стыдиться не надо с утра.
И девчонка из шуйского бара
мне родней, чем родная сестра.

Я живу или вижу кошмары?
Но в ночи и средь белого дня
та девчонка из шуйского бара
осеняет крылами меня.

20 мая 1999 г.

* * *

Приходят последние меры,
стихает волнение в крови.
Ничто не получишь без веры,
не дашь ничего без любви.

Для мудрости слишком уж просто.
Но сложная разве нужна,
когда до размеров погоста
сужается в сердце страна?

Начертаны крайние сроки.
Теперь уж, спеши не спеши,
никчемны труды и уроки,
которые не для души.

Какая простая наука,
а словно бы снова живешь.
Поверишь – дается без звука,
полюбишь – без слов отдаешь.

12 января 1999 г.

НА КАТКЕ

Снег и лед на свету серебрятся,
в темноте репродуктор поет.
Мы с тобой не умеем кататься,
нам опасен любой поворот.

Взявшись за руки, едем по краю –
то по льду, то по снегу почти,
на изгибах катка обмирая
от опасного в жизни пути.

Обгоняя на внутреннем круге,
нас толкают, беспечно скользя,
повидавшие виды подруги
и спортивного вида друзья.

А иные и вовсе танцуют
на свету, в центре чистого льда
и коньками восьмерки рисуют, -
не сумеем мы так никогда.

Просто едем и едем по кругу,
над судьбой не обретшие власть,
просто за руки держим друг друга,
чтоб когда-нибудь вместе упасть.

11 января 1999 г.

* * *

Застенчиво и радостно глядела,
притопывая стертым каблуком,
когда на танцах девочкой сидела
та женщина, с которой я знаком.

Наивна, угловата и смешлива,
судьбу искала в парке городском.
О как умела быть нетерпелива
та женщина, с которой я знаком!

Как торопливо губы подставляла,
как поцелуй встречала языком,
как смятую прическу поправляла
та женщина, с которой я знаком...

В прокуренном, битком набитом зале
в рюкзак совала яблоки тайком,
когда мы с ней прощались на вокзале,
та женщина, с которой я знаком.

Свиданья через год, десяток писем
об институте, быте полковом,
но день пришел, и стал я независим
от женщины, с которой я знаком.

А через много лет, когда усталость
и сердцем овладела, и виском,
я вспомнил все, что у меня осталось, -
лишь женщина, с которой был знаком.

1974 г.

* * *

Поехали, батя, за пивом,
возьмем и бутыль, и бидон.
В горпарке открылся красивый
над самой рекой павильон.

Оттуда поля – до заката,
оттуда простор – так простор.
Смотаем в горпарк и обратно,
прогреем, не больше, мотор.

Я рад помолоть, как Емеля:
знать, верно язык без костей.
Давно мы не пили, не пели,
не рвали рычаг скоростей.

Поехали! Пива не будет, -
купнемся, вода хороша.
В горластом телесном сосуде
вконец истомилась душа.

Ты выпьешь, наверно, не много,
хотя на дорогах свои,
и в спор с досаафовским богом
не вступит архангел ГАИ.

Но сдвинем вспотевшие кружки
с крупной соляной на краю
за нашу военную службу,
за мирную нашу семью,

за то, что контужен, изранен
и трижды горевший в броне,
ты все-таки встретился маме –
и я не погиб на войне.

1972 г.

* * *

Отец, я тебя не забуду.
Прости мне до срока вину,
что я не сберег от Иуды
Великую нашу страну.

На кладбище шуйском старинном
над нашей родною рекой
прости согрешившему сыну,
что не уберег твой покой.

В боях на Востоке и Юге
и я не боялся огня.
Но в жизненном замкнутом круге
враги обманули меня.

Не жду ни подмоги, ни чуда,
прости лишь до срока вину.
Отец, я тебя не забуду.
Отец, я верну нам страну.

17 апреля 2000 г.

РУССКИЕ ВРЕМЕНА

* * *

Ах, какая плохая погода!
Снег с дождем объявили в Крыму.
Время жизни со временем года
совпадают один к одному.

Дует ветер с открытого моря,
нагоняет на сердце печаль.
Я давно уже с веком не спорю,
только мне Севастополя жаль.

Под погашенными фонарями
на Приморском бульваре стою.
Мы порой Севастополь теряли,
но впервые вот так – не в бою.

Малороссы и великороссы,
мы забыли, что русские мы.
Снег с дождем, роковые вопросы.
И последние в бухтах дымы.

Ослабевший орел над волною
смотрит в мутно-дождливую даль.
Разве важно, что будет со мною?
Только мне Севастополя жаль.

1996 г.

СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ МОРЕ

Здесь на реях и на стенах
желто-синее тряпье,
здесь украинские деньги
и российское жулье.

Рестораны, тары-бары,
тили-грили, казино,
иностранные товары
и поддельное вино.

Ну а в бухтах и барахтах
догнивает Русский Флот.
Поневоле скажешь: “Ах, ты...” -
и добавишь оборот.

На пароме проплываю,
по Приморскому хожу, -
сам себя позабываю,
только на море гляжу.

Здесь – два века Русской славы.
здесь Советская Страна
скоро встанет величаво
с Севастопольского дна.

1996 г.

РУСАЛКА

Белый парус в Черном море
над зеленою водой.
То ли счастье, то ли горе
мне с такою молодой.

Черноморская русалка,
даже губы солонны.
С нею шатко мне и валко
на волне и без волны.

У нее коса по бедра,
у нее высокий рост,
у нее красивый, твердый,
но немного длинный хвост.

У нее глаза, как море
и как солнце чешуя...
То ли счастье, то ли горе,
что она почти моя.

Мачта гнется, словно тополь,
парус рвется, как крыло.
В легендарный Севастополь
нашу яхту занесло.

Пристань Графскую свалили,
стенку Минную снесли,
бриг "Меркурий" утопили
и другие корабли.

А потом гуляли чинно
по большой Большой Морской,
и при кортиках мужчины
вслед глядели ей с тоской:

- Черноморская, наверно, -
говорили, не таясь.
Ах, какие нужно нервы,
чтоб иметь такую связь!

11 апреля 1995 г.

* * *

На Историческом бульваре
нет никого. Пустынен сход.
Блестит на сером тротуаре
каштановый разбитый плод.

Последние листья акаций,
сквозные ветки миндаля,
столы нелепых рестораций,
морозно-влажная земля.

Из меди, бронзы, диорита –
мемориалы батарей:
с землю сросшиеся плиты,
орудья мертвых кораблей.

Зеленый купол Панорамы,
распахнутая настежь дверь.
Ноябрь. Пролог российской драмы.
Или украинской теперь?..

4 января 1995 г.

ОСТАНЬСЯ В ЖИВЫХ, СЕВАСТОПОЛЬ

Под Графскую пристанью – шепот
глубокой зеленой воды.
Еще далеко, Севастополь,
до нашей последней беды.

Еще инкерманские тропы
польнью не все заросли.
Еще ты стоишь, Севастополь,
на краешке русской земли.

Над Азией и над Европой
холодные льются дожди.
Останься со мной, Севастополь,
пожалуйста, не уходи.

Пусть слышен отчаянный ропот
листвы на осеннем ветру.
Останься в живых, Севастополь,
иначе я тоже умру.

1999 г.

* * *

Разочарованным героем
в себя и в быт не уходи.
Еще идет разведка боем,
еще сраженье впереди.

Да не смутят тебя разруха,
верхов мышинная возня.
Еще идет закалка духа
при свете Вечного огня.

Одна любовь. Одна присяга.
Одна великая страна.
Уже строка: "Назад ни шагу!"
в приказ на завтра внесена.

12 февраля 1998 г.

* * *

Свои своих из-под брони косили.
Не хочется ни верить, ни служить.
И все же без Москвы жила Россия,
без армии России не прожить.

Виновные ответят поименно
за пулеметно-пушечный расстрел.
Но наши офицерские погоны
Господь еще снимать нам не велел.

Грешны перед народом и Державой,
пред верою и совестью грешны.
И все-таки мы не имеем права
уйти до окончания войны.

И пусть неувядаемым позором
придворные овеялись полки, -
есть в армии законы, по которым
грехи смывают сами штрафники.

Отныне не кричать: “Москва за нами!”
Но, стиснув зубы, верить под огнем,
что русское простреленное знамя
мы все-таки поднимем над Кремлем.

1993 г.

* * *

Нас опять предадут и подставят под русские пули.
Вас опять предадут и заставят стрелять по своим.
Мы встречались, как братья, в Ханое, в Гаване, в Кабуле,
а недавно – в Москве – расстреляли друг друга сквозь дым.

Виноваты ли вы, виноваты ли мы – я не знаю.
Выполняли приказы, себя не жалели в бою.
Мы по жизни идем, как идут по переднему краю.
Мы стоим за Россию и, значит, стоим на краю.

Рвем погоны с плеча, поднимаем к виску пистолеты.
Но куда нам уйти от армейской несчастной судьбы?
Остаемся в строю, чтобы Русь отыскала ответы,
примеряя знамена на ваши и наши гробы.

5-7 ноября 1993 г.

* * *

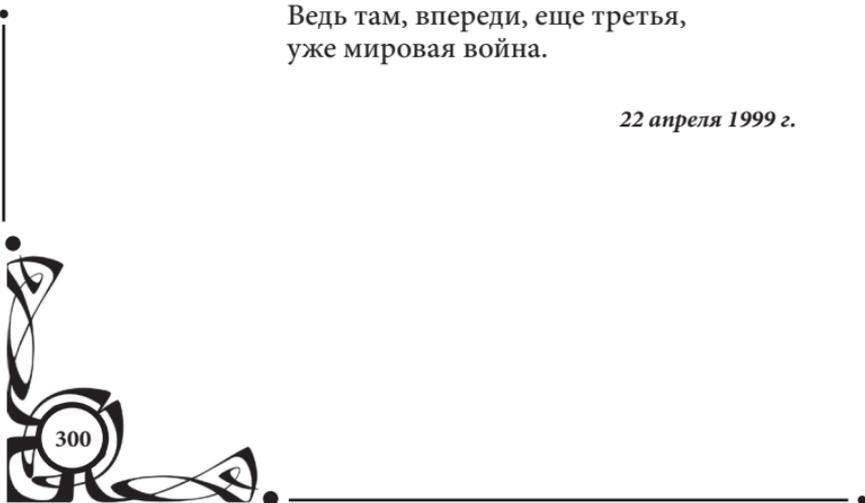
В углу Ставропольского края
граница видна из окна.
Не думали мы, что вторая
кавказская будет война.

Разбили французов и немцев.
Откуда же эта напасть –
среди вновь одичавших чеченцев
внедрять несоветскую власть?

Священные горы Кавказа
уныло торчат в облаках.
Нет правды в кремлевских указах,
нет ярости в русских штыках.

За новое тысячелетье
под выстрелы выпьем до дна:
Ведь там, впереди, еще третья,
уже мировая война.

22 апреля 1999 г.

РУССКИЙ СТИЛЬ

Набежали супостаты,
расшумелись во дворе.
А с похмелья трудновато
подниматься на заре.
Притащили самопалы,
друг у друга рвут фитиль
и палят, куда попало,
и ругают Русский стиль.

Дескать, руки – что коряги,
дескать, ноги – что бревно,
дескать, вы на первом шаге
сами рухните в дерьмо.
Дескать, пьяницы и воры,
лежебоки и рабы,
для вселенского позора
выходите из избы.

Я б еще поспал немного,
я напился бы кваску,
супостатов, слава Богу,
нагляделся на веку.
Но палит без передыху
их железная утиль.
Выхожу, прошу их:
- Тихо,
не замайте Русский стиль.

Дескать, чуждые методы
я словесно не хую.

Выметайтесь с огорода,
я еще пойду посплю.
А не то, мол, ненароком,
поневоле разойдусь
и по Западу с Востоком
Русским стилем протопчусь.

Супостаты закричали,
навалились на крыльцо,
и руками замахали,
и ногой суют в лицо.
Крутят палки на веревках,
железяками свистят,
демонстрируют сноровку –
знать, побить меня хотят.

Русский стиль – не драки ради,
хоть подраться весело.
Надоели эти ...дяди,
затемнение нашло.
Я рукою – что корягой,
я ногою – что бревном.
Самопалы по оврагам
пораскидывал потом...

7 ноября 1993 г.

* * *

Слева кресты и справа,
а впереди – война.
Много нас у Державы.
Держава у нас одна.

Смерть не труднее жизни,
если в бою она.
Много нас у Отчизны.
Отчизна у нас одна.

Как впереди красивые
Русские времена!
Много нас у России.
Россия у нас одна.

1993 г.

* * *

Гроыхали дальние разрывы,
между звезд мелькали трассера.
На войне по-своему красивые
тихие такие вечера.

Ни о чем не думалось особо.
Пели песни, пили спирт-сырец,
чтобы не печалиться, и чтобы
войны прекратились, наконец.

Пасынки России, командиры
батарей, дивизионов, рот, -
нам ли не грустить о судьбах мира,
если мы воюем пятый год,

если генералы обманули,
если ненавидят нас в Кремле,
если нам желанной стала пуля
неприкосновенная в стволе...

2000 г.

* * *

Осмеяна Русская слава,
но гибель еще далека,
пока различима Держава
с командного пункта полка.

На карты глядят и в прицелы,
готовясь в последний поход,
надежда страны, офицеры,
отчаянный русский народ.

Вчерашние ссоры – не битвы,
а битвы еще впереди:
под знаменем красным, с молитвой,
со славою русской в груди.

6 февраля 1997 г.

* * *

Порабощая тело духу,
избрав нетленные пути,
сумей и смуту, и разруху,
и Божий гнев перенести.

Век суетен, сердца жестоки,
добро не побеждает зла.
Грядут кровавые уроки,
бьют смертные колокола.

Пусть человеческая слава
прельстила грешные сердца,
и ослабевшая Держава
не чтит героя и творца, -

но до окраины Вселенной
лежит – его не зачеркнуть –
твой офицерский, твой военный,
твой жертвенный и грозный путь.

1998 г.

ВОЙНА И ЛЮБОВЬ

ВОЙСКА НЕБЕСНОЙ ОБОРОНЫ

Святая Русская держава
в кровавый дым погружена.
Ее поруганная слава
земному взгляду не видна.

Исполосованы знамена.
Но над изменой и враньем
войска небесной обороны
еще глядят за окоем.

Дом Богородицы, Россия,
твои поля и города,
враждебной отданные силе,
горят от боли и стыда.

Полки, бригады, батальоны
отгородились от своих.
Войска небесной обороны
одни за мертвых и живых.

И по невидимому следу,
не преклоняя головы,
святые ратники победы
сойдут из вольной синевы.

И незаконные законы
не одолеют Русь, пока
над нею держат оборону
ее небесные войска.

20 октября 1993 г.

* * *

И кровь уже не горяча,
и дух уже не молод, -
и вдруг “Застава Ильича”,
платформа “Серп и молот”.

Случайным ветром занесло,
служебная забота.
А может, времени крыло
устало от полета?

Стучу ладонью о кулак
в неизъяснимом раже:
куда лечу незнамо как,
не оглянувшись даже?

Дощатый тесный павильон
с обитой жостью печкой...
Пуускай не сохранился он, -
я укажу местечко.

А как звенели провода
над павильоном этим!
Как мы гадали в те года,
кого на даче встретим!

Прощай, “Застава Ильича”,
в последней электричке
плечом касаемся плеча,
краснея с непривычки.

В ту зиму лютую никто
не наезжал на дачу.
Моя шинель, твоё пальто
простыночке в придачу.

Не засыпали ни на час,
еще не веря, вроде,
что впереди весна у нас,
что лето на подходе.

А если это было так —
а так оно и было! —
зачем ладонью о кулак
стучу что станет силы?

6 августа 1985 г.

* * *

Я видел, как ястреб играет в полете.
Сначала парит, забывая о плоти,
кружит, невесомее дыма и пуха,
в присолнечной области вечного духа.

Без мысли о будущем, без напряженья
над прахом земным совершает круженье,
порою взмывая в потоке воздушном,
его разрезая крылом равнодушным,

порою снижаясь — бесстрастно, полого:
на небе пространства свободного много, —
и он не боится терять высоты
своей неземной своевольной мечты.

Но в непредсказуемой точке небесной
он падает, словно по нити отвесной.
Увидел добычу? Нет, поле ржаное
еще не остыло от мертвого зноя,
не ожило там ни единой норы...
Падение с неба — начало игры!

Стремительно падает грозная птица.
Опомнись, безумец, ты можешь разбиться.
Уже до земли не осталось и метра,
уже и колосья качнулись под ветром
от крыльев, расправленных поздно тобой.
Зачем ты играешь небесной судьбой?

Но выставив лапы, но выпустив когти
и крылья углами подняв, будто локти,
сбивая с колосьев литое зерно,
ты снова взлетаешь в мгновенье одно!

Как весело машут могучие крылья!
Как снова желанны полета усилья!
Как страшно играешь ты жизнью, Россия...

12 января 1995 г.

* * *

Куда уходит женщина – неважно.
В себя. К другому. В главные дела.
Но дай вам Бог задуматься однажды:
откуда эта женщина пришла?

Она в моей судьбе существовала
с какого-то, конечно, рубежа,
когда еще себе принадлежала,
уже и мне слегка принадлежа.

Да, память обрисовывала смутно
давнишний вечер, сцену у окна,
где руки мне целует почему-то
не помню, кто, но, кажется, она.

Тогда первоначальная причина
таинственною видится вдвойне:
зачем целует руки не мужчина,

зачем она целует руки мне?
Потом провал и в памяти и в сердце.
Вторая сцена: сумеречный двор,
старинный дом, расшатанная дверца,
и черный ход, и легкий разговор,

и снова дверь — в лохмотьях дерматины,
за нею стол, магнитофон, кровать.
И далее интимная картина,
которую не буду рисовать.

Но как блестел латунью умывальник!
Как скатерть на столе была чиста!
Как жадно в уголке, служившем спальней,
ко мне тянулись юные уста!

И мы встречались долго, дольше года,
и я уже задумывался вдруг:
с какого неземного небосвода
в судьбу мою сошел прекрасный друг?

Расстались мы легко, светло, без ссоры.
Она сказала: — Мне пора. Прости. —
И я сказал: — Какие разговоры!
Мне самому давно пора идти. —

А по каким дорогам и проселкам
нас развели судьба, любовь, дела, —
для вечности не важно. Знать бы толком,
откуда эта женщина пришла.

7 апреля 1994 г.

МОГИЛА ТЮТЧЕВА

Нет ни гранитного креста,
ни урны мраморной, ни бюста.
Листвой усыпанная густо
лежит могильная плита.
Я два часа ходил вокруг,
с кладбищенским сверялся планом.
Под зимним сумрачным туманом
она открылась мне не вдруг —
могила Тютчева. Ограда
перед плитой была низка
и тоже не видна, пока
не подошел вплотную к ряду
ее игрушечных столбцов,
сокрывшихся наполовину
в слоях листвы и мерзлой глины...
Но я нашел в конце концов
могилу Тютчева. Над нею,
как странно, не было ветвей,
хотя левее и правее
сплетались кроны двух аллей.
Туман рассеялся. Возможно,
он был слезами на глазах.
Блеснули звезды в небесах.
Луна спустилась осторожно
на купола монастыря,
стоящего неподалеку, —
к могиле Тютчева, к Востоку
приблизив отблеск алтаря.

1986 г.

ПОКРОВСКОЕ-СТРЕШНЕВО

Как из мира нездешнего,
из космической тьмы, —
на Покровское-Стрешнево
возвращаемся мы.

Меж дорогой железною
и трамвайным путем
над невидимой бездною
мы неслышно идем.

Это было без малого
четверть века назад
у пруда застоялого,
у дворцовых оград.

Это было в студенчестве,
в жизни, прерванной вдруг,
непутевой, изменчивой,
ускользнувшей из рук.

Наши линии скрещены.
Точка встречи для них
наяву не обещана
на пространствах земных.

Только души безгрешные,
как в далекие дни,
на Покровское-Стрешнево
прилетают одни.

1982 г.

* * *

Война и любовь не бывают случайны,
а все остальное случайно порой.
Смотрю на тебя как на дивную тайну:
ты в мире одна, нет у Бога второй.

И эту улыбку, и волосы эти,
и эти глаза голубого огня
я видел во снах, нет подобных на свете.
Останься со мной, посмотри на меня.

Я слов не прошу. Я уже понимаю:
меня не спасут никакие слова.
Судьбу не случайную я принимаю.
Ты любишь другого. Ты тоже права.

Не встретились раньше, не встретимся позже,
так взгляды чужие хоть миг не лови.
Две наших любви друг на друга похожи,
случайно похожи две разных любви.

1989 г.

КОРОЛЕВА “КРАСНОГО КРЫМА”

С такой красивой женщиной
давненько не ходил,
о страсти переменчивой
речей не говорил.

Под зонтиком единственным,
под проливным дождем
с красивою, с таинственной
по городу идем.

В театре драматическом
спектакль про любовь.
О, как она скептически
приподнимает бровь!

Гостиница с колоннами,
там ресторан и бар...
Какая непреклонная!
Вступаем на бульвар.

Меж фонарей погашенных
беседки хороши...
Ей что, — она бесстрашная
до глубины души.

Она такая строгая, —
нельзя поцеловать.
Идет своей дорогою
у моря побывать.

За темнотою дождливую
на рейде, невредим,
забыл ее, красивую,
неверный “Красный Крым”.

30 ноября 1994 г.

ГЕРАКЛЕЙСКИЙ РОМАНС

Море синее, скалы белые
и зеленая трын-трава.
Губы алые, неумелые —
поцелуи ведь не слова.

С Гераклейского полуострова
дали дальние нам видны.
Крейсера плывут, тянут острые
треугольные буруны.

А дымы из труб желто-серые...
А касанье губ, как ожог...
Я влюблен в нее. Или верую,
что влюблен в нее, видит Бог.

Ничего у нас не получится
сверх отчаянных скальных встреч.
Будет мучить других и мучиться.
Буду фото ее беречь.

С полуострова Гераклейского,
где кончается Красный Крым,
я вернусь в Москву иудейскую
рейсом номер 602-м.

А в Москве уже окна в инее.
И не видеть мне наяву
скалы белые, море синее,
гераклейскую трын-траву...

20 января 1995 г.

РУССКОЕ МОРЕ

Нам опять уходить в наше Русское море
из неправой страны, что Отчизной была.
Нам опять поднимать в одиноком просторе
на грот-стеньгах несдавшиеся вымпела.

Нам опять вспоминать скалы русского Крыма,
Севастопольский рейд и Малахов курган.
Нам опять объяснять то, что необъяснимо,
и сквозь слезы глядеть в Мировой океан.

Вот когда мы поймем наших прадедов горе.
Спорить с волею Божьей и мы не смогли.
Раз в три четверти века по Русскому морю
из России уходят ее корабли.

1995 г.

ПРИЕМЫШИ

Ну что ж, теперь нам не ужиться.
Вы перешли рубеж стыда.
И ваши души, ваши лица
нам чужды будут навсегда.

Вы нами правили незримо.
Вам захотелось наяву
владеть наследницею Рима,
назвать рабынею Москву.

Не красота ее и слава
большую воспалили плоть.
Вы ненавидели державу,
в которой не распят Господь.

Причмокивая сладострастно,
уже считали вы рабой
всю землю Русскую. Напрасно
не дорожили вы судьбой.

О нет, нам ваша кровь гнилая
и жизнь пустая не нужны.
Оставьте их себе, не зная,
как безнадежно вы больны.

Но есть границы всепрощенью
и для приемышей-калек.
И вы поймете их значенье
в сиротский двадцать первый век.

1993 г.

* * *

Горные посты в скалах Гиндукуша,
длинная, как жизнь, странная война.
Пули рвали грудь. Мысли рвали душу.
И рвалась в ночи первая струна.

Линия траншей через Приднестровье,
страшный, как во сне, Дубоссарский ров.
Кислое вино, смешанное с кровью
из разбитых губ, певших про любовь.

Рейды под огнем по горам Памира,
воины ислама с лентами во лбу.
Над шестой струной пулевые дыры.
Юный гитарист в цинковом гробу.

Песню допоем на снегах Кавказа.
Пусть не мы — она останется жива.
Нам уйти домой не было приказа.
Нам не петь нельзя: впереди Москва.

14 января 1995 г.

Библиография В. Г. Верстакова

- Верстаков, В. Г. Традиция: стихи. –
Москва: Современник, 1975. – 77 с.
- Верстаков, В. Г. Сердца и звезды: стихи. –
Москва: Воениздат, 1978. – 47 с.
- Верстаков, В. Г. Инженерный батальон: стихи.–
Москва: Советский писатель, 1979. – 86 с
- Верстаков, В. Г. Песня Вероники. Очерки о
современной армии и флоте. –
Москва: Советская Россия, 1988. – 158 с.
- Верстаков, В. Г. Пылает город Кандагар...:
стихи и песни.–
Москва: Молодая гвардия, 1990. – 94 с.
- Верстаков, В.Г. Афганский дневник: повесть. –
Москва: Воениздат, 1991. – 397, [2] с.
- Верстаков, В. Г. Прости за разлуку: повести. –
Москва: Патриот, 1991. – 285, [2] с.
- Верстаков, В. Г. Ради твоей неизвестной любви:
стихи, прозаич. поэма. –
Москва: Воениздат, 1993. – 159 с.
- Верстаков, В. Г. Война и любовь. –
Москва: РБП, 1996. – 7 с. (Рекламная библиотечка поэзии)
- Верстаков, В. Г. Русские времена: стихи и песни. –
Москва : Мужество и гуманизм, 1999. – 33 с.

Верстаков, В. Г. Шуйская тетрадь. –
Шуя, 2001. – 124 с.

Верстаков, В. Г. Бродил и я в стихиях мира. –
Москва: Московская городская организация
Союза Писателей России, 2001. – 136 с.

Верстаков, В. Г. Прощай, Афганистан: стихи и песни. –
Москва: Война и мир, 2004. – 174 с.

Верстаков, В. Г. Пора, славяне : стихотворения. –
Москва: Московская городская организация
Союза писателей России, 2011. – 152 с.

Верстаков, В. Г. Офицерские звезды: очерки. –
Москва : Воениздат, 1980. – 96 с

Верстаков, В. Г. Там, в Афганистане : очерки. –
Москва : Воениздат, 1981. – 64 с.

Верстаков, В. Г. От «Правды» до «Свободы»:
служебная повесть. – Москва : Воениздат,
2009. – 309, [2] с. (Редкая книга)

Содержание

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

События и лица	9
Салтыковка	10
Переформировка	11
«Давай посидим на диванчике...»	13
О голубых	14
«Два боя – переформировка...»	15
«Пройти дорогу до конца...»	16
«Мы любим поющих с надрывом...»	17
Устьинский мост	18
«О деревьях, о цветах...»	19
«Над куполами Николо-Угренской обители...»	20
Постмодернисты	21
Последний поезд	22
Прощальный марш	23
Разговор с жизнью	24
Армейский роман	25
На великой войне	26
Иконка	27
Товарищи офицеры	28
«Душа разбита как горшок...»	29
«На черта мне прогнозы погоды...»	30
«Я писал о том, что близко веку...»	30
«Проезжаю ли автобусом...»	31
Борьба	32
Пост	33
«Постарел, освобождаюсь...»	34
«Над собою не заплачу...»	35

Лунные старты	36
«Ни ветра, ни дождя...»	37
Отставка	38
Закон	39
Диалектический идеализм	40
Секретик	41
«Полковник ловит рыбу...»	42
«Да здравствуют те, кто...»	43
Деревенская ночь	44
Верность	45
«Прима»	46
Подруга художника	47
Гости	48
«А вы говорите про счастье...»	49
«Любимой женщине я счастья не принёс...»	50
«Солдатовы, Орловы, Соколовы...»	51
Чужая	52
«Потеряно всё, кроме чести...»	53
«Какая высокая нынче трава...»	54
«Как хорошо!- говорила она...»	55
Федя	56
«Что мне привиделось нынче в избе?...»	57
«Вот я снова сижу у огня...»	58
Пицунда	59
Артист	60
Русский вопрос	62
«Не пишется. А это значит...»	63
Пора, славяне	64
Песня	65
«Пришёл на могилу отца...»	66
«Зачем же ты, глухая, плачешь во сне...»	67
«Ведь это сердце, а не фляжка...»	68

«Высокое небо Кабула...»	69
«Вороны каркали всю ночь...»	70
«В жёлтых окнах казарм...»	71
«Державы нет, а мы ещё воюем...»	72
Сапёр	73
Войнушка	74
«Как быстро забывается война...»	75
Полковник	76
Последний бой	78
«Москва»	79
Минеральные воды	81
Наташа	82
Перед боем	83
«А всё же есть и первый снег...»	84
«Ваши умные беседы...»	85
«Перми погибли, как ни странно...»	86
В городской библиотеке	87
«Я видел будущее мира...»	88
Последний	89
«Вот уйду, а никто не заплачет...»	90
«Осенью, вечером, в Шуе...»	91
Деревня	92
Праведник	93
«Земля погибнет в двадцать первом веке...»	94
К чужим	95
«Ни огонька на рейде Севастополя...»	96
Ваганьково	97
«Не дают с утра покоя...»	98
Пыль	99
«И откуда взялась та подкова...»	100
Неоновый Арбат	101
Честная нежность	102

«Слетелись ворон к ворону...»	103
Скамейка	104
«На пыльных бульварах московских...»	105
«Вспоминаю случайные встречи...»	106
Последняя надежда	107
«Сердца ли нет у меня...»	108
«Она бесконечно чужая...»	109
Взгляд	110
Птица	111
«Большая Ордынка и Устьинский мост...»	112
«Был дождь со снегом в праздник Покрова...»	113
В Париже	114
Одиночество	115
Аллегория	116
«Спаси, Господь, от поздних встреч...»	117
«Прах во гробе не поёт...»	118
После Пасхи	119
Перо	120
«Беспорочное зачатие...»	121
«Сын римского легионера...»	122
Известному поэту	123
«Юродивыми избраны в России...»	124
Велосипед	125
«Нет правды в их устах...»	126
Романтика	126
Снимки	128
«Я влюблен в кого попало...»	129
Свидание	130
«Отметив юбилей Христа...»	131
Похмелье в Братске	132
«А хорошо бы махнуть рукою...»	134
«Бог дает. А братъ не хочется...»	135

«Посмотрим холодно и честно...»	135
«После бала»	136
На земле	137
Русская вера	138
«Лампу в избе погасил...»	139
Неофит	140
«Пора писать от первого лица...»	141
«Стань другом собственной судьбы... ..»	143
Мне нравятся эти места	144
«Я не эпохе, а природе...»	145
Автоматы газированной воды	146
Материки	147
«В трусах до колен, но защитного цвета...»	148
Русская печь	149
«И в эти последние годы...»	150
«В лианозовской роще...»	151
«Свидетель космической эры...»	151
«Посиди, посмотри на огонь...»	152
«Два журавля, как два аэроплана...»	153
«Хорошие стихи, плохие...»	154
Толястик	155
Русь уходящая	156

ПРОЩАЙ, АФГАНИСТАН

Девятая рота	157
«Горит звезда над городом Кабулом...»	158
Портрет	159
Из пламени Афганистана	160
Прицел	161
Пылает город Кандагар	162
В королевских конюшнях	163
На перевале	165

Новогодняя ночь	166
Прапорщик Зенин	167
Медсестра переднего края	168
Лети, вертолётчик	169
Неизвестная любовь	170
Нюрка	171
Пилоты	172
Вспоминаю боеца	175
Последний поход	176
Девчонки нашего полка	177
Молитва	179
Фотография	180
«Открываю страницы афганской войны...»	182
Боец из бригады «Коммандос»	182
Капитан из Бадашхана	184
Немирный кишлак	186
«Я вылетал из Кандагара...»	188
Хабиба	189
В ночном полете	191
Война не понимает нас	192
Удача	193
Долги	194
«Разведка цветы собирала...»	195
«От боя до боя...»	196
Джелалабад	197
Помни обо мне	198
Нет цветов в Афганистане	199
Берёза	201
«Простуженно выли бездомные псы...»	202
«В землянке, вкопанной в долину...»	203
«Последний батальон уходит из Кабула...»	204
Что толку в красоте земной	205

«Завалы, заслоны, засады...»	206
Штык-нож от АКМ	207
«Быть может, смерть уже стоит у изголовья...»	208
«Давай за тех, кто не вернулся...»	209
«Почему нынче вспомнилось мне...»	210
«Была дорога наша долгой...»	211
«Боже мой, да была ли война...»	212

БРОДИЛ И Я В СТИХИЯХ МИРА

«В пурпурном плаще полководца...»	213
Вторая смута	214
«Сначала приходит строка...»	215
Глеб Горышин	216
Поправка	217
«Есть Держава – придёт и Державин...»	218
«Над монументами Европы»	218
Над Западным Бугом	219
«Одна Богородица не проглядела...»	220
«Погибал в Бою неравном...»	221
Солдаты великой войны	222
«Верить в себя перестали мы...»	223
«Без боя редуют полки...»	224
«Любовь сохранил, а страну не сберёг...»	225
Письмо	226
«За тусклой завесою быта...»	227
Оболганные львы	228
«Надо жить. Хорошо или плохо...»	229
Случай в Вифании	230
Пасхальная ночь	231
«Я человек двадцатого столетья...»	232
«Бог зла не создавал...»	233
Выбор	234

«Любовь не отменяет быта...»	235
Весна в Самаре	235
Любовь и стихи	236
«Она куда-то улетала...»	237
Нацея	238
«В последних числах декабря...»	240
«Дурил с рогаткой в детстве раннем...»	241
«Военного оркестра медь...»	241
Встреча на Кабульском базаре	242
Разговор с автоматом	245
«Отвоевал по два года...»	246
«По дороге в Дубоссары...»	247
«В Бендерском пустом ресторане...»	248
Русский медведь	250
Бойцы	251
Вернёмся	252
Суд	253
«Ну, что ж, пора, товарищ капитан...»	254
Рука на плече	255
«Нет правды на войне...»	256
«Сочинитель рифмованных строк...»	257
Оркестр	257
Романс	259
«Безумные ночи...»	260
«Я знаю, мы встретимся в жизни иной...»	261
Бабочка	162
«Октябрь двухтысячного года...»	263
«В день последний двадцатого века...»	264
Русские	265
Велесова книга	266
Семёновская церковь	267
«На перекрёстках юных лет...»	268

Костры	269
«На границе с Кореей...»	270
Хороший человек	271
Дорожное	272
«Пнул Пегаса, выгнал Музу...»	272
«Исчезнуть, как древние греки...»	273
«Бродил и я в стихиях мира...»	274

ШУЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

«Любимые дети Державы... ..»	276
Аракчеевский тракт	277
Автобус 3-го маршрута	279
Липовая аллея	280
«Под колокольной Воскресенского собора...»	281
«Листва хрустела под ногами...»	282
Сестра	283
«Как тихо умирает Русь...»	284
Девчонка из Шуйского бара	285
«Приходят последние меры...»	287
На катке	288
«Застенчиво и радостно глядели...»	289
«Поехали, батя, за пивом...»	290
«Отец, я тебя не забуду...»	291

РУССКИЕ ВРЕМЕНА

«Ах, какая плохая погода!..»	292
Севастопольское море	293
Русалка	294
«На Историческом бульваре...»	295
Останься в живых, Севастополь	296
«Разочарованным героем...»	298
«Свои своих из-под брони косили...»	299

«Нас опять предадут...»	300
«В углу Ставропольского края...»	301
Русский стиль	302
«Слева кресты и справа...»	303
«Громыхали дальние разрывы...»	303
«Осмеяна русская слава...»	304
«Порабощая тело духу...»	305

ВОЙНА И ЛЮБОВЬ

Войска небесной обороны	306
«И кровь уже не горяча...»	307
«Я видел, как ястреб играет в полёте...»	309
«Куда уходит женщина – неважно...»	310
Могила Тютчева	312
Покровское – Стрешнево	313
«Война и любовь не бывают случайна...»	314
Королева «Красного Крыма»	315
Гераклейский романс	316
Русское море	317
Приёмьши	318
«Горные посты в скалах Гинкудуша...»	319
Библиография В. Г. Верстакова	320

СТИХИ
Виктор Верстаков
**А что нам терять,
кроме чести**

Редактор: Кузнецова Т. Н.

Корректор: Новикова Е.А.

Верстка: Труфанова С.В.

Отпечатано в типографии

«НОВЫЙ ВЗГЛЯД»

394006, г. Воронеж, ул. Славы, 13а

Тел.: (473) 292-93-93,

Печать офсетная. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 19,3

тираж 500 экз. заказ 8583

Подписано в печать 22.09.2015 г.

